



**ВЕСТНИК
ДОНБАССКОЙ
ЮРИДИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ**

**ЮРИДИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
№ 2/2016

г. Донецк 2016



**Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»**

**ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
УЧРЕЖДЕНИЯ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНБАССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»**

(Юридические науки)

**Научный журнал
№ 2 / 2016**

Выходит 4 раза в год. Издаётся с 2016 г.

**Донецк
ДЮА
2016**

Главный редактор –	Р. С. Алимов, канд. юр. наук, доцент
Ответственный редактор –	А. К. Поправко, канд. филос. наук
Ответственный секретарь –	Э. А. Ангелина, канд. филос. наук
Редакционная коллегия (Донецкая Народная Республика):	А. М. Моисеев, д-р юр. наук, А. В. Броварь, д-р ист. наук, (Донбасская юридическая академия), В. Г. Севка, д-р экон. наук (Национальная академия строительства и архитектуры, г. Макеевка), Г. Н. Гапотченко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), В. В. Ковалева, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), П. И. Павленко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), В.И. Козюберда, канд. юр. наук, доцент (Донбасская юридическая академия), В. А. Комаров, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия), С.Ю. Мироненко, канд. юр. наук (Донбасская юридическая академия).
Иностранные члены редакционной коллегии:	С. В. Лихачев, д-р юр. наук (Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия), С. В. Шевелева, д-р юр. наук (Юго-западный государственный университет, г. Курск, Россия).
Журнал зарегистрирован	В Научной Электронной библиотеке (НЭБ) – головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) (лицензионный договор № 596-11/2016 от 10 ноября 2016 г.)
Основатель и издатель –	Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донбасская юридическая академия», г. Донецк.
Журнал подписан к печати Ученым советом Донбасской юридической академии, протокол № 2 от 27.10.2016 г.	
Язык публикации: русский, английский.	
Все права защищены. Перепечатка и переводы разрешаются только с согласия автора и редакции.	
Адрес редакции:	ул. Куйбышева, 31-а, г. Донецк, 83101. Тел.: (071) 338-39-90; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru

Вестник Донбасской юридической академии: сборник научных трудов / под ред. Р. С. Алимова. – Вып. 2. – Донецк: Донпринт, 2016. – 182 с. – («Юридические науки»).

© Государственное образовательное учреждение
Высшего профессионального образования
«Донбасская юридическая академия», 2016

*Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

**Gosudarstvennoe obrazovatelnoe uchrejdenie
Vyshego professionalnogo obrazovaniya
«Donbasskaya yuridicheskaya akademiya»**

**VESTNIK
GOSUDARSTVENNOGO OBRAZOVATELNOGO
UCHREGDENIYA VYSHEGO
PROFESSIONALNOGO OBRAZOVANIYA
«DONBASSKAYA YURIDICHESKAYA
AKADEMIYA»**

(Yuridicheskiye nauki)

**Nauchnyi Zhurnal
№ 2 / 2016**

Vykhodyt 4 raza v god. Izdaetsia s 2016 g.

**Donetsk
DYA
2016**

UDK 34

Editor-in-Chief –	R. S. Alimov, PhD, Sc.(law)
Executive Editor –	A. K. Popravko, PhD in Philosophy, Lecturer
Executive secretary	E. A. Angelina, candidate of philosophical sciences
Editorial board (Donetsk People Republic):	A. M. Moiseev, Dr. Sc. (Law); A. V. Brovar, Dr. Sc. (History) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. G. Sevka, Dr. Sc (Economics), (<i>National Academy of construction and architecture, Makeevka</i>); G. N. Gapotchenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. V. Kovaleva, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); P. I. Pavlenko, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>), A. V. Sasov, Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); V. A. Komarov Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>); S. Yu. Mironenko Cand. Sc. (Law) (<i>Donbass Law Academy</i>);
Foreign members of editorial board:	S. V. Likhachev, Dr. Sc. (Law) (<i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i>); S. V. Sheveleva Dr. Sc. (Law) (<i>Southwestern State University, Kursk, Russia</i>)
The journal is registered	Of the Scientific Electronic Library - (SEL) – the chief executive of the project on determining Russian Science Citation Index (RSCI) (license agreement № 596-11/2016 of November 10, 2016)
Founder and Publisher	The state enterprise of higher professional education “Donbass Law Academy”

Recommended for printing by Academic Board of Donbass
Law Academy. Minute № 2 dated 27.10.2016 year.

Language of publication: Russian, English

All rights reserved. Reprinting and translations are allowed
only with the agreement of the author and publisher

Address of publisher and editorial:	83101, Donetsk, Lebedinsky Street, 9. Tel. (095) 695-11-52; e-mail: duan-nauchotdel@yandex.ru
--	---

Herald of the Donbass Academy of law : a collection of research papers / edited
by R. S. Alimov. – Realease. 2. – Donetsk : Donprint, 2016. – 182 p. – («Juridical
science» series).

© State educational establishment
of higher professional education
«Donbass law Academy», 2016

*Editorial opinion may not coincide with the opinion of the authors of the materials.

СОДЕРЖАНИЕ

Алимов Р.С. Вступительное слово главного редактора.....	9
Алимов Р.С. Правовой аспект конкурсного отбора научно-педагогических работников вузов ДНР.....	10
Броварь А. В., Ермакова М. И. Роль Российской Федерации в международно-правовой борьбе с терроризмом.....	18
Ганзера Р. А., Дорофеев С. Э. Латентная преступность: понятие и определение.....	26
Ганзера Р. А., Лебедева Н. В. Террористическая угроза в мире: криминологический анализ современного состояния.....	34
Комаров В. А., Финкина А. П. К вопросу о врачебной тайне.....	42
Мамона Т. М. Актуальные вопросы обеспечения подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту.....	53
Мироненко С. Ю. Особенности правового регулирования взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений.....	64
Нарыжный Н. А., Коноваленко А. В. Основание отказа в применении иностранного права.....	74
Никольская О. В., Варивода Т. А. Генезис теории применения конституционных норм.....	82
Новиков И. А., Филоненко О. Н., Шамов А. С. Значение государственной информационной системы нормативных правовых актов в процессе формирования и развития Донецкой Народной Республики как демократического правового государства.....	90
Окорокова А. И. Проблемы рецидива преступлений в уголовном праве Донецкой Народной Республики.....	98
Парфиненко О. Б. Развитие институтов санкций и эффективность их применения в межправительственных организациях в системе ООН.....	106
Рогожкин А. В. Проблемы квалификации преступления геноцида и её имплементации в международном праве.....	115
Руденко П. В. Международно-правовая парадигма развития Донецкой Народной Республики.....	125

Степанов Ю. В.	
Теоретические основы тактики документирования преступной деятельности в компьютерных сетях и сетях электросвязи.....	136
Субботин Вл. Н., Маринец Р. А.	
Международно-правовой статус транснациональных корпораций (ТНК)....	147
Хлыстова Н. Б., Богославец Т. С.	
Профилактика женской преступности.....	153
Хлыстова Н. Б., Будяков Д.В.	
Основные криминологические черты личности семейно-бытового насильственного преступника.....	163
Шумаев Д. Г.	
Использование специальных знаний правозащитной общественной организацией.....	172

CONTENTS

Alimov R. Opening remarks by the Chief Editor.....	9
Alimov R. The legal aspect of the competitive selection of scientific-pedagogical staff of universities DPR.....	10
Brovar A., Ermakova M. Role of the Russian Federation in the international legal fight against terrorism.....	18
Ganzera R., Dorofeev S. Latent crime: concept and definition.....	26
Ganzera R., Lebedeva N. The terrorist threat in the world: a criminological analysis of the current state.....	34
Komarov V., Finkina A. On the issue of medical confidentiality.....	42
Mamona T. Current issues ensure that suspects, accused persons and defendants the right to defense.....	53
Mironenko S. Features of legal regulation of interaction operatives and investigators in operational-search maintenance of investigation of grave and especially grave crimes.....	64
Naryzhnyj N., Konovalenko A. Grounds for rounds for refusal the application of foreign law.....	74
Nikolskaya O., Varivoda T. Genesis theory of application of constitutional norms.....	82
Novikov I., Filonenko O., Shamov A. Significance of state information system of normative legal acts in the formation and development of the Donetsk People's Republic a democratic, legal social state.....	90
Okorokova A. Recurrence of the problem of crime in criminal law Donetsk People's Republic.....	98
Parfinenko O. The evolution of the institutions of sanctions and their efficiency in intergovernmental organizations in the us system.....	106
Rogozhkin A. Problems of qualification of the crime of genocide and its implementation in international law.....	115
Rudenko P. International legal development paradigm Donetsk People's Republic.....	125
Stepanov Yu. The oretical basics of tactics document criminal activities in computer networks and telecommunications networks.....	136
Subbotin Wl., Marinets R.	

International legal status of multinational corporations (MC).....	147
Khlystova N., Bogoslavets T.	
Prevention of female crime.....	153
Khlystova N., Budiakov D.	
The main criminological characteristics of domestic violent offender.....	163
Shumaev D.	
The use of special knowledge of the human rights social organization.....	172

Колонка главного редактора

Журнал «Вестник Донбасской юридической академии» – официальное издание, специализирующееся на освещении новостей, статей, анонсов в сфере юриспруденции и международных отношений.

На страницах журнала публикуются материалы по актуальным вопросам развития международного права и законодательства, а также взгляды ведущих ученых и практикующих юристов, экспертов в области политики и науки, на современные правовые и социально-экономические проблемы.

Основные цели журнала, сформулированные редакционной коллегией, — оптимальное совмещение на страницах издания науки и практики, международных и региональных проблем правового регулирования и правоприменения, освещение событий в сфере международного права для улучшения взаимодействия правовых систем и выработки единых подходов к решению проблем развития права в условиях глобализации, приведение республиканского и международного законодательства в соответствие с мировыми стандартами в сфере защиты прав и интересов всех субъектов правоотношений, содействие развитию современной юридической науки и юридического образования в Донецкой Народной Республике и в мире.

Издание предназначено для юристов, дипломатических служащих, государственных служащих ДНР и зарубежных государств, экспертов в сфере юриспруденции и международных отношений, представителей юридического сообщества, всех, интересующихся вопросами развития современного права.

Приглашаем всех желающих к сотрудничеству и опубликованию на страницах журнала своих научных статей.

С уважением, Алимов Р. С.
главный редактор научного журнала
«Вестник Донбасской юридической академии»,
кандидат юридических наук, доцент

УДК 351.74:332.12](477)

Алимов Р. С.

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: roman.sviat@mail.ru

**ПРАВОВОЙ АСПЕКТ КОНКУРСНОГО ОТБОРА НАУЧНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ ВУЗОВ ДНР**

Получена 10 сентября 2016; принята 15 сентября 2016.

Alimov R.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: roman.sviat@mail.ru

**THE LEGAL ASPECT OF THE COMPETITIVE SELECTION OF
SCIENTIFIC-PEDAGOGICAL STAFF OF UNIVERSITIES DPR**

Received 10 september 2016; accepted 15 september 2016.

В статье исследуются особенности конкурсного отбора научно-педагогических работников вузов.

Ключевые слова: трудовое правоотношение, конкурс, юридический факт, объявление о конкурсе, конкурсное правоотношение, сложный юридический фактический состав.

Актуальность проблемы. Работа любой организации неизбежно связана с необходимостью комплектования штата. При этом одной из центральных задач является отбор (подбор) кадров. Комплектование штатов является одним из ключевых элементов работы любой организации, так как от качества отобранных кадров зависит эффективность работы организации и использование всех остальных ресурсов. Поэтому ошибки в подборе кадров могут дорого обойтись организации, а подбор хороших кадров является удачным вложением денег. Для любой организации отбор и обучение работников, не подходящих для выполнения порученной им работы, будет роскошью. Для мелких и средних организаций, особенно в условиях быстро меняющейся и нестабильной среды, эта роскошь просто непозволительна.

К главным факторам, определяющим успешную деятельность предприятия обслуживания, относятся:

- высокая квалификация, подготовка сотрудников и их мотивация;

- обеспечение постоянного качества работы;
- имидж предприятия обслуживания, влияющий на выбор клиента, покупающего его услугу. Решение о принятии на работу, согласно оценкам специалистов, акция не только существенная, но и имеющая далеко идущие последствия [2].

Актуальность выбранной темы работы заключается в том, что в эффективности процесса отбора кадров и приеме на работу заинтересованы как общество в целом, отдельные предприятия, учреждения, организации, так и конкретные индивиды, а применительно к высшим учебным заведениям ДНР процедура конкурсного отбора становится еще более актуальной, так как речь идет о подготовке будущих специалистов для всех сфер и отраслей нашего государства. Предварительный обзор литературы показал, что тема отбора персонала, как научного направления, исследована очень хорошо. В большинстве источников литературы (например, в работах Кибанова А. Я., Шекшни С. В., Галенко В. П.) отбор персонала рассматривается недостаточно глубоко в связи с тем, что авторы в своих работах пытаются рассмотреть все функции по управлению персоналом. Поэтому их исследования по этой теме нельзя назвать достаточными для глубокого анализа. В работах авторов, посвящающих исследования именно подбору и отбору персонала (например, Магуры М. И., Курбатовой М. Б., Дураковой И. Б., Деркача А. А.) данная тема, в том числе конкурсный отбор персонала, рассмотрена более глубоко, комплексно. Тем не менее, есть потребность обобщения результатов исследований указанных авторов для системного изложения правового аспекта конкурсного отбора [2].

Целью настоящей работы является комплексное исследование конкурсного отбора персонала при замещении вакантной должности.

Основное изложение материала. Конкурс – это сложное правовое явление. Он представляет собой не отдельный юридический факт, а совокупность юридических фактов, т. е. фактический состав. На эту совокупность юридических фактов и нужно опираться при раскрытии сущности конкурса. Конкурс складывается из ряда юридических фактов, каждый из которых является целенаправленным правомерным юридическим действием (объявление о конкурсе, заявление об участии в конкурсе, принятие решения специальным органом).

Объявление о конкурсе – это волевой акт, основанный на соответствующей норме права, который совершается с целью вызова ряда лиц на участие в конкурсе для отбора из их числа лучшего кандидата или кандидатов с целью установления с ними трудовых правоотношений. В связи с объявлением конкурса лица, отвечающие требованиям, предъявляемым для занятия должности, на которую он объявлен, могут подать заявление и необходимые документы с просьбой об избрании на вакантную должность. В силу этого между каждым из этих лиц и вузом, объявившим конкурс, возникает конкурсное правоотношение. При этом само конкурсное правоотношение, как вспомогательное, становится частью сложного юридического фактического

состава, с которым соответствующие нормы трудового права связывают возникновение определенных трудовых правоотношений. Для возникновения необходимых правовых последствий (акта избрания или неизбрания) требуется, чтобы все юридические акты совершались последовательно один за другим и в том порядке, который определен специальным нормативно-правовым актом [4].

В этом проявляется юридическая природа конкурса как особого способа подбора кадров, предопределяющего повышенные требования к лицам, претендующим на работу научно-педагогического характера. При этом одной из особенностей конкурса является его состязательность. Другой его особенностью является то, что право выбора лучшего работника из числа претендентов принадлежит не администрации, а совету (ученому совету), т. е. коллегиальному органу, не являющемуся стороной в трудовом правоотношении и не уполномоченному заключать трудовой договор [5].

Это означает, что не ректор, а специальный коллегиальный орган (Совет) на основе сравнительной оценки деловых качеств претендентов избирает для замещения вакантной должности лучшего из них. Это решение, как правило, является обязательным для работодателя в лице ректора, который после его принятия обязан заключить трудовой договор с избранным лицом. В этой связи представляется необходимым отметить, что в последние годы во многих вузах Украины сложилась порочная, на наш взгляд, практика – не учитывать условия конкурса и мнение коллегиального органа (Совета) об избрании на определенный срок до пяти лет. Так, например, встречаются случаи, когда конкурс объявляется вузом для избрания на пятилетний срок, Совет избирает претендента на этот срок, а отдел кадров вуза предлагает подписать трудовой договор сроком на два или три года. Это, естественно, неприемлемо для вузов ДНР и совершенно очевидно, что при этом ущемляются трудовые права избранного преподавателя, который в ряде случаев подписывает такой трудовой договор вынужденно, поскольку столкнулся с трудностями устройства на педагогическую работу по своей основной специальности. Особенности возникновения трудовых правоотношений при конкурсном порядке замещения должностей, будучи обусловленными особым характером научно-педагогического труда, накладывают отпечаток на порождаемое трудовое правоотношение. Иными словами, влекут за собой особенности существования (развития) и прекращения трудовых правоотношений. В частности, трудовой договор на основании акта избрания Советом заключается без испытательного срока. Это обусловлено тем, что процесс конкурсного отбора включает стадию проведения своего рода испытания. Попробуем определить характерные черты конкурсного отбора кадров: 1) организация и проведение конкурсов подчинена задаче подбора наиболее квалифицированных кадров; 2) по конкурсу замещаются вакантные должности; 3) к участию в конкурсе на замещение соответствующей должности допускаются лица, отвечающие установленным требованиям и обладающие определенной квалификацией; 4) при проведении конкурсов обеспечивается их широкая гласность и возможность вынесения решения об избрании претендентов

компетентным коллегиальным органом; 5) решение этого компетентного органа (Совета) является обязательным для вуза, проводившего конкурс, если избрание проведено без нарушения; 6) на основании акта избрания Советом, утвержденного ректором вуза, заключается трудовой договор с избранным лицом, в связи с чем завершается конкурсное правоотношение и возникает трудовое правоотношение. Таким образом, основанием возникновения трудового правоотношения преподавателя с вузом является сложный юридический фактический состав, включающий конкурсное правоотношение, которое завершается актом избрания, затем актом утверждения этого решения Совета и трудовой договор. На практике в ряде случаев неоправданно включают в этот сложный фактический состав приказ о зачислении на работу избранного участника конкурса. Этот приказ не имеет самостоятельного значения, а лишь является документом, который служит основанием для включения избранного лица в штат профессорско-преподавательского состава и начисления ему заработной платы. До момента принятия Народным Советом Донецкой Народной Республики закона, который бы регулировал отношения между субъектами права в сфере трудовых отношений, с учетом положений постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики № 9-1 от 02.06.2014 года, на территории Донецкой Народной Республики, в частях, не противоречащих Декларации о суверенитете Донецкой Народной Республики, действует Кодекс Законов о Труде Украины от 17.12.1971 года с соответствующими изменениями [1].

Поэтому в соответствии со ст. 23 КЗоТ Украины предусмотрено, что трудовые договоры на замещение должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении могут заключаться как на неопределенный срок, так и на срок, определенный его сторонами. Заключению трудового договора предшествует избрание по конкурсу на соответствующую должность. Избрание по конкурсу должно также предшествовать переводу на иную должность научно-педагогического работника. В целях сохранения непрерывности учебного процесса наряду с конкурсным порядком замещения должностей допускается возможность заключения трудового договора на замещение должности научно-педагогического работника в вузе без избрания по конкурсу при приеме на работу по совместительству или в создаваемые вузы до начала работы ученого совета высшего учебного заведения – на срок, не превышающий одного года, а для замещения временно отсутствующего работника, за которым в соответствии с законом сохраняется место работы, – до выхода этого работника на работу. В настоящее время конкурс на замещение должностей профессорско-преподавательского состава проводится в соответствии с Типовым положением о замещении должностей научно-педагогических работников, утвержденным Приказом Минобразования ДНР от 13.05.2015 № 152 [6]. Указанное Положение обязательно для всех вузов ДНР независимо от их ведомственной подчиненности, вида и источника финансового обеспечения. Ряд должностей научно-педагогических работников замещается не по конкурсу. В соответствии с п. 1.8 вышеуказанного Типового

положения конкурс не проводится на замещение должностей научно-педагогических работников, занимаемых беременными женщинами, должностей научно-педагогических работников, занимаемых по трудовому договору, заключенному на неопределенный срок, женщинами, имеющими детей в возрасте до трех лет. К должностям научно-педагогических работников в вузах, на которые должен проводиться конкурс в соответствии с Номенклатурой должностей педагогических и научно-педагогических работников, руководителей, учебно-вспомогательного персонала организаций, осуществляющих и обеспечивающих образовательную деятельность, относятся должности профессора, доцента, старшего преподавателя, преподавателя и ассистента [3]. Важнейшим условием проведения конкурса является создание конкурсной (избирательной) комиссии – органа, ответственного за подготовку и проведение конкурса. В зависимости от парадигмы конкурса можно выделить различные функции конкурсной комиссии. В случае парадигмы «подбор» конкурсная комиссия создается с целью легитимизации решений, принимаемых руководителем. Возможные ее задачи: нормативное закрепление процедур конкурса, разработанных экспертами, обсуждение и подготовка материалов для принятия решения руководителем, утверждение принятого решения. В ситуации парадигмы «выборы» конкурсная комиссия (избирательная комиссия) создается с целью подготовки и проведения голосования (или другого варианта волеизъявления) работников трудового коллектива или собрания акционеров по вопросу о будущем руководителе. Ее задачи: организационная подготовка мероприятия, обеспечение соблюдения норм его проведения, подведение итогов и объявление результатов. В ситуации конкурсного отбора конкурсная комиссия создается с целью обеспечения мероприятий по объективной оценке кандидатов в соответствии с выделенными профессиональными, управленческими и другими параметрами оценки [2].

Задачи конкурсной комиссии:

- разработка правил проведения конкурса;
- подготовка проведения конкурса;
- обеспечение объективности экспертной оценки кандидатов и соблюдение правил проведения конкурса.

Конкурсная комиссия правомочна принимать решения об утверждении результатов экспертных оценок.

В подготовке данного мероприятия важно уделить внимание кадровому обеспечению:

- парадигма «подбор» – персональный состав конкурсной комиссии должен включать людей, которым доверяет субъект, объявивший конкурс;
- парадигма «выборы» – конкурсная (избирательная) комиссия должна включать людей, которым доверяет трудовой коллектив;
- парадигма «отбор» – конкурсная комиссия должна включать представителей всех заинтересованных групп, профессионально компетентных в вопросах кадровой работы [2].

Конкурс объявляется в периодической печати или в других средствах массовой информации не менее чем за два месяца до его проведения. Объявление адресуется неограниченному кругу лиц и является, по существу, приглашением для участия в своеобразном состязании на замещение соответствующих должностей профессорско-преподавательского состава и научных работников (профессоров, доцентов, старших преподавателей, преподавателей, ассистентов), руководителей научно-исследовательского, научного сектора, отдела, лаборатории, другого научного подразделения, главного научного сотрудника, ведущего научного сотрудника, старшего научного сотрудника, научного сотрудника, младшего научного сотрудника и т. п.). Срок подачи заявления для участия в конкурсе – один месяц со дня опубликования объявления о конкурсе. В приеме заявления может быть отказано должностным лицом вуза, ответственным за организацию проведения конкурса, если претендент не соответствует квалификационным требованиям, предъявляемым для замещения соответствующей должности, либо если им пропущен срок для подачи заявления. Что касается соответствия квалификационным требованиям, то оно определяется на основании нормативных актов и представленных документов. Обладания общей трудовой правосубъектностью недостаточно для вступления в трудовое правоотношение с вузом в качестве научно-педагогического работника, к которому предъявляются специальные высокие требования в части высшего профессионального образования, наличия ученой степени, ученого звания и других требований, вытекающих из особой социальной роли вузов, повышенной ответственности преподавателей и др. Следовательно, претендент должен обладать специальной трудовой правосубъектностью, которая, в отличие от общей, обуславливается различными факторами (условиями и характером труда) и высоким уровнем подготовки для реализации трудовой функции по замещаемой должности. Обсуждение кандидатур на замещение должностей научно-педагогических работников проводится на соответствующих кафедрах или в научных подразделениях, а их рекомендации по каждой кандидатуре передаются в ученый совет вуза (факультета, филиала). На ученом совете проводится обсуждение претендентов, после чего тайным голосованием принимается решение о замещении соответствующих должностей. Успешно прошедшим конкурс считается претендент, получивший наибольшее число голосов членов ученого совета, но не менее половины, плюс 1 голос от числа принявших участие в голосовании при кворуме не менее 2/3 списочного состава ученого совета. При получении претендентами равного количества голосов проводится повторное голосование. По окончании каждого учебного года ректор объявляет фамилии и должности преподавателей, у которых истекает срок договора в следующем учебном году. Данное сообщение вывешивается на доске объявлений вуза. По указанным должностям ректор объявляет конкурс не позднее, чем за два месяца до окончания срока трудового договора. Истечение срока трудового договора с преподавателем является основанием прекращения трудовых отношений в случаях, если: не было подано

заявление об участии в конкурсе для избрания на занимаемую должность на новый срок, или если преподаватель, принявший участие в конкурсе, не был избран ученым советом вуза на новый срок. В случае если научно-педагогический работник, занимающий соответствующую должность по срочному трудовому договору или трудовому договору, заключенному на неопределенный срок (в этом случае, как указывалось выше, конкурс проводится на занимаемую должность один раз в пять лет), подал заявление на замещение соответствующей должности, но не был избран ученым советом, трудовой договор прекращается в связи с его не избранием на должность. Необходимо отметить, что должности декана факультета и заведующего кафедрой также являются выборными, так как они указаны в Номенклатуре должностей педагогических и научно-педагогических работников, руководителей, учебно-вспомогательного персонала организаций, осуществляющих и обеспечивающих образовательную деятельность. Декан, возглавляющий факультет высшего учебного заведения, избирается в порядке, который определяется уставом вуза. При проведении выборов возможно выдвижение кандидатов на соответствующие должности как научно-педагогическими коллективами, так и путем самовыдвижения. Выборы, так же как и при проведении конкурса, проводятся путем тайного голосования из числа наиболее квалифицированных и авторитетных работников, имеющих ученые степени и ученые звания. Решение ученого совета об избрании (акт избрания) декана утверждается приказом ректора вуза. По результатам выборов на должность декана с избранным лицом заключается трудовой договор, его зачисление на соответствующую должность проводится приказом ректора. Порядок выборов заведующего кафедрой аналогичен порядку выборов декана факультета и определяется уставом высшего учебного заведения. В связи с этим выборы заведующего кафедрой также проводятся ученым советом вуза на основе тайного голосования, а по их результатам заключаются трудовые договоры с избранными лицами. Их утверждение в должности заведующего кафедрой, как правило, производится приказом ректора. На данный период времени не существует ограничений для заключения трудового договора при замещении должностей декана факультета и заведующего кафедрой на неопределенный срок.

Выводы. В заключение следует подчеркнуть, что независимо от того, избирается претендент по конкурсу для замещения соответствующей должности или проводится избрание на выборную должность для выполнения трудовой функции, правовой формой реализации трудовых прав научно-педагогического работника является трудовой договор и скорейшее принятие Трудового кодекса ДНР. Сейчас текст Трудового кодекса в своей основе готов, вносятся многие важные поправки, дополнения, уточняются формулировки тех или иных положений документа. С уверенностью можно сказать, что при изучении проекта Трудового кодекса ДНР депутаты стремились сохранить все лучшее из Кодекса законов о труде, который действовал в Советском Союзе, и который в своей основе остается на Украине. Это те положительные аспекты и

тенденции, которые обеспечат защиту трудовых, социальных интересов наемных работников, естественно, с учетом современных реалий и перспективой на будущее.

Список литературы

1. Кодекс законов о труде Украины (с изменениями и дополнениями, от 28 января 2016 года № 955–VIII, от 17 мая 2016 года № 1366–VIII, от 17 мая 2016 года № 1367–VIII) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: pracja.com.ua/kzot/1211.html
2. Методика конкурсного отбора персонала на замещение вакантной должности / Воронежский экономико-правовой институт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xreferat.com>
3. Номенклатура должностей педагогических и научно-педагогических работников, руководителей, учебно-вспомогательного персонала организаций, осуществляющих и обеспечивающих образовательную деятельность / утверждено Постановлением Совета Министров ДНР от 24 июля 2015 г. № 14–7 с изменениями и дополнениями в редакции Постановления Совета Министров ДНР от 16 октября 2015 года № 19–21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondnr.ru>
4. Положение «О порядке замещения должностей научно-педагогических работников в высшем учебном заведении Российской Федерации» / утв. приказом Министерства образования Российской Федерации от 26 ноября 2002 г. № 4114 // Российская газета. 18.01.2003. – № 9.
5. Смирнов В. Н. Конкурс в советском трудовом праве. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960. – 42 с.
6. Типовое положение «О замещении должностей научно-педагогических работников» / утверждено приказом МОН ДНР от 13.05.2015 г. № 152 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mondnr.ru>

The article studies the peculiarities of competitive selection of scientific-pedagogy workers of institutions of higher education.

Keywords: labor-law relationship, competition, juridical fact, competition announcement, competition legal relation ship, complicated juridical factual elements.

УДК 341.48/49

**Броварь А. В.
Ермакова М. И.**

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru
e-mail: m.ermakova@mid-dnr.su

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ БОРЬБЕ С ТЕРРОРИЗМОМ

Получена 06 сентября 2016; принята 12 сентября 2016.

**Brovar A.
Ermakova M.**

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: aleksandrbrovar@ramler.ru
e-mail: m.ermakova@mid-dnr.su

ROLE OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE INTERNATIONAL LEGAL FIGHT AGAINST TERRORISM

Received 06 september 2016; accepted 12 september 2016.

В статье раскрывается понятие и сущность международного терроризма как глобальной проблемы современного мира., участие Российской Федерации в мировой борьбе с терроризмом. Рассматриваются проблемы использования методов борьбы с терроризмом на современном этапе. Приводятся виды классификаций терроризма.

Ключевые слова: международный терроризм, виды терроризма, глобализация.

Актуальность темы заключается в том, что терроризм во всех формах и проявлениях, и по своим масштабам бесчеловечности и жестокости ныне превратился в одну из самых острых проблем современности. Проявление терроризма влечет за собой массовые человеческие жертвы, он порождает ненависть и недоверие между социальными и национальными группами. Масштабность и жестокость проявления современного терроризма, необходимость непрерывной борьбы с ним, прежде всего, правовыми методиками, подтверждают актуальность выбранной темы.

Цель. Изучить особенности современного международного терроризма, его виды, а также роль Российской Федерации в международно-правовой борьбе с ним.

Степень разработанности проблемы. Современный мир переживает существенные изменения, глубоко затрагивающие интересы Российской Федерации и ее граждан. Именно сейчас глобально перекраивается карта мира, распадаются старые и складываются новые внешнеполитические альянсы. И все это происходит на фоне экономического кризиса, который повлечет за собой кардинальную перестройку мировой финансовой системы. В то же время наступление глобализации стирает границы между внешней и внутренней политикой государств, между мировой и национальной культурой, приводит к общим вызовам, которые, как правило, далеко не сводятся к агрессивным войнам между государствами [13].

В этих условиях, наряду с позитивной тенденцией – укреплением позиций Российской Федерации на международной арене, проявились и негативные тенденции. Одной из таких тенденций является продолжающееся распространение угрозы терроризма.

Проблеме международного терроризма присущи общие черты, характерные для других рисков человечества. Когда отрицательное воздействие на жизнедеятельность человечества возрастает и возникает потребность неотложного решения, в то же время проблема международного терроризма имеет специфические, характерные для нее черты [11].

Ученые С. И. Грачев и О. А. Колобов считают, что, прежде всего, проблема международного терроризма связана с основными сферами жизнедеятельности мирового сообщества и социумов отдельных стран: политикой, религией, экологией, преступными сообществами [5].

В настоящее время не выработано единого подхода к пониманию терроризма, его признаков, существуют различные определения этого явления.

Например, В. И. Даль дает определение терроризма как «устрашения, устрашения казнями, убийствами и всеми ужасами неистовства» [6].

Наиболее точно понятие «терроризм» раскрывает энциклопедический словарь по психологии общения, определяя его как феномен политической психологии, специфический для обострения конфликтных ситуаций, который выражается в уничтожении конкретных лиц в случае отказа удовлетворить требования террористов. Также эффективность терроризма психологически зависит от трех факторов:

- подкрепление угрозы в форме ее частичной реализации;
- внутренней готовности пойти на компромисс;
- масштабов риска, на который готовы пойти стороны конфликта [15].

Согласно Федеральному Закону «О борьбе с терроризмом», терроризм – это «совершение взрыва, поджога или иных действий, создающих опасность гибели людей, причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие решений органами власти, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях» [18].

Терроризм как проявление насилия принимает форму преступных актов, которые приводят к гибели людей, имущества, устрашению населения, целью которых является получение максимально возможный международный, региональный отклик и крупные денежные суммы [13].

Среди причин терроризма необходимо выделить наиболее распространенные:

- нерешенность социальных, национальных и религиозных проблем, которые связаны с духовностью, традициями и обычаями;
- война и военные конфликты, в рамках которых террористические акты становятся частью военных действий;
- наличие социальных групп, отличающихся от своих ближних и дальних соседей высоким уровнем материального благосостояния и культуры, а также, в силу своей политической, экономической и военной мощи или иных возможностей, диктующих свою волю другим странам и социальным группам.

Современный терроризм характеризуется высоким уровнем организации, заметно выросшей технической оснащенностью, наличием значительных финансовых средств.

Главная особенность современного терроризма – это размывание границ между международным и внутренним терроризмом. Увеличился рост террористических групп в современном мире.

Для нарушения международной безопасности раньше были нужны целые армии и большой промышленный потенциал. Теперь тайные сети отдельных лиц могут составлять угрозу для человечества, тратя меньше денег, чем стоит один танк. Сейчас мировое сообщество столкнулось с новым видом терроризма, который не мотивирован политическими целями, а движим фанатическим экстремизмом и животным стремлением к убийству.

На этом фоне чрезвычайно оптимистично выглядят заявления некоторых политических лидеров о снижении террористической угрозы, а также их надежды на то, что терроризм вообще исчезнет после принятия очередной резолюции Совета безопасности ООН по тому или иному террористическому акту [7, 8].

Современный терроризм не очерчен границами одного государства или вероисповеданием. Все это говорит о том, что зарождается новая террористическая волна.

Терроризм сегодня – это не только культ и практика насилия, а стремление обосновать свою идеологию. По своему характеру он бывает внутригосударственным, причем в этом случае осуществляется не только преступными группировками, но и тоталитарным государственным аппаратом подавления, являясь, таким образом, государственным терроризмом. Большой ущерб международным отношениям наносит международный терроризм, в значительной мере вырастающий на почве ненависти к миру, междоусобного религиозного экстремизма и шовинизма. Терроризм представляет собой явление, обусловленное многочисленными социальными причинами и развивающимися изменениями [10].

Среди причин, приводящих к возникновению терроризма, можно выделить социальные противоречия, которые не получили вовремя нужного подкрепления, разрешения и которые достигают конфликтной формы на ее конфронтационной стадии. Обострение социальных противоречий нередко порождает со стороны существующих в обществе отдельных социальных групп, общественных и политических организаций, в случае острого, действительного или мнимого ущемления их интересов, или угрозы им, различного рода неадекватные реакции на положение вещей, в том числе – использование общественно опасных способов их удовлетворения [16].

Н. А. Бердяев характеризовал террор как «один из самых низких явлений человеческой жизни, падение человека, помутнение человеческого образа. Практикующих террор перестает быть личностью, он находится во власти демонических сил» [4].

Миграция населения является одной из причин, порождающих терроризм. Сегодня почти все страны вовлечены в той или иной степени в миграционные процессы, а многие из них зависимы от участия в международной миграции. Так как международная миграция, а особенно международная трудовая миграция, является важным фактором глобализации экономики, повышая занятость населения, способствуя росту производительности труда и ускоряя экономический прогресс, качественные изменения в мировых миграционных потоках приводят к негативным явлениям – «утечка мозгов», однонациональные и межрелигиозные конфликты, растворение культурных ценностей титульных наций [18].

По мнению Зеленкова М. Ю., основа борьбы с терроризмом – антитеррористическое сознание. Такое сознание должно быть сформировано в обществе, основано на понимании всеми ответственными силами общества. В обществе должно быть осознание ответственности в той или иной степени за эту борьбу с сопричастностью. Граждане должны стать центральным элементом системы профилактики и предотвращения террористических актов. А также участвовать в дезавуировании политических лозунгов террористов.

Учёный говорит, что обществу необходимо сконцентрировать имеющийся ресурс на убеждении людей в том, что следует отказаться от использования терроризма и поддержки терроризма, разделив террористов и их сторонников. Именно общественные организации должны начать глобальную кампанию, в которой принимали бы участие национальные правительства, Организация Объединенных Наций, гражданское общество и частный сектор, в целях пропаганды идеи о том, что терроризм неприемлем в любой форме.

Один из самых эффективных способов в борьбе с терроризмом заключается в том, что давно пора принять серьезные и согласованные меры для укрепления международной солидарности, проявляя при этом уважение и выражая сочувствие, так считает бывший Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан [9].

Также, по его мнению, сегодня международными и национальными государственными структурами разрабатывается система мер по предупреждению и пересечению любых актов терроризма, а также и

обеспечения наказания лиц, совершивших акты терроризма и причастных к ним.

Современное международное право выработало ряд международных конвенций универсального и регионального характера, которые регламентируют взаимное сотрудничество государств в борьбе с международным терроризмом. Базовыми принципами большинства западных государств являются:

- не делать террористам никаких уступок;
- оказывать максимальное давление на страны, поддерживающие терроризм;
- использовать все силы и средства, в том числе и военные, для наказания террористов, предоставления помощи другим государствам.

В России терроризм является государственным преступлением, наносящим ущерб национальной безопасности.

Российская Федерация внесла огромный вклад в создание антитеррористической коалиции после событий в США 11 сентября 2001 года.

При решающем участии России были приняты резолюции Совета Безопасности ООН. Впоследствии это послужило выходом из острейшего иракского кризиса и восстановлением единства мирового сообщества [13].

Также Российская Федерация приветствовала единогласное принятие Советом Безопасности ООН резолюции 1535 (март 2004 г.) о реформе Контртеррористического комитета СБ ООН (КТК), нацеленной на повышение экспертного и организационного потенциала Комитета, эффективности его работы по содействию деятельности государств на антитеррористическом направлении.

Российская Федерация участвует в глобальных антитеррористических конвенциях по борьбе с различными проявлениями терроризма.

При активном участии России в рамках Совета Безопасности ООН разработан протокол, вносящий поправки в обновленную европейскую конвенцию о пресечении терроризма 1977 года. Протокол впервые в международно-правовой практике предусматривает создание специального механизма для отслеживания выполнения странами-членами ЕС обязательств по Конвенции в том числе по выдаче террористов [13].

Российская Федерация прикладывает огромные усилия по наращиванию конструктивной работы в рамках механизмов консультаций по антитеррору и связанной с этим проблематике, налаженных с Канадой, Италией, Польшей, Францией, Ираном, с государствами СНГ. Достигнуты договоренности об активизации двустороннего сотрудничества со странами Латинской Америки, Аргентиной, Венесуэлой, Колумбией, Панамой, Перу, в том числе Уругваем, Эквадором.

За десятилетия борьбы с терроризмом в мире и в России был разработан ряд механизмов, методов, технологий государственного реагирования на потенциальные и совершившиеся факты терроризма (создание и подготовка специальных антитеррористических сил, усиление охраны особо опасных, в частности ядерных, объектов).

Исследователь проблем терроризма Ю. М. Антонян дал одну из самых точных классификаций терроризма в соответствии со сферами общества, где он реализуется, а также целями и социальными конфликтами, которые порождают это явление [2]. Так, помимо религиозного, государственного и националистического, исследователь выделяет следующие типы терроризма:

1. Политический терроризм – это терроризм, направленный на устрашение политического противника и его сторонников.

2. Корыстный терроризм – терроризм, направленный на тех, кто препятствует получению материальных ценностей.

3. Криминальный терроризм – это терроризм, направленный на устрашение или уничтожение соперников в конфликтах между организованными группами преступников.

4. Военный терроризм – терроризм, направленный на военное и экономическое ослабление противника, наведения ужаса на население, изменение психологической обстановки в стране.

5. Идеалистический терроризм – характеризуется тем, что террористический акт или акты совершаются ради переустройства мира. Среди такого рода террористов много фанатично настроенных людей, рассудок которых не приемлет никаких разумных доводов и которые абсолютно уверены в своей правоте [1].

Также важно знать классификацию терроризма, которая характеризуется двумя критериями:

- уровнем и масштабом целей (глобальный или локальный);
- степенью взаимосвязи террористической активности группировки с более широким вооруженным конфликтом.

Опираясь на данные критерии, можно выделить три типа современного терроризма:

1. Терроризм мирного времени (левый терроризм в Западной Европе 1970–1980-х годов, экологический терроризм, терроризм, применяемый для продвижения «специальных» политических интересов).

2. Терроризм как тактика вооруженного конфликта – это тип терроризма, используемый в локально-региональных вооруженных конфликтах. Терроризм применяется вооруженными группировками, участвующими в конфликте и отождествляющими себя с той или иной политической целью, напрямую связанной с противоречиями, оспариваемыми в ходе конфликта. Такой тип терроризма, как правило, используется группировками, которые пользуются поддержкой хотя бы части местного населения.

3. Супертерроризм (глобальный терроризм) – это терроризм, идеология которого носит глобальный характер или, по крайней мере, стремится к глобальному охвату. Поэтому супертерроризм, как таковой, совершенно не обязательно привязан к тому, или иному локальному или национальному контексту, или конкретному вооруженному конфликту. Цели супертеррористических группировок и сетей носят глобальный характер и в

принципе не могут служить предметом переговоров (например, стремление Аль-Каиды бросить вызов мировому порядку и попытаться его изменить). Е. А. Степанова отмечает, что все три типа терроризма, несмотря на уровень целей и степень соотношения с вооруженным конфликтом, могут быть взаимосвязаны и взаимодействовать [17].

Низкая информированность населения является большой проблемой в России при противодействии терроризму. К сожалению, гражданам не прививаются навыки безопасного поведения, поэтому в качестве профилактики терроризма стоит рассмотреть печать специальной литературы, бесплатной и широкодоступной, проводить учения в школах, вузах, местах работы. Необходимо также информировать население посредством СМИ в случае повышения уровня террористической угрозы.

Вывод. Анализ проблем и тенденций современного терроризма позволяет сделать вывод, что в XXI веке на процесс его дальнейшего развития будет воздействовать сложное переплетение различных противоречий и причин.

Международный терроризм требует единообразного подхода к его толкованию, к выработке единых международно-правовых понятий для осуществления действий по борьбе с ним.

Необходима согласованность действий по освещению терактов, чтобы не вызывать панику в обществе, ведь именно на это рассчитывают террористы. Также требуется совершенствование международной договорной базы, соглашений и договоренностей по борьбе с терроризмом и применение жестких мер к лицам, виновным в организации и совершении теракта.

Список литературы

1. Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: Щит-М, 1998. – 306 с.
2. Антонян Ю. М. Терроризм сегодня. – М.: Щит-М, 2000. – С. 250.
3. Арустамов Э. А. Безопасность жизнедеятельности. Учебное пособие. – М.: Дашков и Ко, 2006. – 476 с.
4. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. – М.: Республика, 1995. – С. 345.
5. Грачев С. И. Соединенные Штаты Америки и международный терроризм. – Н. Новгород: Ин-т стратег, 1998. – 350 с.
6. Даль В. И. Иллюстрированный словарь живого русского языка. – Т. 2. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. – С. 401
7. Документы ООН A/59/ 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N05/270/80/PDF>. – (Дата обращения 03.09.2016).
8. Документы ООН A/RES/59/290 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/494/55/PDF>. – (Дата обращения 03.09.2016).

9. Документы ООН. A/59/565[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N04/602/33/PDF>. – (Дата обращения 03.09.2016).
10. Исаев Б. А., Баранов Н. А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2008. – 395 с.
11. Калинин В. В. Права и свободы гражданина в условиях борьбы с терроризмом. – М.: Власть, 2008. – С. 56–59.
12. Касперович Ю. Г. Психологические особенности лиц, совершающих террористические акты / Журнал «Безопасность. Менеджмент. Бизнес». – 2007. – № 11–12. – С. 14–15.
13. Концепция внешней политики Российской Федерации. 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/acts/news/785>. – (Дата обращения 03.09.2016).
14. Михайлов Л. А. Безопасность жизнедеятельности: Учебник для вузов, 2-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – С. 290–295.
15. Петровский А. В. Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах. Т. 1 / Ред.-сост. Л. А. Карпенко. Под общ. ред. А. В. Петровского. – М.: изд-во ПЕР СЭ, 2007. – С. 200.
16. Современный терроризм: состояние и перспективы / под редакцией Е. И. Степанова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 240 с.
17. Степанова Е. А. Терроризм в асимметричном конфликте: идеологические и структурные аспекты. – М.: ИМЭМО РАН, 2010. – С. 37– 57.
18. Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом» (ред. от 07.08.2000) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://zakonbase.ru/content/base/41346/>. – (Дата обращения 05.09.2016).

This article reveals the meaning and essence of the international terrorism as a global problem of modern world. Contribution of the Russian Federation to the international counterterrorism. The problems are reviewed of a use of methods of counterterrorism at the modern stage. The form and qualification are provided of a terrorism.

Keywords: *The article discusses the concept and essence of international terrorism as global problem of the modern world.*

УДК 343.9.018

Ганзера Р. А.
Дорофеев С. Э.

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПОНЯТИЕ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Получена 20 сентября 2016; принята 28 сентября 2016.

Ganzera R.
Dorofeev S.

State educational establishment of
higher professional education «Donbass
law academy», Donetsk
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

LATENT CRIME: CONCEPT AND DEFINITION

Received 20 september 2016; accepted 28 september 2016.

Статья посвящена анализу негативного явления – латентной преступности, в результате которой за пределами официального статистического учета остается значительное количество фактически совершенных общественно опасных деяний, которые в основном составляют массив латентной (скрытой) преступности. По международным оценкам, объем скрытых преступлений определяется на уровне 60 % всей преступности.

Ключевые слова: латентные преступления, уровень латентности, профилактика латентности, дефиниция, определение, правовая статистика, учет преступлений.

Актуальность проблемы. Существование значительного количества преступлений, которые остаются за пределами официального статистического учета, является давней и сложной проблемой практически во всех странах постсоветского пространства. Ей посвящены многочисленные социально-правовые и криминологические исследования, берущие свое начало в XIX веке. Вместе с тем, на сегодня в криминологии не выработано однозначного толкования понятия этого негативного явления.

Для его обозначения применяются такие выражения, как «темная сторона преступности» («dark side of crime»), «преступления, о которых не было сообщено полиции» («not-reported crimes»), «темное число», «темная цифра», но чаще всего – «латентная преступность» [8].

Слово «латентный» происходит от латинского «latens» и означает «скрытый», «невидимый».

В этой связи представляет интерес этимология слов «скрытый» и «невидимый». «Скрытый» означает тайный, такой, что не проявляется явно, по значению противоположность явному, общеизвестному [3]. «Невидимый» означает незримый, недоступный зрению, незаметный. В юридической литературе термин «латентный» употребляется в словосочетаниях «латентное преступление», «латентная преступность».

Цель исследования. Целью является изучение понятия и содержания явления латентной преступности, в результате которой за пределами официального статистического учета остается значительное количество фактически совершенных общественно опасных деяний, которые в основном составляют массив латентной (скрытой) преступности.

Изложение основного материала. Преступлением является предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на общественный строй, его политическую и экономическую системы, собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права и свободы граждан, а равно иное предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние, которое посягает на правопорядок.

Необходимо различать понятие преступления и преступности. Под преступностью принято понимать относительно массовое, исторически изменчивое, такое, что имеет определенную территориальную и временную распространенность явление, которое представляет собой органическую, основанную на статистических закономерностях совокупность антиобщественных деяний, запрещенных уголовным законом.

Приведенные понятия соотносятся между собой как единичное и общее. Как отмечается в литературе, между преступностью и преступлениями взаимодействие происходит по закономерностям целого и части, общего и единичного (отдельного), системы и ее элементов. Если преступление – понятие единичное, то преступность – понятие общее.

Учитывая конечную цель нашего исследования, нас интересуют латентная преступность, а также ее понятие и определение. Как известно, понятие с философско-логической точки зрения – это конкретная форма мышления, которая отражает явления, предметы и объекты в их существенных признаках.

Для того, чтобы понятие о любом явлении было достоверным, правильным, необходимо предварительно точно выявить существенные признаки того, что подлежит осмысливанию, то есть все то, чем оно схоже с другими объектами или чем отличается от них.

Формулировка понятий составляет одну из главных задач государства на современном этапе развития соответствующих наук. Прежде всего, любая наука вырабатывает такие понятия, которые относятся к ее предмету. Неудивительно и то, что каждая наука закрепляет в понятиях только те

существенные признаки, которые в большей степени связаны с ее предметом и методами исследования. Это помогает успешно решать поставленные задачи.

Видимо, этим, в частности, объясняются попытки сформулировать определение латентной преступности с позиций криминологии, криминалистики и уголовного процесса. Латентная преступность в криминалистическом понимании – это совокупность не выявленных и не раскрытых соответствующими государственными органами преступлений.

Латентную преступность в процессуальном аспекте составляет совокупность преступлений, совершение которых не повлекло юридических последствий – возбуждения и разрешения дела в порядке уголовного судопроизводства.

По этому поводу следует указать, что обособления криминалистического и процессуального аспектов, на наш взгляд, лишено весомых оснований, ведь они не отображают природу латентной преступности. Первый из них следует рассматривать как предпосылку латентности (преступление не обнаружено, не раскрыто); второй – как формальный результат латентности (совершенное преступление не повлекло юридических последствий). Причем тот и другой применяются только к отдельному структурному элементу преступности – конкретному преступлению и не характеризуют преступность в целом как социальное явление.

В действительности латентная преступность – категория сугубо криминологическая. Она охватывает определенную часть преступности – явления, которое относится к предмету криминологии и не входит в предмет криминалистики и уголовного процесса. Специалисты указанных наук занимаются изучением собственных, специфических объектов познания, в связи с чем эти науки и выделяются в самостоятельные области знаний [1, с. 12].

Что же касается криминологического аспекта понимания явления, которое рассматривается, то надо указать на наличие многих точек зрения по этому поводу.

Многие авторы одним из существенных признаков понятия латентной преступности в криминологическом понимании называют «неизвестность» о совершенном преступлении, то есть «неосведомленность» о факте его совершения. В результате этого преступление становится скрытым, неявным. По их мнению, названный признак латентной преступности является единственным. Наиболее правильным представлением о латентной преступности будет понимание ее как совокупности преступлений, оставшихся неизвестными правоохранительным органам [4, с. 60].

Толкование этого признака порождает вопрос о границах периода латентности преступлений, то есть время, в течение которого преступление следует считать латентным.

На существование такой проблемы указывал Л. В. Кондратюк. Он считает, что необходимо установить временные границы латентной преступности. Без этого, по мнению автора, не понятно, будет ли преступление

латентным всегда или здесь есть какие-то границы. Им выдвинуто предположение, согласно которому латентным преступление считается таковым до тех пор, пока конкретное общественно опасное деяние в соответствии с уголовным законом признается преступлением, а лицо, его совершившее, может быть привлечено к ответственности. Таким образом, сроки латентности приравниваются к срокам давности привлечения к уголовной ответственности, установленных уголовным законом. После окончания этих сроков деяния, с точки зрения автора, теряют общественный резонанс, о чем свидетельствует тот факт, что лицо отказалось от преступного поведения и криминального образа жизни. В таких случаях наказание приобретает черты возмездия и теряет всякий практический смысл.

Вместе с тем с позиции общей теории криминологии представляют интерес все преступления без ограничения по признаку времени.

По поводу временных границ латентности преступлений есть и другие высказывания. Относительно преступлений, которые были совершены в условиях неочевидности, то этот срок автор предлагал считать более длительным. Например, для скрытых хищений – один год, то есть время, в среднем необходимое для выявления подобных деяний.

Деятельность системы уголовного судопроизводства и должна быть, помимо прочего, направлена на скорейшее разрешение дела и установление виновных. Как известно, ст. 2 УПК определяет, что задачей уголовного судопроизводства является быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных. Вот почему мы и рекомендуем не отдалять момент начала состояния латентности преступлений на более длительные промежутки времени. Это обосновывается необходимостью своевременного осуществления борьбы с преступностью, в частности с использованием достижений криминологической науки.

Учитывая указанное, мы исходим из того, что понятие латентной преступности не может быть сконструировано только на базе признака «неизвестности». Необходим и второй существенный признак – «неучтенность» совершенного преступления в статистической отчетности. Собственно, такая точка зрения высказывалась многими исследователями латентной преступности. Ее поддерживают С. Е. Мерзляков, А. Б. Сахаров, которые отмечают: «... основными признаками латентной преступности следует считать два обстоятельства – скрытность (незаявленность) преступлений от органов, осуществляющих борьбу с преступностью, и неучтенность преступлений в криминальной статистике» [5].

В. М. Попович подробно обосновал необходимость включения двух признаков – «невывявленности» и «неучтенности» в содержание понятия «латентная преступность» [6]. Сходные по смыслу определения дают и другие авторы, хотя некоторые из них использовали исключительно признак «неучтенности». Возражения на признак «неучтенности», как справедливо указывал М. Кудрявцев, приводит к тому, что вне сферы уголовной юстиции

остается ряд фактически совершенных преступлений, а их субъекты остаются на свободе, совершая новые преступные посягательства.

Таким образом, на наш взгляд, понятие латентной преступности включает и признак неучтенности преступлений в официальной уголовно-правовой статистике.

Преступность, которая проявляется в значительном количестве преступлений, совершенных на определенной территории в течение некоторого промежутка времени, является объектом исследования отдельной отрасли статистики – правовой статистики. Значение ее трудно переоценить. Только масштабные статистические наблюдения дают возможность выявить устойчивые закономерности, присущие совокупности преступных посягательств. Организованная на государственном уровне, правовая статистика предоставляет важную информацию о состоянии преступности, ее уровне, структуре, динамике, лицах, совершающих преступления, деятельности правоохранительных органов и т. д.

Данные, получаемые в этой отрасли, используются не только для описания характеристик исследуемого явления. На их базе осуществляются теоретические познания, анализ и установление закономерностей, присущих общественно опасным посягательствам.

Результаты указанных исследований, которые реализованы в деятельности правоохранительных органов, являются базой для рационализации и повышения эффективности мер, направленных на сдерживание преступности.

Правила единого учета преступлений распространяются на органы прокуратуры, органы внутренних дел, учреждения по исполнению наказаний. Общие положения Инструкции «О едином учете преступлений» распространяются также на все другие органы, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством имеют право возбуждать уголовные дела, проводить предварительное расследование и дознание.

Учет преступлений осуществляется путем заполнения прокурором, следователями прокуратуры, органами внутренних дел или работником органа дознания карточек на каждое преступление. Указанная процедура должна иметь место независимо от того, когда были совершены эти преступления, и установлены или не установлены лица, их совершившие.

Преступления, по которым возбуждены дела в порядке частного обвинения, учитываются судами. В случаях, когда прокурором или судом признано необходимым возбудить дело и провести предварительное расследование или дознание, преступления учитываются органом, который проводил следствие или дознание.

Учетно-регистрационные подразделения органов внутренних дел обязаны немедленно учитывать все поступившие документы первичного учета. Преступление считается зарегистрированным, когда оно поставлено на централизованный учет и включен в статистическую отчетность.

Начальники органов внутренних дел и начальники следственных подразделений органов внутренних дел всех уровней, а также городские, районные, межрайонные, другие приравненные к ним прокуроры, начальники следственных подразделений прокуратур областей, других приравненных к ним прокуратур отвечают за обеспечение своевременного, точного и полного заполнения и предоставления карточек первичного учета в соответствующих органах, а также за состояние единого учета преступлений.

С этой целью городские, районные, межрайонные, другие приравненные к ним прокуроры должны проверять в органах внутренних дел полноту и достоверность регистрации преступлений.

Учетно-регистрационные подразделения органов внутренних дел должны осуществлять постоянный контроль за полнотой учета преступлений, качеством составления первичной учетной документации и своевременностью ее представления в учетно-регистрационном подразделении. С целью своевременного представления всех необходимых документов первичного учета, управления оперативной информацией обязаны проводить с начальниками горрайлинорганов внутренних дел или их заместителями ежемесячные сверки учетных данных.

Считаем, что все фактически совершенные преступления, которые не прошли процедуру статистического учета и не нашли отражения в статистических учетных данных, попадают в разряд латентных.

Подытоживая приведенное выше, проанализировав различные точки зрения относительно понятия латентной преступности, мы считаем наиболее полным и обоснованным следующее ее определение. Латентная преступность – это совокупность фактически совершенных, однако не выявленных или вследствие других определенных обстоятельств, не ставших известными правоохранительным и судебным органам, преступлений, сведения, которые в связи с этим не находят отражения в официальной уголовно-правовой статистической отчетности.

Положительные качества этого определения, на наш взгляд, имеют практическое значение. Во-первых, в нем достаточно четко определено обстоятельство, с которым связывается прекращение состояния латентности преступлений. Таким признается факт их регистрации в уголовно-правовой статистике в соответствии с установленными требованиями.

Во-вторых, из толкования предложенного определения несложно устанавливаются органы, с деятельностью которых связывается прекращение латентности преступных посягательств. Процесс регистрации достаточно четко регламентирован действующими подзаконными актами правоохранительных органов по уголовно-статистическому учету, в частности в вопросе определения подразделений, которые этим занимаются.

В-третьих, важным здесь является и возможность документальной фиксации момента прекращения латентности преступлений в органах, которые их регистрируют. Это позволяет определить объем нелатентных преступлений, а при применении некоторых статистических методик и получить

ориентированные показатели латентной преступности. О некоторых из них будет указано далее.

Это определение устраняет неопределенность понятия латентной преступности и производных понятий («латентность», «латентизация»). Так, В. В. Голина считает латентность одним из признаков преступности и определяет ее как «...криминогенность, что скрыта от наблюдателя» [2]. Однако криминогенность представляет собой не столько сам факт совершения преступления, сколько комплекс обстоятельств, которые порождают это общественно опасное деяние. Непонятно также, от какого конкретного наблюдателя (получателя информации) скрыт факт совершения преступления.

Учитывая предложенное определение, считаем необходимым привести критические замечания относительно других дефиниций явления, которое рассматривается. Одно из них получило значительное распространение в последнее время и приведено в рекомендациях Международного семинара «Латентная преступность: познание, политика, стратегия», который состоялся в 1993 г. в Москве. В п. 3 рекомендаций сформулировано следующее рабочее определение латентной преступности: «...деяния, которые не были заявлены или зарегистрированы правоохранительными органами или деяния, в отношении которых со стороны системы уголовного правосудия не было принято никаких последующих действий» [7].

При буквальном его толковании в число латентных преступлений надо включать любые деяния – как преступления, так и другие неправомерные деяния (административные деликты, дисциплинарные проступки), не являющиеся преступлениями.

И, наконец, приведенное определение латентной преступности представляет собой попытку соединить криминологический и уголовно-процессуальный подходы к ее пониманию, что, как уже говорилось, является недопустимым.

Разработчики этой программы под латентной преступностью понимают часть общего явления преступности, которая составляет совокупность преступлений разных категорий, которые совершены, но по разным причинам не стали предметом предусмотренного законом реагирования в виде возбуждения уголовно-процессуального производства и привлечения виновных в их совершении к ответственности.

Надо отметить, что в ходе изучения данной проблемы в научной литературе и многочисленных ведомственных обзорах используется множество различных терминов (по предварительным подсчетам – более десяти). Один из них – это «латентизация» (латентизация преступности, латентизация преступления).

Названный термин обозначает, как нам представляется, совокупность различных объективных криминогенных причин и условий, а также субъективных поведенческих актов (например, несообщение лицом о заведомо ему известном совершенном преступлении, сокрытие выявленного преступления от учета и т. п.), что в своей совокупности обозначают процесс и

механизм образования конкретных латентных преступлений и в конечном итоге служат доказательством существования в обществе латентной преступности.

Выводы. Производным от понятия «латентная преступность» является понятие латентности («латентность»), которое также неоднозначно трактуется в правовой литературе, что затрудняет правильное его восприятие и применение. Латентность – это то же самое, что и латентная преступность, но это явление понимается абстрактно, как явление вообще, в отрыве от реального состояния латентной преступности. В отношении конкретных преступлений предлагаем понимать под этим термином их особый статус, при котором преступные посягательства не обнаружены, или вследствие иных определенных обстоятельств о них вообще не стало известно правоохранительным и судебным органам, в связи с чем сведения о таком деянии не отражаются в официальной уголовно-правовой отчетности.

Таким образом, критически проанализировав многочисленные определения понятия латентной преступности, высказанные в литературе, мы пришли к выводу, согласно которому латентная преступность – это совокупность фактически совершенных, однако не выявленных или вследствие других определенных обстоятельств, не ставших известными правоохранительным и судебным органам преступлений, сведения о которых в связи с этим не отображаются в официальной уголовно-правовой статистической отчетности.

Список литературы

1. Баляба А. В., Виленская Э. В., Дидоренко Э. А. Криминология: приглашение к дискуссии. – Луганск: РИО ЛИВД, 2000. – С.12.
2. Голіна В. В. Попередження злочинності правоохоронними органами: навч. посіб. – К.: НМК ВО, 1991. – С. 11-17.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Русский язык, 1981. – Т.4. – С. 211.
4. Криминология: Учебник / Н. А. Беляев, И. В. Волгарева, Н. М. Кропачев и др./ Под ред. В. В. Орехова. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1992. –216 с.
5. Мерзляков С. Э., Сахаров А. Б. Латентная преступность и методика ее исследования: Лекция. – М.: МВШМ МВД РФ, 1992. – С. 5.
6. Попович В. М. Теоретико-методологічний рівень розробки проблеми латентності злочинів // Право України. – 1999. – №11. – С.107.
7. Рекомендации Международного семинара «Латентная преступность: познание, политика, стратегия» // Латентная преступность: познание, политика, стратегия: Сб. матер. междунар. семинара. – М.: ВНИИ МВД России, 1993. – С. 325.
8. Crime and Criminology / 7-th edition. – Wm. C. Brown Communications, Inc.- U.S., 1994.- P.53; [246] Shelley L.I. Policing Soviet Society. The Evolution of State Control. – London and New-York, 1996. – P.165.

The article analyzes the negative phenomenon of delinquency, which outside of the official statistical accounting is a significant amount actually committed socially dangerous acts, which mainly consists of an array of latent (hidden) crime. According to international estimates, the amount of hidden crime is defined at 60% of all crime.

Keywords: *the latent crime, the level of latency, the latency prevention, definition, definition, legal statistics, crime reporting.*

УДК 343.6

**Ганзера Р. А.
Лебедева Н. В.**

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия»,
г. Донецк
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ УГРОЗА В МИРЕ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ

Получена 20 сентября 2016; принята 28 сентября 2016.

**Ganzera R.
Lebedeva N.**

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

THE TERRORIST THREAT IN THE WORLD: A CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CURRENT STATE

Received 20 september 2016; accepted 28 september 2016.

Статья посвящена анализу наиболее угрожающего мировому порядку негативному явлению – террористическим актам, в результате которых гибнет большое количество людей, причиняется непоправимый вред здоровью, разрушается имущество и в обществе возникает страх и паника.

Ключевые слова: *теракт, терроризм, правопорядок, безопасность, жертва, уничтожение имущества.*

Актуальность проблемы. События, происходящие последнее время в мире, свидетельствуют об угрожающей, быстро прогрессирующей модификации такого опасного явления как терроризм. Проблема приобрела особую актуальность сейчас, когда происходит эскалация терроризма в мире. Политические, этнические, экстремистские группировки почти ежедневно

совершают акты терроризма, о которых постоянно сообщают средства массовой информации. Статистические данные свидетельствуют, что для нашего государства террористические проявления не являются типичными.

Однако в 2015–2016 году мир потрясли масштабные и кровавые теракты, которые по своему цинизму, жестокости и небольшим промежуткам времени между собой после 11 сентября 2001 года не были ещё известны истории.

Мир оказался не готовым к таким вызовам со стороны организованных преступных террористических групп, которые «разрослись» до организаций транснационального масштаба.

Цель исследования. Увеличившееся за последнее два года количество терактов привело к значительным материальным и человеческим потерям, что ставит новые задачи перед криминологической и уголовно-правовой наукой.

Изложение основного материала. Приведем кратко наиболее громкие из терактов по состоянию на март 2016 года.

22 марта 2016 года произошла серия терактов в столице Бельгии Брюсселе. Два взрыва прогремели в зале вылетов аэропорта Брюсселя, еще два взрыва – в брюссельском метро. По предварительным данным, погибли 13 человек, 35 пострадали.

13 марта 2016 года вечером в центре Стамбула в Турции на автобусной остановке вблизи одного из офисов премьер-министра страны в момент большого скопления людей взорвался заминированный автомобиль, находившийся между двумя автобусами. Погибли 37 человек, пострадали 125.

29 февраля 2016 года в городе Эль-Микдадия в 80 километрах северо-восточнее Багдада в Ираке террорист-смертник подорвался на церемонии похорон, организованных шиитским сообществом. По данным СМИ, 35 человек погибли, еще 50 были ранены. Боевики заявили о гибели 60 человек и ранении еще 100 в результате взрыва.

9 февраля 2016 года в Нигерии террористы-смертники атаковали лагерь для перемещенных лиц в штате Боно. В результате серии взрывов более 60 человек погибли. На северо-востоке Нигерии действует радикальная исламистская группировка «Боко Харам», которая стоит за большинством терактов в стране.

31 января 2016 года в шиитском квартале Саида Зайнаб на юге Дамаска произошли три взрыва. Одно взрывное устройство террористы взорвали дистанционно – оно было заложено в один из автомобилей; одновременно рядом себя подорвал смертник в маршрутном автобусе. Спустя несколько минут себя подорвал еще один террорист. Сгорели десятки автомобилей и магазинов. Близко повреждены расположенные рядом жилые дома. По последним данным, жертвами тройного взрыва стали 59 человек, 128 человек получили ранения.

В ночь на 31 января 2016 года в окрестностях города Майдугури в Нигерии, жертвами боевиков группировки «Боко Харам» стали, по меньшей мере, 65 человек.

5 декабря 2015 года три смертника подорвались в трех различных местах на рынке Лулу-Фу (Loulou Fou), острове на озере Чад. Погибли 27 человек, более 80 были ранены.

20 ноября 2015 года около десяти боевиков совершили нападение на отель Radisson в центре столицы Мали и захватили в заложники 170 человек. Силы безопасности освободили заложников, но жертвами теракта, тем не менее, стали 20 человек. Ответственность за нападение взяла на себя, присягнувшая на верность «Исламскому государству», террористическая группировка «Аль-Мурабитун».

17 ноября 2015 года в городе Йола и 18 ноября в города Кано на северо-востоке Нигерии совершен ряд террористических актов, террористических атак. В результате серии взрывов в общественных местах погибли более 50 человек, значительное число людей получили ранения. На северо-востоке Нигерии действует радикальная исламистская группировка «Боко Харам».

13 ноября 2015 года вечером в Париже произошла серия терактов. Неизвестные открыли стрельбу в одном из ресторанов 10 округа французской столицы, три взрыва прозвучали в непосредственной близости от стадиона «Стад де Франс», где проходил матч футбольных сборных Франции и Германии, на котором присутствовал французский президент Франсуа Олланд. Кроме того, на рок-концерте в театре «Батаклан» неизвестные захватили заложников. Погибли 129 человек. Террористическая группировка «Исламское государство» взяла на себя ответственность за серию террористических атак в Париже.

12 ноября 2015 года два смертника с интервалом в семь минут подорвали себя на оживленной улице в районе Бурдж-аль-Баражне в южном пригороде ливанской столицы Бейрута. Погибли 43 человека, ранения и травмы различной степени тяжести получили 240 мирных граждан.

31 октября 2015 года лайнер Airbus 321 авиакомпании «Когалымавиа», который выполнял рейс 9268 Шарм эль Шейх-Санкт Петербург, вылетел из Египта в 6.21 и пропал с экранов радаров через 23 минуты. На борту находились 217 пассажиров и семь членов экипажа. Обломки российского гражданского самолета были обнаружены в центре Синайского полуострова в Египте. В катастрофе никто не выжил. В результате проведенных исследований было установлено, что причиной крушения российского лайнера А321 стал теракт.

19 октября 2015 года произошел взрыв бомбы на севере Афганистана в районе города Андхой в провинции Фарьяб. Террористы поместили взрывчатку в повозку рикши и удаленно произвели взрыв на рынке города Андхой. Погибли пять мирных жителей, ранено 25 человек. Местные власти возлагают вину за теракт на боевиков террористической группировки «Талибан».

10 октября 2015 года в Турции произошел самый крупный теракт за всю историю страны. Два взрыва с интервалом в три секунды произошли утром в столице Турции Анкаре в районе железнодорожного вокзала перед началом митинга протеста, организованного профсоюзами и общественными

организациями, против всплеска насилия из-за турецко-курдского конфликта на юго-востоке страны. Теракт, устроенный двумя террористами-смертниками, стал причиной гибели 95 человек, 246 получили ранения.

8 сентября 2015 года боевики Рабочей партии Курдистана подорвали микроавтобус, перевозивший полицейских. Инцидент произошел в провинции Ыгдыр на юго-востоке Турции. В результате взрыва погибли 13 человек.

17 августа 2015 года мощный взрыв произошел на перекрестке Ратчапрасонг в деловой и туристической части города Бангкока в Таиланде. Самодельная радиоуправляемая бомба, в которой в качестве взрывчатого вещества был использован тринитротолуол, была заложена у ограды индуистского святилища божества Эраван (трехголовый священный слон) рядом с торговым центром Amarin Plaza и отелем Grand Hayatt Erawan в момент, когда в святилище было особенно много посетителей, большинство среди которых составляли туристы. По официальным данным в результате теракта погибли 20 человек, 12 из них – на месте, еще 8 человек скончались в больницах от полученных ранений. Число раненых составило 123 человека.

22 июля 2015 года 22 солдата иракской армии и участников народного ополчения погибли в результате двух взрывов, которые осуществили боевики террористической группировки «Исламское государство» (ИГ) на востоке города Эль-Фаллуджа. Боевики подорвали два автомобиля, начиненных взрывчаткой. Ранения получили не менее 24 человек.

22 июля 2015 года в провинции Фарьяб на северо-западе Афганистана взрывное устройство было приведено в действие террористом-смертником на одном из оживленных рынков в районе Аламар. Жертвами взрыва стали 19 человек.

21 июля 2015 года не менее 19 человек погибли в результате двух взрывов в преимущественно шиитских районах иракской столицы Багдада (Ирак). Первый автомобиль взлетел на воздух на переполненной улице в восточном районе Багдада Аль-Джадида. Жертвами взрыва стали 17 человек, еще 43 получили ранения, большинство из них – мирные граждане. Еще одна атака произошла в районе Зафарания на юге Багдада, жертвами стали не менее двух человек, девять человек пострадали.

20 июля 2015 года в чайном кафе перед культурным центром в Суруче (Турция), расположенном на границе с Сирией, произошел теракт, жертвами которого стали 30 человек и более 100 получили ранения. Бомба взорвалась перед входом в культурный центр, где собрались турецкие курды, которые готовились отправиться в Сирию для помощи в восстановлении города Кобани, пострадавшего от нападения боевиков ИГ.

17 июля 2015 года на рынке в городе Бани-Саад на востоке Ирака взорвался заминированный автомобиль с тремя тоннами взрывчатки. Взрыв прогремел в тот момент, когда люди собрались на рынке для празднования окончания месяца Рамадан. Число жертв взрыва составило 120 человек. Ответственность за теракт взяла на себя группировка «Исламское государство».

12 июля 2015 года начиненная взрывчаткой машина взорвалась неподалеку от военной базы в афганской провинции Хост на востоке страны, где находятся афганские и иностранные военные. Погибли 33 человека, 23 получили ранения.

12 июля 2015 года в различных районах Багдада взлетели на воздух несколько начиненных взрывчаткой автомобилей. Помимо этого, двое террористов-смертников привели в действие взрывные устройства, один из них подорвался возле рынка. В результате происшествий 35 человек погибли, более 100 получили ранения.

17 июня 2015 года в Санае (Йемен) произошла серия взрывов, в результате которых погиб 31 человек. В разных частях города сработали пять взрывных устройств недалеко от мечетей и зданий, связанных с повстанцами из шиитского движения «Ансар Алла» (хуситы). Ответственность за теракты взяла на себя группировка «Исламское государство».

2 июня 2015 года серия взрывов, прогремевших в провинции Салах-эд-Дин на севере Ирака, унесла жизни, по меньшей мере, 32 члена шиитских военизированных формирований, выступающих на стороне правительства. Четыре заминированных автомобиля взорвались в районе города Байджи. Также сообщалось, что в результате теракта ранения получили 34 человека.

1 июня 2015 года начиненный взрывчаткой автомобиль взлетел на воздух рядом с военной базой в иракской провинции Анбар на западе страны, 38 представителей сил безопасности погибли. Более 30 силовиков получили ранения в результате взрыва. Радикальная группировка «Исламское государство» взяла на себя ответственность за теракт.

18 апреля 2015 года два взрыва прогремели в городе Джелалабад в афганской провинции Нангархар. Один из них произошел недалеко от отделения банка. Еще один взрыв прогремел у здания департамента информации и культуры. В результате терактов погибли 33 человека и более 100 получили ранения.

2 апреля 2015 года боевики «Аш-Шабаб» совершили нападение на общежитие университета в кенийском городе Гарисса. В результате теракта погибли 147 человек, еще 79 человек получили ранения.

20 марта 2015 года в мечеть Бадр и Аль-Хашуш в столице Йемена Санае вошли боевики с поясами смертников, затем произошли четыре взрыва. После этого были совершены нападения на блокпосты хуситов вокруг мечетей. В результате взрывов погибли 150 человек, ранения получили не менее 345 человек. Среди погибших один из духовных лидеров движения «Ансар Аллах» (хуситы) Муртада аль-Махтури, а также два высокопоставленных члена группировки. В этот же день в городе Саада на севере страны также прогремели два взрыва, погибли не менее 33 человек.

7 января 2015 года не менее 50 человек погибли, десятки пострадали в результате взрыва, прогремевшего рядом с полицейским училищем в столице Йемена – Санае. Смертник подорвал микроавтобус, начиненный взрывчаткой.

Взрыв прогремел в тот момент, когда перед зданием колледжа собрались десятки абитуриентов [3].

Многие ученые изучают анализируемое общественно опасное явление в рамках специальной научной дисциплины «террологии». Ученые-террологи делят международный терроризм на ряд разновидностей: социально-политический, преследующий цель коренного или частичного изменения государственного устройства страны или определенной группы стран; национальный, ставящий целью как сепаратистские цели, так и решения внутригосударственных вопросов в сфере национальных отношений; религиозный, связанный с борьбой представителей различных религиозных конфессий, сект за влияние на общество; государственный, преследующий оказание давления одной страны на другую для удовлетворения политических интересов.

В науке международного права существует более 200 определений терроризма, но ни одно из них не является унифицированным и общепризнанным, например: терроризм – это скрытое использование насилия определенной группой для достижения политических целей, обычно он направлен против других групп, классов и партий, или международный терроризм – это форма политической борьбы, использующий различные политические партии, движения, группы и другие организации, в основе деятельности которых заключается экстремизм и насилие для давления на субъекты международной деятельности с целью достижения ими политических целей.

Первая попытка раскрыть содержание понятия «терроризм» было сделано на III Международной конференции по унификации уголовного законодательства в 1930 г., затем на заседании V конференции по унификации уголовного законодательства в 1933 г. Международные конвенции, принятые в последующие годы отражают лишь отдельные аспекты этого явления: воздушный и морской терроризм (среда совершения террористических актов), бомбовый терроризм (средства) и финансирование терроризма.

В проекте Всеобъемлющей конвенции, которая должна предоставить единую унифицированную дефиницию, до сих пор находится в разработке. Статья 2 данной конвенции предусматривает следующее: «Любое лицо совершает преступление, если оно незаконно и преднамеренно любыми средствами совершает действие с целью причинить:

- 1) смерть или тяжкое телесное ранение другому лицу;
- 2) серьезный ущерб государственному или правительственному объекту, системе общественного транспорта, коммуникационной системе или объекту инфраструктуры с целью осуществить значительное разрушение подобных мест ... или вызвать крупный экономический ущерб ... когда цель состоит в том, чтобы запугать население и заставить правительство или международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения» [4].

Таким образом, можно отметить, что отсутствие унифицированного определения терроризма создает двойные стандарты, которые влияют на

качество работы специальных внутригосударственных учреждений, а также в значительной мере отражается на координации межгосударственных усилий.

Российский исследователь Ю. В. Ващенко провел анализ ряда работ, изданных в США, Великобритании, некоторых других странах Запада, и обнаружил согласие большинства авторов в отношении следующих ключевых признаков терроризма:

1) терроризм заключается в использовании крайних форм насилия или в угрозе таким насилием;

2) цели террористического акта выходят за пределы причиняемого им разрушения, причинения телесных повреждений, смерти;

3) цели террористического акта достигаются путем психологического воздействия на лиц, не являющихся непосредственными жертвами насилия;

4) жертвы терроризма избираются больше по их символическому, нежели действительному значению [2, с. 644].

Таким образом, на основе анализа определений терроризма, можно выделить следующие признаки, которые, по нашему мнению, отличают его от иных форм насилия:

- наличие определенных политических целей;
- применение (угроза применения) крайних форм насилия и, как следствие, повышенная общественная опасность;
- устрашение, которое, как правило, сопровождает насилие и направлено на полную или частичную психологическую деморализацию объекта воздействия;
- публичность, заинтересованность в широкой публичной огласке;
- неопределенный круг непосредственных объектов террористического акта, применение насилия в отношении неопределенного круга лиц (как правило, мирного, невооруженного населения) ради достижения отдаленной цели;
- удовлетворения политического (экономического, социального и т. п.) требования.

Выводы. Как видим, наряду с вооруженными конфликтами, терроризм стал наиболее радикальной формой устрашения, методом достижения определенных политических целей. Терроризм сопряжен с большим количеством пострадавших, уничтожением материальных и культурных ценностей.

Несмотря на угрожающие масштабы и остроту данной проблемы, проблема терроризма во всем ее многообразии и сложной специфике не привлекла еще должного внимания исследователей некоторых стран. «Мы вступаем в уникальную эпоху терроризма, который может превратить все современное общество в его потенциальную жертву», – пишет Йозеф Александер, бывший руководитель института международного терроризма в США, который был одним из первых ученых, увидевших в эскалации терроризма все признаки и симптомы опасности глобального масштаба [1].

Поэтому теоретическая неразработанность ряда аспектов уголовной ответственности за терроризм определяют актуальность будущих исследований противодействия терроризму. В ближайшем будущем нет оснований полагать, что количество терактов уменьшится, обоснованно прогнозируется рост таких

актов в связи с наличием нелегального рынка оружия и взрывчатых веществ в мире, наличием большого числа террористических организаций, очагов напряженности. В связи с этим работники органов внутренних дел, прокуратуры, органов безопасности должны иметь совершенную уголовно-правовую базу для борьбы с терроризмом.

Список литературы

1. Александер Й. Терроризм в современном капиталистическом обществе. – Выпуск 2. – ИНИОН АН СССР. – С. 8.
2. Ващенко Ю. В. Преступность террористической направленности // Криминология: учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. Изд-е 2-е. - М.: Норма, 2003. – С. 640–658.
3. Крупные теракты в мире в 2015–2016 годах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rusdialog.ru/tag/339>.
4. Морозов Г. И. Терроризм – преступление против человечества (международный терроризм и международные отношения). - М.: ИМЭМО РАН, 2001. – 161 с.

The article is devoted to analysis of the most threatening to world order negative phenomenon – terrorist acts result in the deaths of a large number of people, causing irreparable harm, destroys property and in a society of fear and panic.

Keywords: *terrorist attack, terrorism, law and order, security, victim, destruction of property.*

УДК 347.121:614.253.84

Комаров В. А.
Финкина А. П.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: gpd.dua@yandex.ru
e-mail: any4170@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЕ

Получена 07 сентября 2016; принята 13 сентября 2016.

Komarov V.
Finkina A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: gpd.dua@yandex.ru
e-mail: any4170@yandex.ru

ON THE ISSUE OF MEDICAL CONFIDENTIALITY

Received 07 september 2016; accepted 13 september 2016.

Статья посвящена исследованию особенностей правового регулирования врачебной тайны. Рассматриваются вопросы соблюдения врачебной тайны в действующем законодательстве в сфере охраны здоровья. В статье исследовано эволюционирование понятия врачебной тайны, проанализирован институт врачебной тайны в национальном праве и существующие подходы определения понятия врачебной тайны.

Ключевые слова: *врачебная тайна, права пациента, медицинская помощь, медицинская информация.*

Актуальность темы исследования. Развитие правового и демократического государства предусматривает наличие эффективных механизмов обеспечения прав и законных интересов человека. Наивысшая социальная ценность – жизнь и здоровье человека. С развитием новейших технологий все более актуальным становится обеспечение таких прав человека, как право на уважение личной жизни и на охрану здоровья. В данном контексте нельзя не остановиться на вопросе, касающемся врачебной тайны.

Право на тайну о состоянии здоровья принадлежит к фундаментальным личным неимущественным правам. Реализация данного права обеспечена рядом гарантий, которые проявляются, прежде всего, в соблюдении возложенных на определенных лиц специальных обязанностей.

Право на тайну о состоянии здоровья берет начало из сферы врачебной деятельности и неразрывно связано с установлением врачебной тайны. Уважение к конфиденциальности информации о состоянии здоровья пациента является неотъемлемым принципом нашей правовой системы. В отношениях «врач-пациент» решающее значение имеет не только уважение к врачебной тайне пациента и защита его личной жизни, но и обеспечение доверия пациента к работникам медицинского учреждения, к медицинской профессии и медицинским услугам в целом.

Анализ научных исследований. Среди ученых, работы которых посвящены изучению различных аспектов врачебной тайны, можно выделить Ю. Н. Аргунова, В. И. Агаркова, В. И. Акопова, В. Головченко, И. В. Давыдовского, Л. И. Дембо, Н. В. Коробцова, А. И. Мацегорина, А. П. Махник, И. А. Свинцицкого, С. Стеценко, Р. О. Стефанчука, Ж. В. Чевичалову, И. А. Шамова и др.

Целью статьи является выявление особенностей правового регулирования врачебной тайны.

Изложение основного материала. Ст. 16, 17 Конституции Донецкой Народной Республики закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются [7].

Это конституционное положение и составляет основу для защиты врачебной тайны. Рассмотрим историю становления такого понятия, как врачебная тайна.

Впервые понятие врачебной тайны четко сформировалось в клятве Гиппократов: «Что бы при лечении – также без лечения – я не увидел или не услышал относительно жизни людской из того, что не нужно когда-либо разглашать, я умолчу о том, считая подобные вещи тайной» [4, с. 88]. Мы должны подчеркнуть, что ряд стран признали клятву Гиппократов составляющей своего действующего законодательства, другие же воспринимают этот документ как морально-этический. В любом случае влияние данного документа нельзя переоценить, ведь именно он с давних времен составляет основу врачебной тайны, именно на нем базируются законодательные нормы об охране врачебной тайны и ответственности за ее нарушение.

Международные принципы конфиденциальности медицинской информации о состоянии здоровья были сформированы еще в 40-х годах XX века в следующих документах: Всеобщая декларация прав человека ООН (1948), Женевская декларация Всемирной медицинской ассоциации (1948), Международный кодекс медицинской этики (1949) [11, с. 41].

Международный кодекс медицинской этики содержит революционное для того времени положение, согласно которому врач обязан сохранять в абсолютной тайне все, что он знает о своем пациенте даже после смерти последнего.

Следующим шагом по охране персональной информации пациента, полученной врачом во время лечения, стало принятие Всемирной организацией

здравоохранения в 1994 г. Декларации о политике в области обеспечения прав пациента в Европе, п. 4.1. которой гласит, что вся информация о состоянии здоровья пациента, диагноз, прогноз и лечение его заболевания, а также любая другая информация личного характера должна храниться в секрете, даже после смерти пациента [5].

На сегодня оптимальный объем индивидуальных прав пациентов определяет Европейская хартия прав пациентов (2002), в том числе право на приватность и конфиденциальность личной информации. Несмотря на то, что Европейская хартия прав пациентов носит рекомендательный характер, объединенные в мощную сеть организации по правам пациентов в Европе успешно пролоббировали признание и принятие прав, провозглашенных в Хартии, на внутренних законодательных уровнях [6]. Также этот документ служит ориентиром для мониторинга и оценки систем здравоохранения стран Европы.

На рубеже XIX и XX веков неоднократно поднимались дискуссии о целесообразности сохранения врачебной тайны. Некоторые врачи призывали к открытости и прозрачности отношений врача и больного. Значительное влияние на формирование взглядов общества на врачебную тайну имел профессор В. Манассеин, который считал, что необходимо ее хранить при любых обстоятельствах [2]. Но большинство врачей того времени осознавали невозможность абсолюта врачебной тайны – обязательной защиты индивидуальных интересов больного без учета интересов общества. По этому поводу В. В. Вересаев писал: «Где сохранение врачебной тайны угрожает вредом обществу или окружающим больного лицам, там не может быть и речи о сохранении врачебной тайны. Но в каждом таком случае врач обязан перед больным и собственной совестью дать четкий и исчерпывающий ответ, на каком основании он нарушил вверенную ему тайну» [3].

В научной литературе сформировались различные подходы к трактованию врачебной тайны, предложенные как медиками, так и философами, юристами, социологами. Одни считают приоритетной морально-этическую сторону врачебной тайны, другие – права пациента, третьи уделяют особое внимание лицам, которые обязаны хранить врачебную тайну.

По мнению В. И. Акопова врачебной тайной считаются все сведения, полученные от больного, выявленные во время его медицинского обследования или лечения, которые не подлежат разглашению без согласия больного. К таким сведениям он относит: факт обращения в медицинское учреждение, информацию о функциональных и физических недостатках, наследственные заболевания, вредные привычки, диагноз, осложнения, прогноз, семейную и интимную жизнь, факт усыновления, состояние здоровья родственников [1, с. 103].

В. П. Новоселов и Л. В. Канунникова утверждают, что врачебная тайна охватывает сведения, не подлежащие разглашению о заболевании и интимной стороне жизни пациента, полученные от него самого, которые были выявлены в

процессе его обследования или лечения, то есть во время выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей [12, с. 113].

И. В. Смольков и В. Н. Лопатина к содержанию врачебной тайны относят также сведения о факте обращения за медицинской помощью, о состоянии здоровья больного; о диагнозе, лечении и прогнозе заболевания; о его личных и семейных тайнах; о трансплантации, искусственном оплодотворении, имплантации эмбриона, о личности донора; иные сведения, содержащиеся в медицинских документах пациента [21, с. 36; 9, с. 12].

А. И. Марущак существенно расширяет понятие врачебной тайны и добавляет к сведениям, отнесенным к врачебной тайне, также данные о перенесенных и имеющихся у лица, изъявившего желание сдать кровь или ее компоненты, заболевания, а также об употреблении им наркотических веществ и свойственных ему других форм рискованного поведения, которые могут способствовать заражению донора инфекционными болезнями, которые передаются через кровь, при наличии которых выполнение донорской функции может быть ограничено; данные о реципиентах донорских органов, а также о лицах, заявивших о своем согласии или несогласии стать донорами в случае смерти, и другие сведения [11, с. 43].

Проанализировав данные определения, можно сказать, что большинство ученых идет путем максимальной конкретизации всех возможных случаев получения и разглашения врачебной тайны. Противоположную позицию занимает А. И. Мацегорин, который считает подобный подход нерациональным, поскольку практика показывает невозможность предусмотреть все потенциально возможные факты получения и разглашения врачебной тайны [10, с. 157]. Нам видится такой подход наиболее целесообразным.

Таким же путем идет и законодательство Украины и Российской Федерации. Не установлено исчерпывающего перечня сведений, которые составляют содержание врачебной тайны, что обусловлено достаточно широким спектром сведений медицинского, интимного, семейного и иного характера.

Для сравнения в законодательстве Франции используется термин – «профессиональная тайна», аналог врачебной тайны. В Кодексе Медицинской деонтологии Франции профессиональная тайна определяется как такая, которая вводится для защиты интересов пациента и является обязательным для каждого представителя медицинской профессии в соответствии с законом. Профессиональная тайна охватывает все, что врач знает и может узнать о пациенте, то есть это – не только сведения, доверенные врачу пациентом, это также все то, что врач увидел и понял во время обследования, общения и лечения пациента [23].

Таким образом, сведения, составляющие врачебную тайну, можно разделить на два вида:

- информация, касающаяся пациента: о факте обращения за медицинской помощью, о диагнозе, о назначенном лечении, о результатах лабораторно-

инструментальных и других методов исследования, об эффективности назначенного лечения; о прогнозе заболевания; вредные привычки; особенности семейной и интимной жизни и тому подобное;

- информация, касающаяся лиц, находящихся с пациентом в родственных (семейных, дружеских) отношениях, и которая стала известна в результате общения с пациентом; их наследственные болезни; состояние здоровья родственников; их личную и семейную жизнь; особенности отношений с пациентом и тому подобное.

В практике Европейского суда по правам человека сведения о здоровье лица отнесены к составляющим личной идентичности человека, которая, в свою очередь, признается составной частной жизни.

Например, в решении М.С. против Швеции от 27/08/1997 года, Европейский Суд по правам человека указывает, что охрана персональных данных, и особенно медицинских, имеет основополагающее значение для осуществления права на уважение частной и семейной жизни. Соблюдение конфиденциальности сведений о здоровье составляет основной принцип правовой системы всех государств – участников Конвенции. Он важен не только для защиты частной жизни больных, но и для сохранения их доверия к работникам медицинских учреждений и системы здравоохранения вообще. Национальное законодательство должно обеспечивать соответствующие гарантии, чтобы исключить любое сообщение или разглашение персональных данных в отношении здоровья, если это не соответствует гарантиям, предусмотренным статьей 8 Конвенции [16].

Решение Европейского Суда по правам человека по делу Z против Финляндии от 25/02/1997 года гласит, что разглашение информации может иметь разрушительные последствия для частной и семейной жизни соответствующего лица и для его социального и профессионального положения, выставляя ее на бесчестье и подвергая опасности изоляции [17].

Рассмотрим особенности правового регулирования врачебной тайны в Украине.

Конституционной основой медицинской тайны в Украине является ст. 32 Конституции Украины, которая содержит запрет вмешиваться в личную и семейную жизнь, а также предусматривает, что сбор, хранение, использование и распространение конфиденциальной информации о лице без его согласия не допускается, кроме случаев, определенных законом, и только в интересах национальной безопасности, экономического благосостояния и прав человека [9]. Эта конституционная норма воспроизвела положения международных документов, в частности ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 8–1 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека, в которых содержится запрет произвольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь человека.

В ст. 286 ГК Украины [22] и ст. 39–1 Основ законодательства Украины о здравоохранении закрепляется право пациента на тайну о состоянии здоровья, а

также о факте обращения за медицинской помощью, диагнозе, сведениях, полученных при его медицинском обследовании. Ст. 40 Основ законодательства Украины о здравоохранении определяет один из важнейших деонтологических принципов – врачебную тайну [14].

В Решении Конституционного Суда Украины от 30 октября 1997 по делу об официальном толковании статей 3, 23, 31, 47, 48 Закона Украины «Об информации» и ст. 12 Закона Украины «О прокуратуре» (дело Устименко) определено, что медицинская информация – это сведения о состоянии здоровья человека, истории его болезни, о цели предложенных исследований и лечебных мероприятий, прогноз возможного развития заболевания, в том числе и о риске для жизни и здоровья, которая по своему правовому режиму относится к конфиденциальной. Также в Решении Конституционного Суда Украины указана обязанность врача по требованию пациента и членов его семьи или законных представителей предоставлять им такую информацию полностью и в доступной форме. Правила использования сведений, касающихся врачебной тайны – информации о пациенте, в отличие от медицинской информации – информации для пациента, устанавливаются статьей 40 Основ законодательства Украины о здравоохранении и частью третьей статьи 46 Закона Украины «Об информации» [18].

При использовании информации, составляющей врачебную тайну, в учебном процессе, научно исследовательской работе, том числе в случаях ее публикации в специальной литературе, должна быть обеспечена анонимность пациента. Классическим примером применения института «врачебной тайны» является искусственное оплодотворение и имплантация эмбриона, которые регламентируются ст. 48 Основ законодательства Украины о здравоохранении, согласно которому проведение указанных действий происходит, в том числе при условии обеспечения анонимности донора и сохранении врачебной тайны.

Украинские медики берут на себя обязанность сохранять врачебную тайну, не использовать ее во вред человеку в соответствии с Клятвой врача Украины. Сохранение врачебной тайны – важное условие защиты социального статуса и экономических интересов пациентов. Распространение информации о состоянии здоровья может стать для человека клеймом, ограничить его возможности занимать выборные должности, продвигаться по службе, вызвать социальную изоляцию.

Можно выделить категории информации о пациенте, составляющие врачебную тайну:

- факт и причина обращения за медицинской помощью;
- состояние здоровья и заболевания пациента;
- факт медицинского осмотра и его результаты;
- интимная и семейная жизнь пациента;
- другие сведения, полученные при обследовании и лечении [19, с. 81].

Если в результате обследования будет установлено, что данное лицо является здоровым, то этот факт, а также сам факт обращения за медицинской помощью являются объектами врачебной тайны.

В Российской Федерации к врачебной тайне относят сведения о факте обращения гражданина за оказанием медицинской помощи, состоянии его здоровья и диагнозе, иные сведения, полученные при его медицинском обследовании и лечении [13]. Как видим, существенных отличий в этом отношении в Украине и Российской Федерации нет.

Таким образом, к врачебной тайне относится не только информация о том, какое заболевание обнаружено у лица, но даже сам факт того, что он обращался за медицинской помощью в то или иное медицинское учреждение (при этом никакого заболевания могло быть и не обнаружено), было ли проведено стационарное лечение или нет. Кроме того, как мы видим, врачебной тайной является, кроме сведений медицинского характера, также и другие сведения о пациенте, полученные в ходе его обследования и лечения, включая данные, передаваемые пациентом, например, о его интимной и семейной жизни.

Последствиями разглашения врачебной тайны могут быть самоубийство или самоувечье потерпевшего, серьезное обострение его болезни, волнения и т. п. Но существует ряд ситуаций, в которых соблюдение врачебной тайны является достаточно сложным. Такие ситуации возникают тогда, когда медицинская информация о данном пациенте касается жизненно важных интересов других лиц – родственников или тех, с кем пациент контактирует в результате выполнения своих профессиональных или других обязанностей [19, с. 82].

Существует дилемма, когда врач по роду своей деятельности имеет данные о временном психическом расстройстве вызванного свидетеля, из-за чего он не может давать адекватные показания, и не может сообщить об этом, или когда врач узнает, что его пациент, больной тяжелой генетической болезнью или ВИЧ, намерен заключить брак. Тогда разглашение тайны грозит не только гражданской или административной, но и уголовной ответственностью.

Закон Украины «О противодействии распространению болезней, обусловленных вирусом иммунодефицита человека (ВИЧ), и правовой и социальной защите людей, живущих с ВИЧ» предусматривает, что сведения о результатах медицинского осмотра, наличие или отсутствие ВИЧ-инфекции у лица, прошедшего медицинский осмотр, являются конфиденциальными и составляют врачебную тайну. Передача таких сведений разрешается только лицу, которого они касаются, а в случаях, предусмотренных законами Украины, еще и законным представителям этого лица, учреждениям здравоохранения, органам прокуратуры, следствия, дознания и суда [15].

Сохранение врачебной тайны в отношении больного СПИДом связано с угрозой распространения болезни, источником которой является пациент, а также с фактом того, что СПИД является неизлечимой болезнью. Раскрытие факта заболевания СПИДом может вызвать социальную изоляцию человека и негативное отношение к нему.

Пациент должен предоставить информацию о своей болезни лицам, которые им могут быть заражены – родственникам, медицинскому персоналу.

Помимо необходимости информирования определенных лиц о болезни, больной может оставаться в обществе на том же уровне функционирования, что и здоровый человек.

Специфические проблемы возникают в случаях, когда родственники пациента хотят получить сведения о его генетическом здоровье, если он на это не согласен, или информацию о здоровье потенциального брачного партнера и его родственников. Не всегда человек желает поделиться подобной информацией со своими родственниками, хотя это может уберечь их от опасности. Когда врач узнает о наличии наследственной болезни, то возникает вопрос: как и кому предоставить эту информацию?

Пациент имеет право на защиту своих данных в случае наследственной болезни, также как в случае любой другой болезни. Это особенно касается теста на носительство генетически обусловленной болезни. Информирование о врожденных болезнях должно учитывать степень возможности принятия этой информации и предусматривать психологические последствия ее раскрытия. Вывод о состоянии здоровья должен быть передан пациенту после консультации с психологом.

Больной должен передать информацию о собственном генетическом дефекте семье, ведь носительство болезни может привести к серьезным последствиям в будущих поколениях. Подобная информация не должна скрываться от лица, с которым больной заключил брак. Совет врача-генетика может помочь родителям развеять чрезмерные опасения перед зачатием больного ребенка, а также склонить к проведению пренатальной диагностики с целью проведения раннего лечения, если ребенок окажется больным.

На сегодня стоит еще один вопрос – соблюдение врачебной тайны после смерти больного. Его важность обусловлена развитием судебной медицины и генетики, которые позволяют исследовать человеческие останки более чем тысячелетней давности и узнавать о состоянии здоровья, причине смертей известных исторических фигур.

Клятва Гиппократы не имеет временных границ. В Женевской декларации говорится: «Я буду уважать доверенные мне секреты, даже после смерти моего пациента». Но в законодательстве Украины об охране здоровья не содержится никаких указаний о временных рамках врачебной тайны [20, с. 7].

Видится положительным опыт Российской Федерации, где в законодательной норме четко прописано положение о недопустимости разглашения сведений, составляющих врачебную тайну, и после смерти человека. Все сведения, касающиеся семейной или интимной жизни, характера заболевания, разглашение которых может негативно повлиять на добрую память об умершем, существующую оценку личности умершего со стороны общества, остаются объектом врачебной тайны.

Врачебная тайна после смерти должна распространяться только на сведения, связанные с охраной доброго имени и уважения к умершему; остальные сведения могут быть уведомлены суду, если это обосновывается существенными интересами живых.

Что касается разглашения врачебной тайны, то согласно ст. 13 Федерального закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», установлены случаи, когда разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, возможно без согласия пациента или его законного представителя [13].

Хотелось бы обратить особое внимание на то, что данный перечень является исчерпывающим и иному толкованию не подлежит. Таким образом, лечебно-профилактическое учреждение не имеет право выдавать сведения, составляющие врачебную тайну, лицам, которые не определены законом, а именно: родственникам, адвокатам, юридическим лицам, работодателям.

Исключением в таком случае может служить только личное согласие пациента, которое будет отражено либо в истории болезни, либо в амбулаторной карте, где он собственноручно укажет перечень лиц, которые могли бы получить информацию о его состоянии здоровья или о факте его обращения за оказанием медицинской помощи, включая предоставление информации в случае его смерти.

Выводы. Итак, целесообразным представляется детализировать ответственность для тех лиц, которые нарушили требования по сохранению в тайне сведений медицинского характера относительно конкретного пациента; усовершенствовать процедуры документального оформления согласия пациента на медицинское вмешательство и, как следствие, правового обеспечения ответственности врача за неправомерное разглашение конфиденциальной информации, содержащейся во врачебной тайне.

Таким образом, следует указать, что законодатель может взять на вооружение такие позитивные достижения своих российских коллег, как:

- запрет разглашения врачебной тайны и после смерти пациента;
- установление четкого перечня случаев, когда разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, возможно без согласия пациента или его законного представителя;
- принятие мер по недопустимости подзаконного расширения перечня субъектов, которым может быть предоставлена медицинская информация без согласия пациента.

Вопрос о врачебной тайне, ее сохранении в различных клинических ситуациях является чрезвычайно актуальным, требует законодательного урегулирования и дальнейшей теоретической разработки.

Список литературы

1. Акопов В. И. Право в медицине. – М.: Книга-сервис, 2002. – 352 с.
2. Бобров О. Врачебная тайна: прошлое и настоящее // Украинская медицинская газета. – 2005. – № 2. – С. 22–23.
3. Вересаев В. Записки врача. – Кишинев: Литература артистикэ, 1982. – 58 с.
4. Гиппократ. Избранные книги / перевод с греческ. проф. В. И. Руднева. – М.: Сварог, 1994. – 736 с.

5. Декларация о политике в области обеспечения прав пациента в Европе ВОЗ от 1994 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://samlib.ru/s/stonogin_s_w/europe.shtml.
6. Европейская хартия прав пациентов от 15.11.2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.epey.ee/index.php?page=163>.
7. Конституция ДНР [Электронный ресурс] // Официальный сайт Донецкой Народной Республики. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>.
8. Конституція України: Прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. (із змінами) // Відомості Верховної Ради України. – 1996. – № 30. – Ст. 141.
9. Лопатин В. Н. Правовая охрана и защита права на тайну // Юридический мир. – 1999. – № 7. – С. 32–36.
10. Мацегорін О. І. Цивільно-правова охорона права на таємницю про стан здоров'я // Часопис Київського університету права. – 2014. – № 4. – С. 154–158.
11. Негодченко О. В. Медична та лікарська таємниці як гарантії інформаційної приватності // Право і суспільство. – 2013. – № 2. – С. 41–48.
12. Новоселов В. П. Правовое регулирование профессиональной деятельности работников здравоохранения. – Новосибирск: Изд-во НГОНБ, 2000. – 156 с.
13. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 01 ноября 2011 г. №323-ФЗ [Электронный ресурс] // Сайт КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/
14. Основи законодавства України про охорону здоров'я. Закон України від 19.11.1992 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1993. – №4. – Ст. 19.
15. Про протидію поширенню хвороб, зумовлених вірусом імунодефіциту людини (ВІЛ), та правовий і соціальний захист людей, які живуть з ВІЛ. Закон України від 12.12.1991 р. // Відомості Верховної Ради України. – 1992. – №11. – Ст. 152.
16. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «М.С. против Швеции» от 27.08.1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx?i=001-58177>.
17. Решение Европейского Суда по правам человека по делу «Z против Финляндии» от 25.02.1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.echr.ru/documents/doc/2461450/2461450.htm>
18. Рішення Конституційного Суду України у справі щодо офіційного тлумачення статей 3, 23, 31, 47, 48 Закону України «Про інформацію» та статті 12 Закону України "Про прокуратуру" (справа К.Г.Устименка) від 30.10.1997 // Офіційний вісник України. – 1997. – № 46. – Ст. 126.
19. Свінціцький І. А. Морально-етичні і правові аспекти збереження лікарської таємниці у сучасних умовах // Український науково-медичний молодіжний журнал. – 2009. – №2. – С. 81–85.
20. Семидоцкая Ж. Д. Врач и пациент: принципы правдивости и врачебная тайна // Врачебная практика. – 2005. – № 2. – С. 4–9.

21. Смолькова И. В. Тайна: понятие, виды, правовая защита: [юридический терминологический словарь-комментарий]. – М.: Луч, 1998. – 80 с.
22. Цивільний кодекс України: Закон України від 16.01.2003 р. // Відомості Верховної Ради України. – 2003. – № 40-44. – Ст. 356.
23. Le code de déontologie médicale mise à jour du 8 mai 2012 – Décret 2012-694 du 07/05/2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.conseil-national.medecin.fr/article/le-code-de-deontologie-medicale-915>.

The article investigated the peculiarities of legal regulation of medical confidentiality. Compliance issues of medical confidentiality are considered in the existing legislation in the field of health. The article investigated the evolution of the concept of medical confidentiality, analyzed of institute of medical confidentiality in national law and existing approaches definition of medical confidentiality.

Keywords: *medical confidentiality, patient rights, medical care, medical information.*

УДК 343.13

Мамона Т. М.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: tuz_1976@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПОДОЗРЕВАЕМОМУ, ОБВИНЯЕМОМУ И ПОДСУДИМОМУ
ПРАВА НА ЗАЩИТУ**

Получена 01 сентября 2016; принята 10 сентября 2016.

Mamona T.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: tuz_1976@mail.ru

**CURRENT ISSUES ENSURE THAT SUSPECTS, ACCUSED
PERSONS AND DEFENDANTS THE
RIGHT TO DEFENSE**

Received 01 september 2016; accepted 10 september 2016.

В статье исследуются актуальные вопросы уголовного процесса, касающиеся обеспечения подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту. Автором указываются отдельные замечания и обосновываются предложения по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.

Ключевые слова: *уголовно-процессуальный кодекс, защитник, предварительное следствие, уголовное дело.*

Демократические преобразования, происходящие в Донецкой Народной Республике (далее – ДНР), принятие Конституции ДНР, которая провозглашает приоритет правам и свободам личности и гарантирует каждому право на получение квалифицированной юридической помощи, вызывают необходимость совершенствования уголовно-процессуального законодательства относительно права подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту, в том числе с участием защитника.

Актуальность темы обусловлена потребностью усовершенствования законодательства о процессуальном статусе защитника в уголовном процессе, правового урегулирования отдельных вопросов, способствующих реализации

на практике права каждого подозреваемого, обвиняемого на получение квалифицированной юридической помощи.

Целью работы является определение отдельных дискуссионных вопросов уголовно-процессуального законодательства, касающихся правовой регламентации обеспечения права на защиту, и внесение предложений по усовершенствованию правового регулирования указанной деятельности.

Изложение основного материала.

Человек, его права и свободы являются высшей ценностью, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина является первоочередной задачей ДНР, ее государственных органов и должностных лиц. Согласно Конституции ДНР гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина, каждый вправе защищать свои права и свободы способами, не противоречащими законам.

В соответствии со ст. 41 Конституции ДНР «Каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. В случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно. Каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» [7].

Обеспечение подозреваемому, обвиняемому и подсудимому права на защиту является одним из конституционных принципов судопроизводства.

Право на защиту включает в себя всю совокупность предоставленных законом подозреваемому, обвиняемому и подсудимому процессуальных прав, осуществление которых самостоятельно либо с участием защитника позволяет ему оспаривать предъявленное обвинение или подозрение в совершении преступления, доказывать невиновность либо меньшую вину в совершении преступления, непричастность к совершению преступления, защищать другие права и законные интересы (материальные, жилищные, трудовые).

Право на защиту состоит также в соблюдении органами дознания, предварительного следствия и судом всей предусмотренной законом процедуры расследования и судебного рассмотрения дела. Эти органы обязаны разъяснить подозреваемому, обвиняемому, подсудимому их процессуальные права и обеспечить возможность их осуществления.

Право на защиту реализуется в следующих формах: а) осуществление защиты подозреваемым, обвиняемым и подсудимым самостоятельно; б) осуществление защиты указанных лиц посредством участия в деле защитника.

В соответствии со ст. 45 УПК, участие защитника при проведении дознания, досудебного следствия и при разбирательстве уголовного дела в суде первой инстанции обязательно:

1) по делам лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления в возрасте до 18 лет, – с момента признания лица подозреваемым или предъявления ему обвинения;

2) по делам о преступлениях лиц, которые вследствие своих физических или психических недостатков (немые, глухие, слепые и т. п.) не могут сами реализовать свое право на защиту, – с момента задержания лица или предъявления ему обвинения либо с момента установления этих недостатков;

3) по делам лиц, не владеющих языком, на котором ведется судопроизводство – с момента задержания лица или предъявления ему обвинения;

4) если санкция статьи, по которой квалифицируется преступление, предусматривает пожизненное лишение свободы – с момента задержания лица или предъявления ему обвинения;

5) при производстве по делу о применении принудительных мер медицинского характера – с момента установления наличия у лица психического заболевания;

6) при производстве по делу о применении принудительных мер воспитательного характера – с момента первого допроса несовершеннолетнего или с момента помещения его в приемник-распределитель.

Предусматривая перечень случаев обязательного участия защитника на предварительном следствии и в стадии судебного разбирательства уголовного дела, законодатель преследует цель максимально полно обеспечить охрану прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, которые нуждаются в силу определенных обстоятельств в дополнительных процессуальных гарантиях осуществления своего права на защиту.

Обязательное участие защитника в предусмотренных настоящей статьей УПК случаях обеспечивает также и процессуальное равноправие стороны обвинения и стороны защиты.

Невыполнение требований об обязательном участии защитника в указанных выше ситуациях является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и ограничивает такое лицо в реализации его права на защиту [1, с.127].

Право на участие защитника в уголовном деле у подозреваемого, обвиняемого возникает до его первого допроса.

Право подозреваемого, обвиняемого на защиту по уголовному делу предполагает состязательное ведение процесса, при котором всем участникам предоставляются равные права, и подозреваемый, обвиняемый обладает возможностью самостоятельно или с помощью защитника опровергать предъявленное обвинение.

Следует согласиться с К. В. Питулько, который полагает, что «вопрос об обеспечении права на защиту относится к числу исключительно важных для судопроизводства в силу того, что гуманное правосудие не может иметь обвинительный уклон, и поэтому одна из задач судебно-правовой реформы состоит в разработке реальных гарантий реализации права на защиту для каждого подозреваемого или обвиняемого» [13, с.136].

Защита в уголовном процессе появляется в связи с фактом инкриминирования лицу общественно-опасного деяния. Возникая почти

одновременно с формулированием первоначального обвинения, защита существует параллельно с ним на всех этапах движения уголовного дела, на которых имеет место обвинение. «Если нет обвинения, то, – как считает В. Д. Адаменко, – защита бессмысленна» [6, с. 9]. Аналогичную точку зрения высказывает А. М. Ларин, утверждающий, что защита мыслима, когда существует обвинение, уголовное преследование, от которого надо защищаться» [10, с. 29].

В научной литературе право подозреваемого, обвиняемого на защиту определяется как совокупность всех процессуальных прав, которые закон предоставляет подозреваемому, обвиняемому для защиты от предъявленного ему обвинения, и которые обвиняемый использует для оспаривания обвинения, предоставления доводов и доказательств в свое оправдание или для смягчения своей ответственности [2, с. 30]. Под правом на защиту понимается также совокупность всех представленных законом процессуальных прав для оправдания возникшего обвинения, возможность защищать свои права любыми средствами и способами, не противоречащими закону. Кроме того, в это понятие входит и то, что обвиняемый считается невиновным, пока его виновность не будет установлена судом. Право на защиту от предъявленного обвинения включает в себя право на защиту от возможных посягательств на его честь, достоинство, жизнь, здоровье, на личную свободу и имущество [3, с. 14].

Закон не только провозглашает право подозреваемого, обвиняемого на защиту, но и требует от дознавателя, следователя, прокурора и суда обеспечения обвиняемому возможностью воспользоваться своими правами, которые, в частности, должны быть ему четко разъяснены. Таким образом, речь идет не просто о провозглашении права на защиту, а об обязательном обеспечении этого права [4, с. 50].

Вместе с тем, как замечает А. А. Леви, «это не исключает иногда возможность злоупотребления правонарушителем процессуальными гарантиями права на защиту, но и отсутствие подобных гарантий создает, в свою очередь возможности для злоупотребления со стороны должностных лиц правоохранительных органов, а это по своим последствиям часто гораздо опаснее для общества» [11, с. 7].

В этом отношении некоторые ученые-процессуалисты полагают, что отказ от защитника на ранних этапах процесса преимущественно является вынужденным. Так, например, Н. Трофименко провел социологический опрос осужденных лиц, который показал, что около 40 % отказавшихся от защитника, сделали это под воздействием следователей, обмана или были поставлены в такую ситуацию, когда вынуждены были отказаться от защитника. Это свидетельствует о том, что настоящие причины не выясняются» [14, с. 26].

Одной из важнейших гарантий реального обеспечения права на защиту является расширение сферы судебного контроля во время предварительного следствия.

Желание иметь защитника или отказаться от него – право самого задержанного и гарантия свободы его волеизъявления. Однако, объективно

факт отсутствия адвоката в период задержания в целом негативно сказывается на эффективности обжалования процессуальных решений следователя. Защитить свои права подозреваемый реально не сможет, так как жалоба задержанного лица на основания и порядок задержания, подготовительные действия к обжалованию вряд ли могут быть составленными профессионально, юридически грамотно, если он проявит желание осуществлять свою защиту самостоятельно [12, с. 11].

Обеспечение права на защиту по уголовному делу не считается личным делом человека. В соответствии с законом должностные лица правоохранительных органов обязаны выявить как отягчающие, так и смягчающие ответственность обстоятельства. На них же возложена обязанность разъяснения подозреваемому, обвиняемому его прав (ст. 43, 43–1 УПК). Это требование вытекает из обязанностей государства обеспечить соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Содержанием права обвиняемого (подозреваемого) на защиту является:

- 1) наделение обвиняемого (подозреваемого) процессуальными правами;
- 2) возможность пользоваться помощью защитника;

3) обязанность следователя, органа дознания, прокурора и суда обеспечить подозреваемому, обвиняемому реальную возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения.

Таким образом, право обвиняемого на защиту на предварительном следствии, в ходе дознания и в суде включает в себя и его право на юридическую помощь, оказываемую защитником. Защитник способствует максимальной активизации защиты, проводимой лично обвиняемым, и последовательному осуществлению уголовно-процессуальной функции защиты в целом. Участие защитника в уголовном процессе является одной из важнейших гарантий права обвиняемого на защиту.

Согласно законодательству ДНР и международной практике защиту по уголовным делам осуществляет защитник (адвокат).

Защитник – это участник уголовного процесса, уполномоченный в предусмотренном законом порядке осуществлять защиту прав и законных интересов подозреваемых, обвиняемых, подсудимых, осужденных и оправданных и предоставлять им необходимую юридическую помощь. В силу этого защитник обязан использовать все указанные в законе способы и средства с целью выяснения обстоятельств, оправдывающих подзащитного либо смягчающих его ответственность.

Правовая помощь, которую может оказать защитник, приобретает особую актуальность именно в тот период, когда происходит собирание доказательств. Защитник, максимально используя предоставленные ему права, может:

- выявить неполноту в расследовании обстоятельств, положенных в основу задержания, обвинения, имеющих значение для исключения вины или смягчения ответственности привлеченного к уголовной ответственности лица;

- предупредить возможные или указать уже на имеющиеся нарушения прав подозреваемого, обвиняемого, подсудимого и потребовать их устранения;
- устранить недостоверные доказательства;
- обнаружить слабые и сомнительные стороны обвинения, и устранить пробелы следствия.

Данная деятельность защитника, составляющая содержательную сторону функции защиты в уголовном процессе, способствует установлению объективной истины в уголовном деле, а также является процессуальной гарантией реализации конституционного права каждого гражданина на правовую помощь.

Адвокатом может быть лицо, которое имеет высшее юридическое образование, стаж работы в отрасли права не менее двух лет, сдавший квалификационный экзамен, прошедший стажировку, принявший присягу адвоката Донецкой Народной Республики и получивший свидетельство о праве на занятие адвокатской деятельностью (ст. 8 Закона ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности») [6].

При осуществлении своих профессиональных обязанностей, связанных с оказанием юридической помощи при производстве по уголовному делу, адвокат должен соблюдать требования действующего законодательства, использовать все предусмотренные законом средства защиты прав и законных интересов подзащитных.

Адвокат не имеет права использовать свои полномочия во вред лицу, в интересах которого он принял поручение. Адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Однако в исключительных случаях адвокат вправе отказаться от выполнения своих обязанностей после допуска к участию в деле, а именно:

а) если имеются обстоятельства, которые в соответствии со ст. 61 УПК исключают его участие в деле; б) если адвокат мотивирует свой отказ недостаточными знаниями или некомпетентностью (имеется в виду ограниченный объем знаний применительно к конкретному делу, либо категории уголовных дел).

Защитник-адвокат обязан сохранять адвокатскую тайну. Предметом адвокатской тайны являются вопросы, по поводу которых лицо обратилось к адвокату, суть консультации, советов, разъяснений, а также иные сведения, полученные адвокатом при осуществлении своих профессиональных обязанностей. Моментом возникновения обязанности сохранять адвокатскую тайну следует считать момент обращения гражданина к адвокату.

Адвокату запрещается разглашать сведения, составляющие предмет адвокатской тайны, и использовать их в своих интересах либо в интересах третьих лиц. Данные предварительного следствия, ставшие известными адвокату в связи с выполнением им функции защиты в уголовном деле, могут разглашаться только с разрешения следователя, в чьем производстве находится уголовное дело, либо соответствующего прокурора.

В случае разглашения таких сведений (имеются в виду сведения, собранные в ходе производства предварительного следствия или дознания и которые содержатся в протоколах, постановлениях и иных документах, находящихся в уголовном деле) адвокат, как и иные лица, являющиеся защитниками, несут ответственность в соответствии с УК ДНР.

Законодательство устанавливает определенные гарантии реализации профессиональных прав защитнику-адвокату. В частности, запрещается любое вмешательство в адвокатскую деятельность, требование от адвоката разглашения сведений, составляющих предмет адвокатской тайны. Не подлежат досмотру, разглашению либо изъятию без согласия адвоката (и иных лиц в статусе защитника) документы, связанные с выполняемым им поручением. Запрещается прослушивать телефонные переговоры адвокатов в связи с проведением оперативно-розыскных мероприятий без разрешения суда. Не может быть внесено представление органом дознания, следователем, прокурором, а также вынесено частное определение судом по поводу правовой позиции адвоката в деле. Нельзя привлекать адвоката к уголовной, материальной и иной ответственности либо угрожать ее применением в связи с оказанием юридической помощи подзащитному.

В то же время, адвокат, как и иные лица, обладающие процессуальным статусом защитника в уголовном деле, обязан не препятствовать установлению истины по делу путем совершения действий, направленных на то, чтобы склонить свидетеля или потерпевшего к отказу от показаний или к даче заведомо ложных показаний, склонить эксперта к отказу от дачи заключения или даче заведомо ложного заключения. Недопустимо осуществление каких-либо действий, имеющих целью фальсифицировать доказательства по делу или затянуть расследование либо судебное разбирательство дела.

В качестве защитников могут выступать также и близкие родственники. Согласно ст. 11 ст. 32 УПК таковыми являются: родители, опекуны, супруги, дети, родные братья и сестры, дед, бабушка, внуки.

Защитниками в уголовном деле также могут выступать специалисты в области права, имеющие по закону право на предоставление правовой помощи лично либо по поручению юридического лица.

Закон не ограничивает количество защитников, которые могут защищать права и законные интересы одного подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Защитник допускается к участию в деле в любой стадии процесса. Однако близкие родственники обвиняемого, его опекуны либо попечители в качестве защитников допускаются к участию в деле с момента предъявления обвиняемому для ознакомления материалов предварительного следствия. Кроме того, в случаях, когда участие защитника является обязательным (ст. 45 УПК), близкие родственники обвиняемого, его опекуны, попечители могут участвовать в деле в качестве защитников лишь одновременно с защитником-адвокатом либо защитником – иным специалистом в области права, имеющим по закону право на предоставление правовой помощи лично либо по поручению юридического лица.

Фактическим основанием для постановки вопроса об участии защитника является появление в деле соответствующего участника – подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Защитник вступает в процесс, в случае обращения к нему с просьбой об оказании юридической помощи подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного. С приглашением к участию в деле в качестве защитника могут обратиться по просьбе подозреваемого, обвиняемого, подсудимого, осужденного, оправданного либо по согласованию с ними и иные лица, в том числе законные представители перечисленных лиц.

Назначение защитника имеет место в случаях, когда:

а) в соответствии с требованиями ч. 1 и ч. 2 ст. 45 УПК участие защитника обязательно, но подозреваемый, обвиняемый, подсудимый не желает или не может пригласить защитника;

б) когда подозреваемый, обвиняемый, подсудимый желает пригласить защитника, но из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам не может этого сделать.

Нарушение права на защиту является существенным нарушением требований уголовно-процессуального закона и влечет отмену процессуального решения с возвращением дела на стадию, на которой было допущено нарушение, в случае возможности его устранения (п. 3 ч. 2 ст. 370 УПК). Судебные решения подлежат, в частности, обязательной отмене в случаях, когда такое нарушение лишило или ограничило подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или его защитника в осуществлении этого права и воспрепятствовало или могло воспрепятствовать суду всесторонне, полно и объективно рассмотреть дело и вынести законное и обоснованное судебное решение.

Является нарушением права обвиняемого на защиту его вынужденный отказ от участия в уголовно-процессуальной деятельности (например, от дачи показаний, свиданий с защитником, ознакомления с материалами дела, в связи с болезнью и нахождением на стационарном лечении), если обвинение было предъявлено обвиняемому с участием адвоката, против услуг которого он возражал.

Вопрос обеспечения права на защиту в ДНР является в настоящее время актуальным, о чем свидетельствует законодательная инициатива об установлении уголовной ответственности следователя, прокурора или судьи за недопущение или несвоевременное предоставление защитника подозреваемому, обвиняемому, подсудимому, либо другое грубое нарушение их прав на защиту [5, с. 54–55].

В связи с разработкой проекта УПК ДНР о роли защитника подозреваемого, обвиняемого в уголовном процессе, целесообразно обратиться к опыту регламентации обеспечения права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого на защиту в уголовном процессе других стран. Опыт в данном отношении различных стран весьма разнообразен: получение согласия суда или судьи на применение той или иной меры принуждения; доставление

задержанного к судье для проверки законности и обоснованности применения меры принуждения; обжалование в суд с целью проверки законности ареста или задержания.

Тенденция установления судебного контроля законности и обоснованности применяемых мер принуждения отражены во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах.

В качестве примера обратимся к Конституции Российской Федерации, где закреплено, каждый гражданин имеет право на свободу и личную неприкосновенность, арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты (ст. ст. 22, 45, 46 Конституция Российской Федерации) [9].

Конституция Республики Беларусь предусматривает, что обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства. Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства. Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов. Государство обеспечивает свободу, неприкосновенность и достоинство личности. Ограничение или лишение личной свободы возможно в случаях и порядке, установленных законом. Лицо, заключенное под стражу, имеет право на судебную проверку законности его задержания или ареста (ст. ст. 21, 22, 25 Конституции Республики Беларусь) [8].

Таким образом, можно сделать следующие **выводы**:

1. Обеспечение права на защиту от уголовного обвинения является одним из важнейших институтов уголовного процесса. Без него невозможно реализовать конституционное требование об осуществлении судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон.

2. Нарушение права обвиняемого (подозреваемого) на защиту является существенным нарушением норм уголовно-процессуального закона, которое влечет за собой отмену судебного решения.

3. Одной из гарантий реализации принципа права на защиту является право лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений пользоваться помощью защитника.

4. Роль защитника состоит в том, что он является гарантом соблюдения прав подозреваемого.

Считаем, что в ходе формирования нового УПК, законодателю необходимо включить в него норму следующего содержания: «Сведения, полученные от подозреваемого, обвиняемого или подсудимого с нарушением норм УПК, а также в отсутствие защитника, в тех случаях, когда его участие является обязательным или о таком участии заявлено ходатайство указанных субъектов – влечет за собой признание судом таких данных ненадлежащими, и исключает принятие их в основу соответствующего процессуального решения в форме постановления или приговора».

Список литературы

1. Адаменко В. Д. Сущность и предмет защиты обвиняемого. – Томск: Издательство Томского университета, 1983. – 158 с.
2. Алиев Т. Т., Громов Н. А., Макаров Л. В. Уголовно-процессуальное доказывание. – М.: «Книга сервис», 2002. – С. 30.
3. Бурданова В. С. Презумпция невиновности – условие соблюдения прав и законных интересов граждан. – Ленинград. орг. о-ва «Знание» РСФСР, 1989. – 14с.
4. Громов Н. А., Макаров Л. В. Процессуальное положение защитника обвиняемого на стадии предварительного расследования преступлений // Уголовное право. – 2001. – № 1. – С. 50.
5. Дворядкина Т. А. Уголовная ответственность за нарушение права на защиту // Уголовный кодекс Донецкой народной Республики 2014 г., проблемы применения и перспективы совершенствования: материалы международной научно-практической конференции 22.04.2016 г. – Донецк: Донбасская юридическая академия, 2016. – С. 54–55.
6. Закон ДНР «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» от 14.05. 2015 г.; [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://old.dnr-online.ru/>
7. Конституция Донецкой Народной Республики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnr-online.ru/konstituciya-dnr/>
8. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm/>
9. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/10003000/10003000-4.htm/>
10. Ларин А. М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. – М., 1986. – С. 29.
11. Леви А. А., Игнатьева М. В., Капица Е. И. Особенности расследования преступлений, осуществляемого с участием адвоката. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. – С. 128.
12. Лубшев Ю. Ф. Адвокат в уголовном деле. – М.: Юрист, 1997. – С. 11.

13. Питулько К. В. Право на защиту подозреваемых и обвиняемых, задержанных и заключенных под стражу // Известия вузов. Правоведение. 2001. – № 5. – С. 136.
14. Трофименко Н. Проблемы правового регулирования реализации права на защиту обвиняемого в уголовном судопроизводстве. // Право Украины. – 1994. – № 1–2. – С. 26.
15. Уголовно-процессуальный кодекс Украины: Научно-практический комментарий / Под общей редакцией В. Т. Маляренко, Ю. П. Аленина. – Х.: 000 «Одиссей», 2001. – С. 968.

This article explores current issues of criminal proceedings relating to ensure the suspect, the defendant and the defendant's right to protection. The author points out the individual notes and justified proposals on improvement of legal regulation of this activity.

Keywords: *criminal procedure code, the defender, the preliminary investigation, criminal case.*

УДК 343.985.3

Мироненко С. Ю.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: mironenko-2009@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ РАБОТНИКОВ И
СЛЕДОВАТЕЛЯ В ПРОЦЕССЕ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО
ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ТЯЖКИХ И ОСОБО ТЯЖКИХ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Получена 02 сентября 2016; принята 05 сентября 2016.

Mironenko S.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: mironenko-2009@mail.ru

**FEATURES OF LEGAL REGULATION OF INTERACTION
OPERATIVES AND INVESTIGATORS IN OPERATIONAL-SEARCH
MAINTENANCE OF INVESTIGATION OF GRAVE AND ESPECIALLY
GRAVE CRIMES**

Received 02 september 2016; accepted 05 september 2016.

В статье анализируются актуальные вопросы взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Ключевые слова: *тяжкие преступления, оперативно-розыскное обеспечение.*

Актуальность темы исследования. Современные экономические преобразования привели к формированию новых социальных отношений и к существенным изменениям всех сфер общественной жизни. Объективные трудности и субъективные просчеты в проведении масштабных реформ вызывают интенсификацию криминогенных процессов. Среди преступлений, получивших распространение в последние годы, можно выделить тяжкие и особо тяжкие преступления, совершение которых часто вызывает значительный общественный резонанс.

Тяжкие и особо тяжкие преступления являются одним из наиболее общественно опасных проявлений общеуголовной преступности.

Анализ мотивов раскрытых тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в последние годы, показал, что в основе большинства из них лежит корыстная заинтересованность.

В совокупности изложенные обстоятельства обусловили актуальность и необходимость проведения отдельного исследования, посвященного особенностям правового регулирования взаимодействия оперативных работников и следователей в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Анализ научных исследований. Вопрос взаимодействия оперативных работников и следователей в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений ранее неоднократно рассматривался учеными в своих работах. Существенный вклад в исследование теоретических вопросов, связанных с криминологической и криминалистической характеристикой преступлений и методике их расследования, внесены такими учеными, как В. П. Бахин, Р. С. Белкин, А. И. Бородулин, М. Ю. Валуйская, А. М. Васильев, В. К. Гавло, И. Ф. Герасимов, Л. Я. Драпкин, Г. Ю. Жирный, С. Ф. Здоровко, А. В. Ищенко, А. Н. Колесниченко, М. В. Костенко, И. В. Кубарев, В. К. Лисиченко, И. М. Лузгин, В. Г. Лукашевич, В. А. Образцов, В. А. Овечкин, В. В. Радаев, А. Р. Ратинов, Н. А. Селиванов, В. Л. Синчук, В. Г. Танасевич, В. Ю. Шепитько, Н. П. Яблоков и др.

Цель. Основной целью исследования является комплексное изучение актуальных проблем правового регулирования взаимодействия оперативных работников и следователей в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, и внесение научно обоснованных предложений к его совершенствованию.

Для достижения указанной цели в процессе исследования ставились и решались следующие задачи:

- раскрыть содержание понятия оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений;
- определить субъектов оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений и характер их взаимосвязей в процессе намеченной деятельности;
- путем анализа действующего законодательства, регламентирующего вопросы взаимодействия следователя и оперативных работников в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, определить наиболее перспективные направления такого взаимодействия;
- путем изучения проблемных вопросов оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, разработать предложения по совершенствованию совместной деятельности указанных субъектов.

Изложение основного материала. Наиболее важная роль в системе социального регулирования принадлежит правовому регулированию. Влияние правового регулирования на общественные отношения превращает их в

правоотношения, и становятся основным каналом воздействия права на поведение адресатов. Эти адресаты – участники общественных отношений – наделяются взаимными правами, обязанностями, ответственностью, иначе – запретами, разрешениями. Действие всего механизма правового регулирования обеспечивается возможностью государственного принуждения [4, с. 136–139; 2, с. 343–368; 6, с. 116–117; 5, с. 145–159] От уровня его эффективности на современном этапе непосредственно зависят результаты деятельности человека в таких важных сферах, как экономика, политика, борьба с преступностью и тому подобное. Состояние правового регулирования сферы, которая интересует нас в рамках данного исследования, требует оптимизации, о чем свидетельствуют как результаты борьбы с преступностью, так и качество нормативных актов, положения которых часто не могут эффективно «работать» на практике и постоянно требуют внесения изменений.

В теории права под правовым регулированием понимается специфическая деятельность государства, его органов и должностных лиц по упорядочению общественных отношений путем установления правовых норм и принятия в необходимых случаях индивидуально регламентирующих решений по юридически значимым вопросам, которые возникают в рамках таких отношений [7, с. 135]. Следовательно, назначение правового регулирования вообще – функциональное, управленческое.

Правовое регулирование взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений также имеет функциональный характер. В этом случае с помощью правовых норм регулируются отношения между работником оперативного подразделения и следователем в процессе их совместной деятельности, направленной на достижение общей цели расследования преступлений этих категорий – быстрое и полное их раскрытие.

Следует отметить, что правовое регулирование занимает одно из самых важных мест во взаимодействии указанных субъектов в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку от его оптимальности напрямую зависит оперативность и качество решаемых как общих, так и конкретных задач борьбы с преступлениями указанного вида.

С учетом изложенного правовое регулирование взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений можно определить как нормативно-властное влияние государства на правовые отношения между взаимодействующими субъектами, которые возникают, действуют и прекращаются в этой деятельности и в связи с ней, для их упорядочения.

Регулятивное действие права начинается с издания законотворческими органами государства правовых актов. Таким образом, создается правовая основа регулируемых общественных отношений.

Изучение действующего законодательства позволяет нам определить правовую основу взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений. Ее составляют нормативные акты, которые могут быть представлены такой иерархической системой:

1. Законы:

- а) Конституция Донецкой Народной Республики;
- б) кодифицированы законы;
- в) некодифицируемые законы.

2. подзаконные нормативные правовые акты:

- а) указы Главы Республики;
- б) постановления Совета Министров Донецкой Народной Республики;
- в) ведомственные и межведомственные подзаконные акты.

Базовый, фундаментальный источник правового регулирования деятельности любого правоохранительного органа – это Конституция Донецкой Народной Республики. Законы, которые принимаются, и другие правовые акты не должны противоречить Конституции ДНР. Эти конституционные положения, в частности о прямом действии Конституции, непосредственно касающиеся взаимодействия оперативных работников и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений. В частности, в ряде статей Конституции ДНР закреплены принципы, которые определяют отношение государства к человеку и гражданину, защиты их прав, свобод и законных интересов. К таким принципам относятся: признание государством высшей ценностью жизни, здоровья, прав и свобод человека и обязанность их соблюдать и защищать, признание и обеспечение соблюдения прав и свобод человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, равенства граждан перед законом и судом, права на свободу и личную неприкосновенность; обеспечение права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну и защиту своей чести, права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, которые могут быть ограничены только на основании судебного решения, права на неприкосновенность жилища, которое может быть нарушено лишь в случаях, установленных законом, или на основании судебного решения, гарантии судебной защиты прав и свобод граждан, презумпция невиновности и некоторые другие.

В целом конституционные положения определяют гуманитарную направленность при взаимодействии работников оперативных подразделений и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Ко второй группе нормативных актов приведенной выше системе относятся кодифицированы нормативные акты (кодексы) [1, с. 85]. Другие нормативные акты не должны противоречить кодифицированным нормативным актам, а должны лишь дополнять и конкретизировать их.

Действующий Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики вступил в силу в 2014 году. Его главными задачами, вместе с Конституцией Донецкой Народной Республики, является охрана личности, ее прав и свобод, собственности, общественных и государственных интересов, правопорядка от преступных посягательств. Для осуществления этих задач уголовное законодательство определяет, какие деяния являются преступлениями, виды, стадии преступления, какие лица подлежат уголовной ответственности, закрепляет общие основы назначения наказания и основания освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Значение норм Уголовного кодекса Донецкой Народной Республики для взаимодействия следователя и оперативного работника в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений трудно переоценить. Именно наличие общественно опасных деяний, определяемых УК, вызывает необходимость взаимодействия этих субъектов для достижения общей для них цели – быстрого и полного раскрытия преступлений. Содержание организации и тактики деятельности следователя и оперативного работника в процессе их взаимодействия определяется с учетом как Общей, так и Особенной частей Уголовного кодекса, поскольку именно в них указаны признаки конкретного вида преступления, которые необходимо установить для его раскрытия.

Вместе с тем, Конституция Донецкой Народной Республики и Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики, будучи одними из основополагающих законодательных актов, на которых основывается деятельность правоохранительных органов, непосредственно не регламентируют вопросы взаимодействия. Однако они не могут рассматриваться вне правового регулирования взаимодействия оперативных подразделений и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, поскольку прямо касаются регулирования деятельности в борьбе с преступностью, в частности с указанными категориями преступлений.

В уголовно-процессуальном кодексе не регламентировано создание совместной следственно-оперативной группы, которая давно признана практикой и ведомственными нормативными актами основной организационной формой взаимодействия подразделений и служб органов внутренних дел в раскрытии преступлений. В этой ситуации законодатель также не учел, что любые организационно-управленческие функции не будут выполняться эффективно без соответствующей правовой регламентации. Именно от степени четкости и полноты нормативного закрепления компетенции руководителя следственно-оперативной группы и остальных ее членов зависит уровень практической реализации их прав и обязанностей. В связи с этим, для единообразного толкования и адекватного решения обозначенного вопроса в УПК, кроме регламентации создания следственно-оперативной группы, также должно быть четко определено положение всех

работников следственных и оперативных подразделений, входящих в эту группу.

Указанные пробелы законодательства порождают ряд трудностей в правоприменительной деятельности субъектов раскрытия тяжких и особо тяжких преступлений, входящих в состав следственно-оперативной группы.

Так, уголовно-процессуальный кодекс устанавливает, что следователь, осуществляя досудебное следствие, уполномочен давать органу дознания в случаях и в порядке, установленных УПК, обязательные для выполнения письменные поручения о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий. Тем самым эта норма требует, чтобы каждое процессуальное действие, проведенное оперативными работниками, была оформлена не только соответствующим протоколом, но и письменным поручением следователя. При других обстоятельствах уголовное дело пополняется документами, имеющими сугубо формальный характер, и не способствуют оптимизации процесса доказывания.

В этой ситуации процессуальное закрепление существования следственно-оперативных групп позволило бы избавиться от лишней писанины, а основанием производства оперативным работником процессуальных действий считать соответствующее процессуальное постановление о создании следственно-оперативной группы[8, с. 19–20].

Существенное значение для выяснения правовой основы взаимодействия следственных органов и оперативных подразделений в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений имеют положения уголовно-процессуального кодекса. Эти положения определяют обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу, виды доказательств, способы сбора и представления доказательств и правила оценки доказательств. Указанные положения лежат в основе оперативно-розыскного документирования и процедур использования его результатов в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в положениях УПК не нашли своего нормативного закрепления и требования к результатам оперативно-розыскной деятельности, которые предоставляются оперативно-розыскными подразделениями следователю, что на практике часто становится причиной неэффективной работы по сбору, проверке, оценке и реализации работниками оперативных подразделений значимой информации. Для устранения этого недостатка законодатель должен четко определить в УПК критерии, которым должны соответствовать результаты оперативно-розыскной деятельности для использования в доказывании по уголовному делу с учетом современной ведомственной нормативно-правовой базы.

Таким образом, взаимодействие в организации деятельности органов внутренних дел, в состав которых входят оперативные подразделения и следователи, должно занимать одно из центральных мест в их служебной деятельности, а развитию взаимодействия должно уделяться должное

внимание, чему значительно должно способствовать совершенствование правового регулирования согласно разных направлений деятельности всех служб и подразделений органов внутренних дел.

Подробнее, по сравнению с нормативными актами рассмотренных групп, регулирование взаимодействия оперативных подразделений и следователя в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений содержится в ведомственных и межведомственных нормативных актах, регламентирующих основные организационно-тактические вопросы этого процесса. Указанные нормативные акты по своей сути выступают как соответствующие организационно-управленческие акты (то есть ведомственного управления) и приобретают нормативность, разумеется, такой, что отличается от нормативности закона. Будучи подзаконными, они по своему объективному назначению являются актами реализации закона. Важно отметить, что эти нормативные акты конкретизируют и детализируют не норму закона, а соответствующие общественные отношения, подлежащие государственному регулированию [3, с. 119].

Министерства, реализующие свои функции, осуществляют различные виды деятельности. При этом они имеют право в пределах своей компетенции принимать нормативные, так называемые ведомственные, акты. Форма этих актов зависит от осуществляемой министерствами и ведомствами деятельности.

Каждое министерство и ведомство в рамках своих полномочий может принимать следующие нормативные акты: директивы, приказы, инструкции, положения, инструкции, правила, уставы. Кроме того, определенное министерство по вопросам компетенции пересекается с другими министерствами и ведомствами и может принимать совместные так называемые межведомственные нормативные акты.

При этом, участвуя в создании межведомственного нормативного акта, каждое министерство (ведомство) принимает на себя обязанность не менять определенные правила по своему одностороннему волеизъявлению. Этот вид нормативных актов является эффективным способом (формой) преодоления возможных противоречий в процессе любой деятельности. Именно в этом заключается цель и ценность межведомственных нормативных актов. Поэтому вполне логично, что целевое назначение таких актов может и должно быть реализовано посредством установления их иерархического приоритета перед любым актом, принятым тем или иным органом самостоятельно.

В действующем законодательстве следует выделить ряд ведомственных и межведомственных нормативных актов, положения которых регламентируют вопросы взаимодействия следователей и оперативных работников в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений.

Эти нормативные акты регламентируют некоторые аспекты организации взаимодействия следователя и работников оперативных подразделений в раскрытии преступлений на этапах: до возбуждения уголовного дела и после возбуждения уголовного дела.

Рассматривая нормативные акты, следует отметить, что на сегодняшний день не существует единого межведомственного нормативного акта, регламентирующего основы организации взаимодействия следователя и оперативного работника в процессе раскрытия преступлений.

Решение о создании следственно-оперативной группы принимается руководителями подразделений следствия и оперативных подразделений и оформляется их совместным приказом. Руководителем группы назначается следователь, принявший дело к производству. В случае расследования дела несколькими следователями выносится соответствующее постановление, и один из них назначается старшим. Если в группу включается несколько оперативных работников, также один из них назначается старшим. Изменения в составе группы могут быть проведены только начальником, который выдал приказ о ее создании, по согласованию с руководителем следственно-оперативной группы. Решение о расформировании следственно-оперативной группы по предложению ее руководителя принимает начальник, который ее создал, или высший руководитель.

Кроме того, положения этих подзаконных нормативных актов достаточно подробно определяют взаимные права и обязанности оперативного работника и следователя. Однако следует отметить, что в ряде случаев полномочия последнего требуют уточнения, детализации, поскольку граничат с аналогичными полномочиями по ведомственному контролю за оперативно-розыскной деятельностью руководителя органа внутренних дел, непосредственно руководителя того или иного подразделения.

Так, наделяя следователя полномочиями по контролю за выполнением всех своих поручений, законодатель не учитывает ограничения по контролю за исполнением поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий. По нашему мнению, подобная законодательная формулировка может толковаться правоприменителем – руководителем следственно-оперативной группы – слишком широко, что приводит к попытке реализации им в принципе не свойственной для него функции – контроля за процессом проведения оперативно-розыскных мероприятий, – которая входит в компетенцию руководителей органов внутренних дел, уполномоченных на осуществление оперативно-розыскной деятельности. В связи с этим должно быть нормативно закреплено положение о том, что контроль за исполнением поручений о производстве оперативно-розыскных мероприятий со стороны руководителя следственно-оперативной группы возможен только в сроки, установленные поручением или определенные в плане совместных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. В свою очередь, не вызывают возражения полномочия следователя по контролю за выполнением порученных оперативным работникам процессуальных действий.

Между тем, было бы вполне обоснованным закрепление в указанных правовых актах полномочий по контролю за старшим среди оперативных работников, входящих в состав следственно-оперативной группы, поскольку именно он несет ответственность за результаты деятельности остальных

оперативных работников, входящих в следственно-оперативную группу, и вместе с руководителями органов внутренних дел, уполномоченными на проведение оперативно-розыскной деятельности, контролирует выполнение порученных оперативно-розыскных мероприятий. Кроме того, часто старшим оперативной группы в составе следственно-оперативной группы назначается один из руководителей органа внутренних дел, уполномоченный на проведение оперативно-розыскных мероприятий.

Было бы целесообразным, чтобы законодатель внес в соответствующие положения ведомственных нормативных актов поправки, касающиеся одинаково закрепленных полномочий следователя – руководителя следственно-оперативной группы и старшего среди оперативных работников по координации деятельности последних. Как показывает практика, в деятельности этих двух субъектов координации имеются различия: если координация со стороны следователя имеет внешний, общий характер и проявляется в поручениях оперативным работникам о проведении оперативно-розыскных мероприятий в приоритетных направлениях досудебного расследования преступления, то старший оперативного состава следственно-оперативной группы осуществляет координацию деятельности оперативных работников непосредственно в процессе оперативно-розыскного обеспечения, определяя, какие и в каком порядке необходимо осуществлять оперативно-розыскные мероприятия, а также, какие силы и средства необходимо при этом задействовать.

В совокупности с указанными недостатками нельзя признать успешными редакции указанных ведомственных нормативных актов еще и потому, что субъектом, который принимал участие в их создании, является лишь Министерство внутренних дел. Совершенно очевидно, что субъектами взаимодействия в процессе раскрытия преступлений, в том числе тяжких и особо тяжких, есть оперативные работники и следователи не только МВД, но и других министерств и ведомств. Это обстоятельство вызывает разногласия в правоприменительной практике, что явно не способствует оптимизации взаимодействия как важнейшего фактора, от которого зависит результативность процесса раскрытия преступлений.

Среди нормативных документов второй группы этой системы особое место занимают директивы, которые принимаются на определенный срок. В них подводятся итоги оперативно-служебной деятельности в борьбе с преступностью и содержатся обязательные к исполнению указания, в которых определены основные положения по регулированию организации различных направлений деятельности правоохранительных органов, в том числе взаимодействия.

Подводя итог, следует отметить, что, безусловно, положение рассматриваемых законов и подзаконных актов имеют большое значение в регулировании сферы общественных отношений, которые складываются при взаимодействии работников оперативных подразделений и следователей в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо

тяжких преступлений. Однако ряд аспектов взаимодействия указанных субъектов, как было показано выше, не урегулирован или они регулируются недостаточно полно, что создает определенные трудности в процессе взаимодействия указанных субъектов.

Вывод. На основании изложенного следует сделать вывод, что современное законодательство, регламентирующее вопросы взаимодействия работников оперативных подразделений и следователей в процессе оперативно-розыскного обеспечения расследования тяжких и особо тяжких преступлений, безусловно, нуждается в усовершенствовании, в котором в полной мере должны найти отражение достижения науки и положительный опыт практики.

В частности, для устранения существующих недостатков действующего законодательства необходимо:

- разработать и принять Закон Донецкой Народной Республики «Об оперативно-розыскной деятельности»; разработать «Инструкцию об оперативно-розыскной деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел Донецкой Народной Республики»;

- для обеспечения эффективной, согласованной деятельности оперативных и следственных подразделений всех министерств и ведомств, участвующих в процессе раскрытия преступлений, необходимо создать путем совместного нормотворчества этих субъектов единственный межведомственный нормативный правовой акт по вопросам организации взаимодействия указанных подразделений в процессе раскрытия преступлений, где в полной мере будут отражены аспекты, касающиеся непосредственно борьбы с тяжкими и особо тяжкими преступлениями.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 709 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права: учебник [для юридических вузов]. – М.-Л.: РВВ ЛПВС, 2002. – 260 с.
3. Маркушин А. Г. О правовом регулировании и правоотношениях в оперативно-розыскной деятельности / Проблемы теории и практики в оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. – М.: Норма, 1993. – 140 с.
4. Общая теория права: курс лекций / под общ. ред. проф. В. К. Бабаева. – Н.-Новгород: Сиб. юрид. ин-т МВД РФ, 1993. – 240 с.
5. Теория государства и права: учебник [для вузов] / отв. ред. докт. юрид. наук, проф. В. Д. Перевалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА-М – ИНФРА, 2004. – 840 с.
6. Толстик В. А. Теория права и государства в определениях и схемах: учебное пособие. – Киев: НИиРИО КВШ МВД СССР, 1987. – 80 с.

7. Фактуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права: курс лекций. – Казань.: Изд-во Казан. ун-та., 1987, – С. 135.
8. Цоколов И. А. Правовое регулирование расследования преступлений следственной и следственно-оперативной группой / Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. – М.: Наука, 1999. – 120 с.

The article analyzes the current issues of cooperation between operational staff and an investigator in the course of operatively-search maintenance of investigation of grave and especially grave crimes.

Keywords: serious crimes, operational-investigative support.

УДК 341.922

Нарыжный Н. А.

Министерство юстиции
Донецкой Народной Республики, г. Донецк
e-mail: naryzhnyj@yandex.ru

Коноваленко А. В.

Аппарат Совета Министров Донецкой
Народной Республики, г. Донецк
e-mail: asm.bev@smdnr.ru

ОСНОВАНИЕ ОТКАЗА В ПРИМЕНЕНИИ ИНОСТРАННОГО ПРАВА

Получена 23 сентября 2016; принята 26 сентября 2016.

Naryzhnyj N.

Ministry of Justice
People's Republic of Donetsk, Donetsk
e-mail: naryzhnyj@yandex.ru
Council of Ministers Unit of the Donetsk
People's Republic of Donetsk
e-mail: asm.bev@smdnr.ru

Konovalenko A.

GROUND FOR REFUSAL OF THE APPLICATION OF FOREIGN LAW

Received 23 september 2016; accepted 26 september 2016.

В статье сделана попытка раскрыть содержание ограничения применения иностранного права, определенно количество оснований отказа от такого применения и их недостатки. Применен анализ общетеоретических и практических проблем отказа в применении иностранного права судебными инстанциями.

Ключевые слова: международное частное право, коллизионные нормы, реторсия.

Актуальность темы исследования. В доктрине и практике международного частного права применение иностранного права не является целью, более того, само применение не всегда приводит к позитивным последствиям. Именно поэтому система Международного частного права, формирующая сложный комплекс правил, регламентирующих применение иностранного права, обеспечила защиту позиций национального суда от проникновения иностранных правовых норм, которые полностью противоречат фундаментальным принципам национальной правовой системы.

В свою очередь, ограничения в применении иностранного права могут восприниматься как исключение, а не как правило. Именно поэтому актуальность темы обуславливается вопросами применения или неприменения иностранного права, правомерностью отказа от такого применения.

Целью статьи является анализ общетеоретических и практических проблем отказа в применении иностранного права для регулирования частноправовых отношений.

Изложение основного метриала. На данный момент ограничения применения иностранных норм права подразделяют на две группы: материальные и процессуальные. Материальные ограничения запрещают применение иностранных правовых норм, учитывая их характер, содержание предписаний национального права или ненадлежащее использование сторонами правоотношений действия коллизионных механизмов. То есть все эти ограничения так или иначе связаны с самой нормой права, которая должна быть применена [7, с. 13–14]. К ним относятся: предостережение о публичном порядке, правовая несовместимость для императивных норм Международного частного права, реторсия и взаимность. Процессуальные ограничения применения иностранного права заключаются в отсутствии возможностей установить содержание иностранной правовой нормы, несмотря на использование всех имеющихся правовых механизмов.

В юридической практике множества стран широкое применение получила правовая норма, согласно которой иностранный закон не применяется, если он противоречит основным принципам правопорядка, морали, обычаям и предупреждениям о публичном порядке. Например, в соответствии со ст. 6 Гражданского кодекса Франции: «Невозможно нарушать частными соглашениями законов, которые затрагивают гражданский порядок и добрые обычаи» [5, с. 36]. К тому же, предупреждение о публичном порядке содержится в некоторых международных договорах. Так, в ст. 6 Гаагской конвенции 1955 г. о праве, применимом к международной купле-продаже товаров, говорится: «В каждом из Договаривающихся государств применение права, определенного настоящей Конвенцией, может быть исключено по мотивам публичного порядка» [2, ст. 199].

С точки зрения системного анализа этой доктринальной позиции возникает вопрос: «Что представляет прагматический интерес, что стоит считать публичным порядком?». Ответ на этот вопрос видится в плоскости

общей теории международного частного права. Например, Кассационный суд Бельгии в решении по делу *Vigououx* определил публичный порядок как «принцип, который законодатель рассматривает как существенный для действующего морального, политического и экономического порядков [4, с. 56]. К сожалению, данное определение не является полезным для практики, так как не создает четкого и понятного ориентира. Как определил В. П. Звеков «Рассматривая как правовой феномен, что несет в себе «заряд» императивности, способен ограничить действие отечественной коллизионной нормы, предостережение о публичном порядке не поддается какому-нибудь четкому определению» [1, с. 152].

Для целей Международного частного права под правопорядком стоит понимать комплексную категорию, которая включает в себя три составляющие: основные принципы отечественного правосознания, основные положения отечественного права и охраняемые отечественным правом интересы субъекта права. Другими словами, иностранное право не должно применяться, если: содержание норм иностранного права значительно отличается от содержания норм национального права; в результате применения норм иностранного права будут нарушены охраняемым законом интересы субъектов права; результат применения иностранного права не совместим с основными принципами национального правосознания.

Публичный порядок не является универсальным с точки зрения содержания, что связано с разновидностью культур и разнообразием правовых ценностей. В определенном смысле публичный порядок считает их формальной значимостью. П. Курб придерживается данной позиции, выделяя в качестве элемента публичного порядка принципы универсальной справедливости, которые имеют абсолютную универсальную ценность (не будет применено иностранное право, которое признает рабство, дискриминацию по расовым мотивам, не защищает частную собственность, вступает в конфликт с Декларацией по правам человека 1948 г.); национально-правовые ценности (запрет судебного преследования не эмансипированного ребенка, неприменение иностранного права, запрещающего развод) [8, с. 103–104].

Предупреждение о публичном порядке чаще всего применяется в сфере семейного и наследственного права, то есть в той сфере действия, где имеется значительное влияние национальных и религиозных традиций на законодателя, и которая не способствует построению унификационных процессов. В сфере гражданского права предупреждения о публичном порядке значительно реже применяются в качестве основания отказа в применении иностранного права: большинство государств, так или иначе, строят свое законодательство на принципах римского права [6, с. 379].

Анализ научных исследований. При этом в ходе решения вопроса об отказе в применении иностранного права, стоит обозначить, что для реализации предупреждения о публичном порядке необходимо, чтобы национальному правопорядку противоречил результат применения норм иностранного права, а не его содержание. Как обозначил Л. А. Лунц: «Построить понятие публичного

порядка на одном лишь подобии местного гражданского закона и иностранного закона – означает, в общем, отклонение международного частного права, так как и коллизионная проблема образуется только в случаях такой надобности» [3, с. 309].

При этом важно помнить о «концепции актуальности публичного порядка», впервые предложенной А. Пийе, суть которой заключается в оценке национального правопорядка на момент вынесения судебного решения, а не возникновения отношений [11, с. 398]. Суд должен руководствоваться действующим правом и, соответственно, действующими ценностями, которые должны наполнить содержание категории «публичный порядок». В других случаях, когда при применении иностранного закона (к которому отсылает коллизионная норма) применяются мотивы «публичного порядка», происходит образование правового вакуума. По нашему мнению, данный вакуум должен быть заполнен путем применения соответствующей нормы права страны суда.

В целом, предупреждение о публичном порядке создает гарантию не нарушения основных принципов регулирования частноправовых отношений. Роль принципа международного частного права в целом сравнима с ролью принципа невмешательства во внутренние дела другого государства согласно международному публичному праву. Но, в то же время, не стоит забывать, что применение предупреждения о публичном порядке, в качестве основания отказа в применении иностранного права, не соответствует задачам современного международного публичного права, понижая его роль в развитии бизнес сообщества между государствами с разными правовыми системами. К этому добавим, что отношения регулируются нормами права национального государства, с которыми правоотношения меньше связаны, нежели иностранными, – соответственно снижается эффективность правового регулирования.

Следующим основанием неприменения иностранного права стоит выделить правовую несовместимость – совокупность формальных качеств правовой системы иностранного государства, которая препятствует применению норм в пределах национального правопорядка.

Из этого следует, что может возникнуть вопрос об общих принципах права, как обозначенных в конкретных нормах, так и тех, на которых базируется правовая система и которые противоречат публичному порядку страны суда. Представляется, что орган, компетентный рассматривать спор, вправе в этом случае отказать по мотивам публичного порядка в применении всей правовой системы [3, с. 378].

Например, к качествам правовой системы, делающим ее нормы не применимыми, относятся: неустойчивость правовой системы, через которую невозможно точно установить содержание иностранного права; религиозный характер источников права; примитивность правовой системы; преимущество прецедентных источников права.

В свою очередь, проблема правовой несовместимости противоречит многим принципам международного публичного права. Также не соответствует она и традиционным принципам международного частного права: принципу

близости права и общественных отношений, принципу уважительного отношения, требующему уважительного отношения к иностранной правовой системе, традиционного понимания предостережения о публичном порядке и др.

Со слов В. Л. Толстых, не стоит обращаться к правовому шовинизму или правовой исключительности, однако при существовании правовой несовместимости какие-либо попытки применения соответствующих правовых систем будут или лукавством (если судьи будут понимать иностранное право так, как они хотят, а не как стоит), или прямым противоречием публичному порядку [6, с. 353]. Поэтому в настоящее время правовая несовместимость, как основание неприменения иностранного права, требует дальнейшего доктринального исследования и практического решения.

Дальше стоит выделить такое применение иностранного права, как императивные нормы международного частного права. Последние представляют собой особенно важные нормы национального материального права, которые действуют независимо от того, какое право выбрали стороны и к какому праву отсылает коллизионная норма. Императивные нормы отклоняют действие норм иностранного права независимо от содержания последних.

По мнению Ф. Франсекакиса, некоторые особенно важные нормы национального права во всех случаях должны применяться к отношениям с участием иностранного элемента, поскольку национальное государство имеет обоснованный интерес в их применении. Французский автор, который впервые в европейской доктрине описал концепцию императивных норм международного частного права, отмечает: «Государства должны обеспечить с помощью коллизионных норм эффективность в международном плане институтов и принципов, которые они рассматривают как существенные» [9, с. 151].

Из этого следует, что императивные нормы отечественного международного частного права, которые служат основанием отказа в применении иностранного права, - это не все императивные нормы международного частного права, а только определенная их часть, то есть особенно важные нормы. К ним можно отнести, например, нормы об обязательности письменной формы сделок (договоров), об основаниях недействительности договоров, об исковой давности и др. Задача их исключительного применения – защита основных принципов отечественного правопорядка.

Но такой критерий доктрины международного частного права, как значительность, важность является оценочным критерием, как правило, не может быть использован во время рассмотрения конкретного дела. Данная доктрина не может опираться на этот критерий – это может сделать только суд.

Если исходить из определения природы императивных норм международного частного права, мало могут помочь и попытки их классифицировать. Но если императивные нормы международного частного права могут быть выявлены в какой-либо сфере, где есть императивные нормы, М. Луссуарн определил: «Нет разницы в природе императивных норм международного частного права и других норм. Можно утверждать, что в

современных государствах каждый закон гарантирует экономические и социальные интересы. Это не преимущество, зарезервированное за «loi de police». Поскольку речь идет о степени, мере, квалификация императивных норм может быть предоставлена только на основе конкретного анализа каждого законодательного положения» [10, с. 238].

Из этого следует вывод: императивные нормы международного частного права – это нормы, которые признаются судом в каждом конкретном случае, как нормы, которые действуют независимо от того, к какому праву отсылает коллизионная норма. Императивные нормы международного частного права не имеют особенного содержания: они обнаруживаются только на этапе рассмотрения конкретного дела.

Основной первопричиной образования данного института является реакция на недостатки механизма коллизионного регулирования, чаще всего связанные с отсутствием в коллизионной норме отсылки к национальному законодательству тогда, когда это диктуется публичными интересами.

Второй причиной образования института императивных норм является стремление законодателя обеспечить комфорт судьям, и стремление самих судей избежать применения норм иностранного права. И если первое основание действия данного института (реагирование на объективные недостатки механизма коллизионного регулирования) и имеет право на существование, то вторая не может быть реализована. Поэтому необходимо не допустить ограничения применения иностранного права путем отсылки на императивные нормы с единственной целью обеспечения суда возможностью применить более удобное национальное право.

Основанием отказа в применении иностранного права является также институт взаимности и реторсии. При этом, в отличие от предупреждения о публичном порядке и института императивных норм национального права, в данном случае отказ в применении иностранного права обусловлен причинами, не связанными с содержанием материальных норм права. Институт взаимности и институт реторсии начинают действовать, если иностранные судебные или исполнительные органы не проявляют достаточного внимания к национальной политической и правовой системе.

Как обозначил в своей публикации В. Л. Толстых, под взаимностью понимается представление иностранным субъектам не меньшего объема прав, нежели объем прав, которым пользуются отечественные субъекты на территории соответствующего иностранного государства [6, с. 378]. Традиционно данная проблема рассматривается в доктрине через материально-правовой аспект и все больше принадлежит к правовому статусу иностранцев. Коллизионно-правовое проявление взаимности заключается в том случае, если иностранный суд при рассмотрении аналогичных отношений применяет право национальное.

Из всего вышесказанного можно прийти к выводу, что доктрина большинства государств критически относится к применению взаимности в международном частном праве. Каждое государство свободно в построении

своей правовой системы, принцип суверенного равенства диктует обязательства уважения этой правовой системы, в том числе и коллизионных норм иностранного права. Кроме того, применение взаимности означает дискриминацию граждан определенного иностранного государства, поскольку национальная коллизионная норма будет действовать по отношению к одним иностранцам, и не будет действовать к другим.

Концепция взаимности имеет несколько недостатков. Во-первых, неприменение национального права иностранным судом не является деликтом в смысле международного публичного права, поскольку отсутствуют нормы обязательных стандартов коллизионного регулирования. Более того, попытки повлиять на иностранного законодателя противоречат принципу невмешательства во внутренние дела другого государства. В соответствии, какие-либо санкции, направленные на неприменение иностранного права, являются неприемлемыми и могут рассматриваться как международные правонарушения. Во-вторых, используя концепцию взаимности, суд не применяет национальные коллизионные нормы, которые привязывают отношения к праву наиболее «близкого» иностранного государству. В-третьих, если национальное право не применяется иностранным судом при рассмотрении отдельных ситуаций (по причине другого содержания коллизионных норм), это может компенсироваться применением национального права при рассмотрении других ситуаций.

Из этого следует, что применение института взаимности в коллизионном праве нецелесообразно.

На сегодняшний день такие санкции не вводятся, поскольку в них можно увидеть противоречие общим принципам международного публичного права, в соответствии с которыми частные лица не отвечают за действия государства.

Выводы. В настоящее время в Международном частном праве существует достаточно оснований в применении иностранного права. Но относительно перспектив дальнейшего развития ограничений применения иностранных норм, то по нашему мнению, доктрина и практика идут путем упрощения таких ограничений применения иностранных норм, сужения не только их количества, но и содержания. Это определено повышением открытости правовых систем, стремительной интеграцией и глобализацией в современном мире.

Таким образом, мы делаем вывод, что правоприменительный орган, отказывая в применении иностранного права, должен сделать это мотивированно, объяснив не только основания такого отказа, а и обосновав выбор права, которое было применено. В другом случае отказ в применении будет неправомерным.

Список литературы

1. Звеков В. П. Международное частное право. Курс лекций. – М.: «Норма-Инфра-М», 1999. – 667 с.

2. Конвенция о законе, применимом в международной купле-продаже товаров (Гаага, 15 июня 1955 г.) // Международное частное право: сборник документов. – М.: Издательство БЕК, 1997. – с. 198–201.
3. Покровская А. Б. Соглашение о праве, применимом к гражданско-правовым сделкам / Актуальные проблемы гражданского права / Под ред. В. В. Витрянского. 2002. – Вып. 5. – 527 с.
4. Решение Кассационного Суда Бельгии от 27 февраля 1986 г. // *Revue critique juridique belge*, 1989. – 167 p.
5. Тихиня В.Г. Международное частное право. Часть 1. – Минск, 1994 – 91 с.
6. Толстых В. Л. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Изд – во Р. Асланова Юридический центр Пресс, 2004. – 526 с.
7. Филиппев А. О. Применение иностранного права для регулирования частноправовых отношений: проблемы и перспективы: автор. дис. ...канд. юр. наук: 12.00.03. – К., 2009. – 20 с.
8. Courbe P. Droit international prive. Dalloz. Paris. 2000. – 238 p.
9. Francescakis Ph. Droit naturel et droit international prive. Melanges offerts a Jasque Maury. Paris. Dalloz. 1960. T. 1. – 342 p.
10. Loussouarne M. Cours general de droit international prive // *Recueil des cours de Academia de droit international de La Haye*. 1973. T. 2. – 514 p.
11. Pillet A. Principes de droit international prive. Perdone. 1903. – 473 p.

The paper attempts to reveal the contents of restrictions on the use of foreign law, a certain number of grounds for refusal of such an application and their shortcomings. Applying the analysis of general theoretical and practical problems of failure in the application of foreign law by the courts.

Keywords: private international law, conflict of laws rules, retorsion.

УДК 342

Никольская О. В.
Варивода Т. А.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: poshta44@rambler.ru
e-mail: tana_varivoda@mail.ru

ГЕНЕЗИС ТЕОРИИ ПРИМЕНЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ

Получена 05 сентября 2016; принята 06 сентября 2016.

Nikolskaya O.
Varivoda T.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: poshta44@rambler.ru
e-mail: tana_varivoda@mail.ru

GENESIS THEORY OF APPLICATION OF CONSTITUTIONAL NORMS

Received 05 september 2016; accepted 06 september 2016.

В статье анализируются этапы становления теории применения конституционных норм, а также перспективные направления ее развития в современной правовой науке.

Ключевые слова: Конституция, реализация норм права, применение конституционных норм.

Актуальность темы исследования. Конституция как основной закон государства, прежде всего, провозглашает и гарантирует права и свободы человека и гражданина, а также определяет основы общественного строя, форму правления и территориального устройства, основы организации центральных и местных органов власти, их компетенцию и взаимоотношения, государственную символику и столицу. Конституция Донецкой Народной Республики закрепляет такие ценности мирового конституционализма как разделение властей (ст. 6), народовластие (ст. 2), идеологическое и политическое многообразие (ст. 9), равенство прав и свобод (ст. 13) и др. Принятие Конституции – это лишь первый шаг на пути укрепления конституционализма и становления государства как правового. Основной Закон необходимо реализовывать, т. е. воплощать в жизнь, достигать определенного социального результата. Без полноценной реализации Конституции ее правовой потенциал оказывается под угрозой его нивелирования. Это обуславливает актуальность исследования вопроса реализации конституционных норм.

Состояние научной разработки темы. Данному вопросу уделяли внимание в своих работах такие ученые как С. А. Авакьян [1], А. Б. Венгеров [2], Б. С. Эбзеев [17], О. Е. Кутафин [7], В. О. Лучин [5], Ю. Н. Тодыка [16] и другие правоведы.

Цель статьи – определить основные этапы становления теории применения конституционных норм и перспективы ее развития в современной правовой науке.

Изложение основного материала. Основой для исследования теории применения конституционных норм являются наработки, сделанные в сфере применения правовых норм в теории права. Поэтому вполне логичным представляется начать анализ генезиса теории применения конституционных норм именно с таких наработок.

Первый этап становления научной мысли в сфере теории правоприменения имеет место в начале XX века. На этом этапе разработаны отдельные вопросы применения правовых норм в работах таких ученых как Ф. В. Тарановский, Н. М. Коркунов и Г. Ф. Шершеневич и др.

Достаточно широкое понимание процесса применения права формулирует Ф. В. Тарановский. Он рассматривает такой процесс как двустороннее сочетание интеллектуального и нравственного аспектов. В частности, Ф. В. Тарановский отмечает, что процесс осуществления права состоит, с одной стороны, из усилий ума, направленных на усвоение логического содержания нормы, а с другой – из усилий воли, которые направляют поведение в соответствии с этим содержанием. При этом первая сторона определяется интеллектуальным, или логическим процессом осуществления права, а вторая – нравственным процессом. По мнению Ф. В. Тарановского, право осуществляется в отдельных конкретных актах поведения, поэтому и логическое содержание нормы усваивается для ее осуществления в отношении конкретного случая; на этой основе можно определить логический процесс осуществления права его применением [15, с. 242].

Н. М. Коркунов связывает изучение и применение норм позитивного права, прежде всего, с критикой источников, то есть определением того, что именно является истиной нормой позитивного права [6, с. 404].

Г. Ф. Шершеневич пытался не только определить понятие применения права, но и субъектов, которые его применяют. В частности, применение права он определял, как подведение конкретных бытовых отношений под абстрактные нормы права. При этом Г. Ф. Шершеневич считал, что нормы права применяются всеми, кто хочет согласовать свои действия с директивами права. Также, по его мнению, применение права осуществляется всеми агентами государственной власти, которые выполняют задачу управления на основе действующего права, однако наиболее ярко этот процесс раскрывается в деятельности суда [11, с. 699].

Можно подытожить, что хотя на данном этапе ученые рассматривали различные аспекты процесса применения права, порядок его осуществления, пытались определить субъектов правоприменения, однако такие исследования не носили системного характера. В научных трудах этого периода внимание, прежде всего, уделялось исследованию правовых норм, а не их применению.

На втором этапе, который охватывает 50–60-е годы XX в., исследование вопроса применения норм права значительно активизируется. В частности, в этот

период редакция журнала «Советское государство и право» организовала достаточно масштабную дискуссию по этому вопросу. По итогам проведенной дискуссии применение норм права отграничивалось от других форм их воплощения в жизнь, в частности, от соблюдения, исполнения и использования правовых норм. Также были отвергнуты как ошибочные представления, основанные на отождествлении правоприменения с нормотворчеством и подход, согласно которому применение норм права связывалось исключительно с принуждением по отношению к лицам, нарушившим нормы права [4, с. 47].

В это время сформировались три подхода к определению субъектов применения норм права. Сторонники первого подхода подчеркивали, что нормы права применяются только государственными органами в пределах своей компетенции. Другие ученые считали, что применять правовые нормы могут как государственные органы, так и уполномоченные на это общественные организации. Ученые, которые поддерживали третий подход, утверждали, что нормы права применяются государственными органами, общественными организациями и гражданами. Однако следует подчеркнуть, что по итогам дискуссии доминирующим был признан именно первый подход [4, с. 47–48]. Таким образом, акцент был сделан на приоритет государства в применении правовых норм.

Таким образом, благодаря исследованиям, проведенным в этот период времени были заложены общие принципы правоприменения, отграничено применение от других форм правореализации. Наряду с этим следует подчеркнуть, что исследования этого исторического периода носят не комплексный, а фрагментарный характер. Они сосредоточены на определении самого понятия применения норм права и его субъектах. При этом недостаточно исследовались другие аспекты данной тематики, в том числе гарантии правильного применения правовых норм, особенности отдельных видов применения норм права, а также стадии правоприменения.

Активизация исследования применения конституционных норм происходит лишь к концу 60-х годов XX в. Так, появляется достаточно прогрессивная для этого времени научная статья А. Б. Венгерова «О применении конституционных норм судебными органами СССР» [2, с.43]. В этой публикации автор уделяет внимание таким вопросам как нормативность конституционных положений, конкретизация норм Конституции, а также прямого действия конституционных норм. Так, по мнению А. Б. Венгерова, нормативность конституционных предписаний заключается в том, что это реально существующая, обобщенная в наиболее высокой степени для важнейших категорий общественных отношений, наиболее целесообразная с государственной точки зрения и обеспеченная возможностью государственного принуждения система масштабов (мер) возможного или должного поведения лиц и организаций.

Нормативность и конкретизацию он рассматривает как две диалектически взаимосвязанные стороны, характеризующие правовой способ регулирования общественных отношений, правовую систему. При этом конкретизация права –

это необходимый процесс, связанный с развитием конституционных норм, который означает, что отдельные элементы конституционных норм получают свое развитие в правовых предписаниях других нормативных актов [2, с. 44].

Эта работа была одним из первых шагов на пути исследования конституционных норм как непосредственно действующих и заложила основу для дальнейшего исследования такого важного и актуального вопроса как конкретизация норм Конституции.

На третьем этапе, который охватывает 70–80 гг. XX в., появляется ряд монографических работ, посвященных вопросу применения норм права, таких авторов, как И. Я. Дюрягин, В. В. Лазарев, П. Е. Недбайло и других ученых. Применение норм права рассматривается как особая форма правореализации и вид государственно-властной, организационной деятельности компетентных субъектов.

Так, И. Я. Дюрягин рассматривал применение норм права как осуществление в специально установленных законом формах государственно-властной, организационной деятельности компетентных органов государственной власти и уполномоченных государством органов общественности о вынесении индивидуально-конкретных правовых предписаний [3, с. 19]. По мнению В. В. Лазарева правоприменение – это властно организующая деятельность компетентных субъектов, главной стороной которой является обеспечение направления движения правовых отношений, осуществляющихся посредством индивидуализации прав и обязанностей, принадлежащих другим субъектам, на основе закона и в точном соответствии с ним, а также создание дополнительных юридических гарантий для правильной реализации права в данном и следующем, причастных или сходных с ним, случаев [8, с. 89]. П. Е. Недбайло определял применение норм права как специфическую организационную деятельность по реализации правовых норм, совмещенную с установлением прав и обязанностей участников общественной жизни в конкретных правоотношениях и с влиянием на обязанных лиц в этих отношениях с целью выполнения требований правовых норм [10, с. 5].

Наряду с этим существовали и другие взгляды на правоприменение. В частности, В. М. Степанов рассматривал применение норм права только как форму организации определенного поведения, но не как форму реализации права [14, с. 12].

Следует отметить, что в исследованиях этого времени внимание уделяется не только понятию применения норм права, но и таким важным вопросам, как стадии применения норм права, акты правоприменения, а также рассматриваются гарантии верного (законного) применения норм права.

В этот период значительно увеличивается научный интерес к исследованию вопроса реализации конституционных норм. В частности, в юридической периодике появляется ряд научных публикаций по этому вопросу таких ученых как С. А. Авакьян, О. О. Миронов, В. А. Пертцик, Ф. М. Рудинский, Б. Н. Топорнин, Л. П. Шмайлова. В это же время выходит коллективная монография «Конституция УССР: Реализация ее принципов и норм», авторами которой были Н. И. Козюбра, В. В. Оксамытный, Р. К. Давыдов и др.

Следует подчеркнуть, что на данном этапе наблюдается определенное расхождение в подходах к определению понятия применения конституционных норм. Если Ф. М. Рудинский и О. О. Миронов поддерживают традиционный подход к применению как особой формы правореализации [13, с. 20], то в коллективной монографии «Конституция УССР: Реализация ее принципов и норм» авторы подчеркивают, что применение – это лишь стадия, этап реализации юридических предписаний [5, с. 26]. В указанной монографии отмечается, что применение характеризует не итог, а процесс реализации, следовательно, правильнее рассматривать его не как самостоятельный способ (форму) осуществления юридических предписаний, а как особый этап, который в свою очередь, также может быть разделен на несколько стадий [5, с. 26].

В этот период времени внимание уделяется исследованию непосредственного (прямого) действия конституционных норм. Так, В. А. Пертцик и Л. П. Шмайлова отмечают, что конституционные нормы могут применяться путем применения норм Конституции вместе с нормами отраслевого законодательства и путем самостоятельного применения конституционных норм государственными органами и общественными организациями, то есть косвенно или напрямую. При этом непосредственное действие конституционных норм понимается весьма ограничено, поскольку они могут применяться непосредственно кроме случаев, когда обязательность их применения не вытекает из текста Конституции [12, с. 9].

В юридической литературе встречается и другая точка зрения, согласно которой принципиально неверным является ограничение непосредственного действия конституционных норм положениями, которые не нуждаются в конкретизации в отраслевом законодательстве, или сводить его к случаям наличия пробелов в последнем, а также когда законодательство не приведено в соответствие с конституционными положениями [5, с. 30]. В частности, авторы коллективной монографии «Конституция УССР: Реализация ее принципов и норм» подчеркивают, что слишком узкое толкование непосредственного действия Конституции не способствует верному пониманию ее значения как регулятора важнейших общественных отношений, как Основного Закона государства [5, с. 30].

Таким образом, анализ исследований данного периода показывает, что 70–80-е годы XX в. были плодотворными с точки зрения разработки теоретико-методологических основ применения норм права, такие исследования уже являются системными и имеют комплексный характер, тогда как исследование применения конституционных норм еще только набирает обороты, и в основном оно осуществляется через призму особенностей конституционных норм. Также, следует отметить, что научные работы этого периода отличаются излишней идеологизированностью и политизированностью, что приводит к их чрезмерному формализму. Это также препятствует объективному исследованию и освещению результатов научных исследований вопросов применения конституционных норм.

Четвертый этап начинается в 90-х гг. XX в. и продолжается до настоящего времени. На этом этапе, отдельные вопросы применения конституционных норм исследовали такие ученые-конституционалисты как Б. С. Эбзеев, В. О. Лучин, Ю. Н. Тодыка и другие ученые.

В настоящее время наблюдается определенное единство в научных подходах к определению понятия применения конституционных норм. Оно рассматривается как особая форма правореализации и вид правовой деятельности по реализации конституционных норм. Так, Ю. Н. Тодыка определяет применение конституционных норм как властную организующую деятельность государственных и других органов, лиц, цель которой заключается в обеспечении адресатам этих норм реализации их прав и обязанностей, а также обеспечение контроля за этим процессом [16, с. 345]. В. О. Лучин отмечает, что применение это всегда деятельность, прямым назначением которой является реализация конституционных предписаний путем наделения определенных участников отношений субъективными правами, возложение на других соответствующих обязанностей и решения вопросов о юридической ответственности [9, с. 99].

В исследованиях этого времени исследуется и вопрос о субъектах применения конституционных норм. В частности, можно встретить две точки зрения по этому вопросу. Так, Б. С. Эбзеев и Ю. Н. Тодыка считают, что субъектами применения конституционных норм является государство, органы государственной власти и местного самоуправления, в том числе органы судебной власти, прокуратура, должностные лица в пределах своих полномочий, а также общественные объединения в лице своих органов. По их мнению, применять конституционные нормы могут трудовые коллективы и избиратели, то есть граждане, которые выступают в особом государственно-правовом качестве [17, с. 81; 16, с. 345]. Иную точку зрения высказывает О. Е. Кутафин. По его мнению, правоприменительная деятельность осуществляется только уполномоченными на это государственными органами и должностными лицами [7, с. 119]. Таким образом, прослеживается отсутствие единства мнения относительно круга субъектов применения конституционных норм, что в свою очередь указывает на необходимость научного осмысления этого вопроса.

Также, в научных работах указанного периода сделан весьма важный вывод о недопустимости противопоставления непосредственной и опосредованной форм реализации конституционных норм [9, с. 65; 16, с. 346].

На этом этапе исследователи обращаются к вопросу конкретизации конституционных норм как необходимой предпосылки их реализации. Так, Б. С. Эбзеев обращает внимание, что собственно конституционных норм не всегда хватает для реализации предписаний Основного Закона. Их осуществление предполагает трансформацию конституционных норм в других законах, поэтому конкретизация является важным условием реализации конституционных норм [17, с. 63, 64]. О. Е. Кутафин также подчеркивает, что конкретизация конституционно-правовых норм является важной гарантией их реализации [7, с. 132].

Наряду с тем, что многие актуальные вопросы применения конституционных норм рассматриваются в исследованиях этого времени, достаточно мало внимания уделяется такому важному вопросу, как стадии применения конституционных норм. В частности, этот вопрос рассматривается таким ученым, как В. О. Лучин. Он предлагает выделять следующие стадии: установление и исследование фактических обстоятельств дела; установление юридической основы дела; принятия решения и его документальное оформление [9, с. 103].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие **выводы**:

- становление теории применения конституционных норм прошло следующие этапы: первый этап (нач. XX в.) – научные исследования данного времени не носят системного характера и преимущественно посвящены анализу правовых норм, а не их применению; второй этап (50–60-е годы XX в.) – исследование вопроса применения норм права значительно активизируется, в том числе появляются первые наработки, посвященные применению собственно конституционных норм; третий этап (70–80 гг. XX в.) является плодотворным с точки зрения разработки теоретико-методологических основ применения норм права, исследования данного этапа являются системными и имеют комплексный характер, тогда как исследование применения конституционных норм еще только набирает обороты и в основном осуществляется через призму особенностей конституционных норм; четвертый этап (90-е гг. XX в. и до настоящего времени) характеризуется появлением комплексных научных исследований, посвященных вопросам применения конституционных норм;

- вместе с тем, ряд вопросов по данной тематике рассматривались лишь эпизодически. В частности, требуют научного осмысления с позиций сегодняшнего дня такие вопросы, как усмотрение при применении конституционных норм, конкретизация конституционных положений, стадии применения норм Конституции. Также комплексной характеристики требуют и понятие применения конституционных норм, его функции, акты применения конституционных норм.

Список литературы

1. Авакьян С. А. Реализация норм советского государственного права / Советское государство и право. – 1984. – № 1. – С. 15–22.
2. Венгеров А. Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР / Советское государство и право. – 1969. – № 10. – С. 42–51.
3. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. – Свердловск: СЮИ, 1973. – 268 с.
4. К итогам дискуссии о применении норм советского права: [ред. ст.] // Советское государство и право. – 1955. – №3. – С. 44–53.
5. Конституция УССР: реализация ее принципов и норм / Н. И. Козюбра, В. В. Оксамытный, Р. К. Давыдов и др.; отв. ред. А. П. Таранов; АН УССР, Ин-т государства и права. – К.: Наук. думка, 1988. – 328 с.
6. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – 2-е изд. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 430 с.

7. Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. – М.: Юрист, 2001. – 444 с.
8. Лазарев В. В. Применение советского права. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
9. Лучин В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации = Constitution of the Russian Federation. Problems of realization. – М.: Юнити, 2002. – 687 с.
10. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм. – М.: Госюриздат, 1960. – 510 с.
11. Общая теория права: Часть теоретическая. Философия права. Т. 1: / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Бр. Башмаковы, 1910. – 839 с.
12. Пертцик В. А., Шмайлова Л. П. Реализация конституционных норм // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 3–10.
13. Рудинский Ф. М., Миронов О. О. Социально-правовые проблемы реализации Советской Конституции / Правоведение. – 1983. – № 5. – С. 17–24.
14. Степанов В. М. О социалистической законности / Правоведение. – 1977. – № 3. – С. 7–14.
15. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. – 3-е изд. – СПб.: Лань, 2001. – 560 с.
16. Тодика Ю. М. Конституція України: проблеми теорії і практики: монографія. – Х.: Факт, 2000. – 608 с.
17. Эбзеев Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный суд. – М.: Закон и право, 1996. – 349 с.

The article analyzes the stages of the application of the theory of constitutional provisions, as well as promising directions of its development of modern legal science.

Keywords: *Constitution, implementation of the law, the application of the constitutional norms.*

УДК 34.06

Новиков И. А.
Филоненко О. Н.
Шамов А. С.

Министерство юстиции Донецкой
Народной Республики, г. Донецк
e-mail: gs2_reestrnpa@minjust-dnr.ru
e-mail: dp_rnpa@minjust-dnr.ru
e-mail: minjust@minjust-dnr.ru

**ЗНАЧЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
СИСТЕМЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ В ПРОЦЕССЕ
ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ
РЕСПУБЛИКИ КАК ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПРАВОВОГО
СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Получена 22 сентября 2016; принята 26 сентября 2016.

Novikov I.
Filonenko O.
Shamov A.

The Ministry of Justice of the People's
Republic of Donetsk, Donetsk
e-mail: gs2_reestrnpa@minjust-dnr.ru
e-mail: dp_rnpa@minjust-dnr.ru
e-mail: minjust@minjust-dnr.ru

**SIGNIFICANCE OF STATE INFORMATION SYSTEM OF
NORMATIVE LEGAL ACTS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT
OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AS A DEMOCRATIC, LEGAL
SOCIAL STATE**

Received 22 september 2016; accepted 26 september 2016.

В статье предпринята попытка анализа информатизации правоприменительной деятельности на примере внедрения Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и оценки значения данной системы для формирования и развития Донецкой Народной Республики как демократического правового социального государства.

Ключевые слова: информатизация, право, система, нормативный правовой акт, систематизация, портал, телекоммуникация.

На сегодняшний день информационные технологии прочно интегрировались во все сферы человеческой деятельности, коренным образом преобразовав их, сделав их более гибкими и открытыми, но в тоже время и более требовательными к уровню квалификации специалистов различных отраслей, а также уровню технической грамотности конечного пользователя.

Исключением не стали и такие сферы человеческой деятельности, как государственное управление и юриспруденция.

Различные государственные реестры, программы учета, информационные порталы и веб-сайты стали неотъемлемой частью механизма государственного администрирования. Именно повсеместная информатизация государственного управления, сопровождающаяся внедрением актуальных информационных технологий, позволила не только повысить эффективность государственного управления и его бюрократического аппарата, но и сократить риски, обусловленные человеческим фактором, а также нивелировать коррупционные явления по ряду направлений деятельности.

Неотъемлемой частью данного процесса является информатизация правовой деятельности, включающей в себя как процессы государственного управления, так и процессы научной деятельности в области права. Активизация информатизации правовой деятельности, внедрение информационных технологий в юриспруденцию обуславливает **актуальность темы настоящего исследования.**

Информатизация представляет собой социотехнологический процесс и закономерность общественного развития, которое, в свою очередь, складывается из системы закономерностей движения информации, распространения новых информационных технологий и взаимодействующей с ними социальной среды [7].

Информатизацию общества в настоящее время рассматривают в качестве одного из важных процессов, характерных для мирового сообщества и для нашей страны. Однако информатизация – это не только социотехнический или даже социотехнологический процесс, или явление, но и устойчивая тенденция социального развития, необходимость которого доказана практикой и теорией. Значит, информатизация – не только процесс, но и закономерность социального развития [7].

Научные исследования в сфере информатизации общества проводятся как отечественными, так и зарубежными учеными. Среди отечественных ученых можно выделить А. Д. Урсула и А. И. Ракитова. Результатом научных изысканий в области информатизации общества и, в частности правовой информатизации, стал Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России», определивший основные направления для интеграции информационных технологий в сферу юриспруденции, а также дальнейшие пути совместного развития информационных технологий и юридической науки [6].

Под правовой информатизацией России понимается процесс создания оптимальных условий для максимально полного удовлетворения информационно-правовых потребностей государственных и общественных структур, предприятий, организаций, учреждений и граждан на основе эффективной организации и использования информационных ресурсов с применением прогрессивных технологий [6]. Такое же понимание правовой информатизации применимо и к Донецкой Народной Республике.

Главными целями правовой информатизации являются:

- 1) информационно-правовое обеспечение внутренней деятельности государства;
- 2) информационно-правовое обеспечение внешних по отношению к государственным органам субъектов, в том числе физических лиц;
- 3) сохранение и структурирование информационно-правового поля [6].

Правовая информатизация осуществляется одновременно по следующим направлениям: информатизация правотворческой деятельности; информатизация правореализационной деятельности; правовое обеспечение процессов информатизации [6].

Целью настоящей статьи является изучение функциональных возможностей Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и оценка ее значения в процессе формирования и развития Донецкой Народной Республики как демократического правового социального государства.

Частью 1 статьи 1 Конституции Донецкая Народная Республика определяется как демократическое правовое социальное государство, что, по сути, означает власть народа, обеспечение верховенства права и гарантию реализации высоких социальных стандартов. При этом следует понимать, что власть не может реализовываться без правовых оснований, равно как и социальные стандарты, требующие законодательного закрепления и обеспечения контроля их реализации. Таким образом, существование государства без правовой системы, формально определенных правил поведения и контроля их исполнения представляется маловероятным [2].

Само понятие правовой системы предполагает некоторую упорядоченность, структурирование правовых норм и их объединение в единое целое. Именно задачу упорядочивания и объединения правовых норм позволяют эффективно решить информационные технологии.

Становление государства – это сложный и многогранный процесс, требующий решения множества вопросов, урегулирования различных сфер деятельности, в том числе непосредственного формирования правовой системы и аппарата государственного управления. Довольно часто на этапе становления возникают такие проблемы, как отсутствие правового регулирования каких-либо общественных отношений либо напротив издание множества нормативных правовых актов, регулирующих одни и те же общественные отношения, дублирующих друг друга либо противоречащих друг другу.

Как правило, эти проблемы обусловлены не только низким уровнем организации управленческой деятельности на этапе становления, низким уровнем квалификации управленцев и исполнителей, но и отсутствием единой правовой базы, позволяющей получить информацию о действующих нормативных правовых актах, регулирующих те или иные общественные отношения.

Статьей 62 Закона Донецкой Народной Республики «О нормативных правовых актах» закреплено ведение Государственной информационной

системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики. Данная статья на законодательном уровне закрепляет единый официальный источник правовой информации, содержащий эталонные тексты нормативных правовых актов и позволяющий поддерживать их в актуальном состоянии. Таким образом, данная норма позволила инициировать процесс, направленный на значительное снижение степени энтропии в правовой системе Донецкой Народной Республики [1].

Однако без практической реализации данная норма мертва. Поэтому следующим шагом стало принятие Советом Министров Донецкой Народной Республики Постановления от 12.02.2016 № 1–17 «Об утверждении Порядка ведения Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и осуществления систематизации нормативных правовых актов, содержащихся в ней» одновременно с началом разработки самой Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики [4].

Разработка Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики, а также последующее ее ведение осуществляются Министерством юстиции Донецкой Народной Республики. В апреле 2016 года Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики запущена в режиме публичного тестирования. Объединение современных информационных технологий и юридических наук позволило создать по-настоящему незаменимый многофункциональный инструмент, позволяющий оптимизировать процесс государственного строительства и повысить эффективного государственного управления, систематизировать нормативные правовые акты, устранить юридические коллизии и пробелы в праве, а также обеспечить доступ к правовой информации любому желающему.

Государственная информационная система нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики (далее – ГИС НПА ДНР) – это автоматизированная информационно-правовая система, предназначенная для хранения, поиска, обработки, систематизации и выдачи информации о нормативных правовых актах Донецкой Народной Республики, внесенных в соответствующий реестр республиканским органом исполнительной власти, реализующим государственную политику в сфере юстиции.

ГИС НПА ДНР является достойным образцом информационно-правовой системы и ни в чем не уступает существующим в странах СНГ аналогам.

Структура ГИС НПА ДНР представляет собой совокупность следующих элементов: электронный фонд, документальный фонд, портал ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>) [3].

Главным элементом ГИС НПА ДНР является именно портал ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>). На данном портале аккумулируются электронные копии нормативных правовых актов, а также сведения о нормативных правовых актах (кроме сведений, отнесенных к государственной или иной охраняемой законом тайне),

среди которых пользователь портала самостоятельно осуществляет поиск и отбор необходимой информации.

Электронные копии нормативных правовых актов доступны на портале ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>) в контрольном состоянии с учетом всех редакций нормативного правового акта.

Все электронные копии нормативных правовых актов предоставляются непосредственно органами государственной власти, издавшими такие акты. Данный подход минимизирует риски использования информации, не соответствующей действительности, а также сокращает влияние человеческого фактора на конечный результат.

На сегодняшний день ГИС НПА ДНР продолжает комплексно развиваться, расширяя функциональные возможности системы, а также увеличивая базу данных нормативных правовых актов.

При работе с порталом ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>) пользователю доступен ряд функций.

1. Поиск. Система поиска включает в себя как простой поиск, так и расширенный. Простой поиск осуществляется на основании ключевого слова либо номера. Расширенный поиск реализован с помощью модульного построения запроса, т.е. поисковая система содержит ряд параметров (модулей) выбираемых пользователем, на основании содержания которых будет осуществляться поиск. Такой подход позволяет пользователю создавать комбинированные запросы, содержащие только те параметры, которые известны, либо поиск по которым необходим пользователю.

2. Панель навигации. Данная панель позволяет пользователю осуществлять переход между различными разделами портала, а также перемещаться между реестрами нормативных правовых актов.

3. Работа с нормативным правовым актом. При наличии нормативного правового акта в базе данных ГИС НПА ДНР пользователю доступен полный текст нормативного правового акта (все редакции), приложения к нормативному правовому акту (при наличии), а также информация о нормативном правовом акте. Работа с нормативным правовым актом осуществляется с помощью специальной панели, содержащей такие вкладки:

- карточка документа – учетная карточка нормативного правового акта, содержащая краткую информацию о нем;
- текст документа – содержит полный текст основного и производного нормативных правовых актов;
- приложения – содержит приложения к нормативному правовому акту в формате электронных текстовых документов доступных для скачивания;
- связи – позволяет просмотреть перечень нормативных правовых актов, связанных с активным нормативным правовым актом, т.е. перечень нормативных правовых актов, вносящих изменения, отменяющих или приостанавливающих действие активного нормативного правового акта, либо

нормативных правовых актов, в которые вносятся изменения активным нормативным правовым актом, или действие которых отменяется (приостанавливается) активным нормативным правовым актом. Также предусмотрена возможность перехода к таким нормативным правовым актам;

- редакции – позволяет пользователю переключаться между различными редакциями нормативного правового акта.

При работе с нормативным правовым актом над специальной панелью отображается информация о действии нормативного правового акта, вступлении его в силу, а также просматриваемой и актуальной редакциях.

Немаловажным является тот факт, что на портале реализована функция обратной связи, позволяющая пользователям отправлять свои отзывы о работе портала и оперативно информировать о выявленных ошибках либо несоответствиях в информации, размещенной на портале.

Все тексты нормативных правовых актов, включенных в ГИС НПА ДНР, систематизируются и поддерживаются в актуальном состоянии.

Отличительной особенностью ГИС НПА ДНР является бесплатный доступ к правовой информации и текстам нормативных правовых актов, размещенным на портале ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>).

Однако помимо портала важное значение для функционирования ГИС НПА ДНР имеют документальный и электронный фонды.

Документальный фонд содержит нормативные правовые акты Донецкой Народной Республики и специальную юридическую литературу на бумажных носителях, которые хранятся и используются в Министерстве юстиции Донецкой Народной Республики и его территориальных структурных подразделениях.

Документальный фонд состоит из фонда нормативных правовых актов и библиотечного фонда.

Фонд нормативных правовых актов включает в себя копии нормативных правовых актов на бумажных носителях, затрагивающих права и свободы человека и гражданина, действующих на территории Донецкой Народной Республики.

Библиотечный фонд представляет собой упорядоченные собрания книг, периодических изданий, публикаций, статей, бюллетеней и других документов в области юриспруденции, которые комплектуются органами юстиции.

В свою очередь, электронный фонд включает электронные копии нормативных правовых актов, входящих в состав фонда нормативных правовых актов.

Следует также отметить значимость интеграции данных Государственного реестра нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики в Государственную информационную систему нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики.

Государственный реестр нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики является структурным элементом Государственной

информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и ведется в целях:

- осуществления государственного учета нормативных правовых актов, подлежащих государственной регистрации в соответствии с законодательством Донецкой Народной Республики;
- обеспечения контроля за соответствием нормативных правовых актов правотворческих органов Конституции и законам Донецкой Народной Республики;
- обеспечения конституционного права граждан на получение достоверной информации;
- создания условий для получения информации о нормативных правовых актах, прошедших государственную регистрацию в органах юстиции, органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами, предприятиями, учреждениями и организациями, гражданами Донецкой Народной Республики;
- обеспечения соблюдения единых принципов идентификации нормативных правовых актов правотворческих органов (далее – нормативные правовые акты), прошедших государственную регистрацию в органах юстиции;
- создания единого эталонного фонда нормативных правовых актов.

По сути, Государственный реестр нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики является подсистемой Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики, позволяющей осуществлять специфический учет отдельной категории нормативных правовых актов.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать **вывод** о том, что функционирование ГИС НПА ДНР позволяет одновременно решать ряд важнейших задач:

1. Наличие единого официального источника нормативных правовых актов, содержащего релевантную информацию в унифицированном виде.
2. Обеспечение свободного общего доступа к актуальной нормативной правовой базе Донецкой Народной Республики.
3. Систематизация нормативной правовой базы Донецкой Народной Республики.
4. Устранение дублирования норм права, юридических коллизий.
5. Обеспечение оперативного выявления пробелов в праве.
6. Упрощение и ускорение процесса разработки нормативных правовых актов благодаря наличию доступа к единой нормативной правовой базе Донецкой Народной Республики.
7. Совершенствование механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина на территории Донецкой Народной Республики.
8. Повышение правовой культуры граждан, формирование гражданского общества.

Учитывая вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что Государственная информационная система нормативных правовых актов

Донецкой Народной Республики является элементом государственной системы правовой информации, созданной в рамках реализации государственной политики в области правовой информатизации Донецкой Народной Республики, и ведется с целью обеспечения централизованного сбора, формирования, обработки, хранения и предоставления информации о нормативных правовых актах Донецкой Народной Республики, а также обеспечения доступа к текстам нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики на бумажных и электронных носителях.

Развитие и внедрение информационно-правовой системы такого уровня свидетельствует о том, что Донецкая Народная Республика действительно состоялась как демократическое правовое социальное государство, в котором высшей ценностью провозглашен человек, его права и свободы.

Список литературы

1. Закон Донецкой Народной Республики от 07.08.2015 № 72-ІНС «О нормативных правовых актах» (ред. от 14.07.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatie/zakony/zakon-donetskoj-narodnoj-respubliki-o-normativnyh-pravovyh-aktah/>. – (Дата обращения 20.09.2016).
2. Конституция Донецкой Народной Республики» (ред. от 09.12.2015) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/konstitutsiya/>. – (Дата обращения 20.09.2016).
3. Портал ГИС НПА ДНР в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (<http://gisnpa-dnr.ru>).
4. Постановление Совета Министров Донецкой Народной Республики от 12.02.2016 № 1–17 «Об утверждении Порядка ведения Государственной информационной системы нормативных правовых актов Донецкой Народной Республики и осуществления систематизации нормативных правовых актов, содержащихся в ней» (ред. от 17.03.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-1-17-20160212/>. – (Дата обращения 20.09.2016).
5. Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. – М.: Политиздат, 1991. – 287 с.
6. Указ Президента Российской Федерации от 28.06.1993 № 966 «О Концепции правовой информатизации России» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://base.garant.ru/179311/>. – (Дата обращения 20.09.2016).
7. Урсул А. Д. Информатизация общества и переход к устойчивому развитию цивилизации // Вестник РОИВТ, 1993, № 1–3, – С. 35–45.

The article attempts to analyze information of law enforcement on the example of the implementation of the State normative legal acts of the Donetsk People's Republic of the information system and assessing the value of this system for the

formation and development of the Donetsk People's Republic as a democratic social state law.

Keywords: informatization, law, system, regulation, classification, portal, telecommunications.

УДК 343.2

Окорокова А. И.

Макеевская межрайонная прокуратура
Донецкой Народной Республики,
г. Макеевка. e-mail: okorokova91@list.ru

ПРОБЛЕМЫ РЕЦИДИВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Получена 15 сентября 2016; принята 19 сентября 2016.

Okorokova A.

District prosecutor's office of Donetsk
People's Republic of Makeyevka
e-mail: okorokova91@list.ru

RECURRENCE OF THE PROBLEM OF CRIME IN CRIMINAL LAW DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Received 15 september 2016; accepted 19 september 2016.

В статье рассматривается понятие рецидива преступлений, особенности определения его видов. Выявлены недостатки в статьях УК Донецкой Народной Республики, регулирующие определение наличия рецидива и назначение наказания при нем.

Ключевые слова: рецидив преступлений, опасный рецидив преступлений, особо опасный рецидив преступлений, судимость, строгое наказание.

Актуальность темы исследования. В настоящее время преступность представляет собой угрозу безопасности Донецкой Народной Республики и является одной из острейших проблем молодого государства. Рост преступности вызывает негодование среди населения. Однако еще более отрицательную реакцию вызывают факты совершения лицами нескольких преступлений. Множественность преступлений повышает социальную опасность как совершенных преступлений, так и лиц, их совершивших.

Особо опасным видом множественности преступлений является рецидив. При этом рецидивная преступность составляет ядро всей преступности. Рецидив преступлений свидетельствует о несовершенстве законодательства, работы судебной и правоохранительной систем, которые не способны

эффективно воздействовать на рецидивистов. Это подтверждает также слабость наказания, которое не способствует исправлению преступника, и процесс его исполнения, который далек от совершенства. Кроме того, в Уголовном Кодексе прослеживается лояльность уголовной политики по отношению к рецидивистам. В частности, это проявляется в порядке погашения судимостей и назначении наказания. Также в статьях 17 и 67 УК Донецкой Народной Республики имеются существенные пробелы, которые затрудняют работу правоприменителей. Поэтому данная тема представляет теоретическое и практическое значение [5]

Анализ научных исследований. Исследование рецидивной преступности и понятия «рецидив преступлений» занимает существенное место в науке уголовного права и криминологии. Данной проблеме посвятили свои работы А. И. Алексеев, Н. Б. Алиев, Ю. И. Бытко, А. В. Бриллиантов, Н. И. Волошин, С. А. Дунаев, М. П. Журавлев, А. Ф. Зелинский, М. И. Ковалев, Г. Г. Криволапов, В. П. Малков, Э. Я. Немировский, Ю. В. Солопанов, Н. С. Таганцев, В. Я. Таций, В. В. Сташис, Ю. И. Шутов, А. М. Яковлев и другие. Между тем не все аспекты, признаки и виды рецидива изучены достаточно детально.

Непосредственно вопросам рецидива преступлений посвящены диссертации С. А. Дунаева «Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивных преступлений, связанных с насилием против личности», Н. С. Артемьева «Профилактика рецидивной преступности: вопросы теории и практики», которые отражают в основном криминологические аспекты. В свою очередь, кандидатские диссертации Л. С. Тосаковой, М. В. Феоктистова, В. Ф. Шевченко посвящены назначению наказания лицам, в действиях которых обнаруживается рецидив преступлений, и ответственности особо опасных рецидивистов.

Однако в данный момент остаются нерассмотренными проблемы рецидива преступлений, вытекающие из новой ситуации в силу молодости Донецкой Народной Республики и введенного в действие уголовного законодательства.

Цель статьи. Целью статьи является выявление, научное исследование и анализ проблем, связанных с понятием рецидива преступлений, его видов и уголовной ответственностью лиц, в действиях которых обнаруживается рецидив преступлений.

Изложение основного материала. Согласно ч. 1 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики рецидивом преступлений признается совершение умышленного преступления лицом, имеющим судимость за ранее совершенное умышленное преступление.

Легальное определение рецидива позволяет выделить признаки его определения: повторность; преступления, совершенные лицом до и после осуждения являются умышленными; наличие непогашенной и неснятой судимости.

Указание на умышленную форму вины двух (или более) преступлений конкретизирует понятие рецидива и исключает возможность признания лица рецидивистом в случае совершения им неосторожного преступления или наличия судимости за неосторожное преступление.

В Постановлении № 1 Пленума Верховного Суда Донецкой Народной Республики от 04 сентября 2015 года «О практике назначения судами уголовного наказания» разъяснено, что неперенным требованием для признания в действиях лица рецидива преступлений является наличие не просто осуждения в прошлом за указанные в ст. 15 УК ДНР преступления, но и наличие не снятой и не погашенной по закону судимости за эти преступления. Ведь, согласно ст. 87 УК ДНР лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости. Последние аннулируют все уголовно-правовые последствия, связанные с судимостью.

Рецидив не является необходимым для основного состава преступления, не входит в совокупность основных признаков, описываемых диспозицией и определяющих природу и сущность определенного преступного деяния. Он лишь относится к обстоятельствам, обозначающим необходимость отягчения санкции. При установлении рецидива стадии преступлений (оконченное или неоконченное) и виды соучастия (исполнитель, организатор, пособник, подстрекатель) значения не имеют [1, с. 47].

Рецидив преступлений – это динамичное явление, что вызывает необходимость его систематического изучения с целью внесения соответствующих корректив в законодательство и систему мер его предупреждения [4, с. 3].

Законодатель вводит три вида рецидива: простой, опасный и особо опасный. Понятие простого рецидива раскрыто в ч. 1 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики. Однако термин «простой» законодателем не используется, он применен в науке уголовного права для удобства.

Опасный рецидив (ч. 2 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики) имеет две разновидности. Рецидив считается опасным, если:

- 1) лицо совершает тяжкое преступление, за которое осуждается к реальному лишению свободы, будучи ранее дважды или более осужденным за умышленное преступление средней тяжести. Вновь совершенное преступление должно быть третьим по счету;

- 2) лицо совершает тяжкое преступление, будучи ранее осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление к реальному лишению свободы. Вновь совершенное преступление является вторым по счету [6].

Особо опасный рецидив (ч. 3 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики) бывает двух видов. Особо опасным рецидивом будет, если:

- 1) лицо совершает тяжкое преступление, за которое осуждается к реальному лишению свободы, будучи ранее дважды осужденным к реальному лишению свободы за тяжкое преступление. Вновь совершенное преступление должно быть третьим по счету;

2) лицо совершает особо тяжкое преступление, будучи ранее дважды осужденным за тяжкое преступление либо осужденным за особо тяжкое преступление. Вновь совершенное преступление является третьим или вторым по счету [6].

Формально, если какая-либо комбинация не подпадает под признаки опасного или особо опасного рецидива, рецидив должен признаваться простым.

Установленные законодателем конструкции не исчерпывают все возможные случаи группировки указанных признаков. И судебная практика выявила существенные пробелы. В частности, формально, в соответствии со ст. 17 УК ДНР, случаи, когда лицо совершило тяжкое преступление, если ранее оно было осуждено за тяжкое и особо тяжкое преступления к реальному лишению свободы (имеет две судимости), должны быть квалифицированы судом в соответствии с правилами, установленными для опасного рецидива.

Однако юристы-практики, руководствуясь принципами справедливости и равенства всех перед законом, настаивают на том, что в данной ситуации действия лица образуют особо опасный рецидив, что противоречит буквальному толкованию п. «а» ч. 3 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики. Что является очевидным пробелом уголовного законодательства.

Интересной является и другая практическая ситуация следующего содержания: осужденный имеет судимость за совершение умышленного преступления, относящегося к категории тяжких. За данное преступление наказание осужденному было назначено в виде лишения свободы, но условно с испытательным сроком. В период испытательного срока лицо совершает новое умышленное тяжкое преступление, за которое судом должно быть назначено наказание в виде реального лишения свободы. Перед судом встает вопрос о наличии или отсутствии в действиях лица рецидива преступлений.

В указанной ситуации многие правоприменители попадают в ловушку и определяют лицу рецидив в соответствии с требованиями ст. 17 УК ДНР. Однако в ч. 4 ст. 17 УК ДНР указано, что при признании рецидива преступлений не учитываются судимости за преступления, осуждение за которые признавалось условным, если условное осуждение не отменялось и лицо не направлялось для отбывания наказания в места лишения свободы. Ведь условное осуждение в данной ситуации в соответствии с ч. 6 ст. 74 УК ДНР суд отменяет, только постановив приговор. То есть, на момент постановления приговора условное осуждение по предыдущему приговору не отменено, а соответственно в действиях лица категорически отсутствует рецидив преступлений.

Кроме того, исходя из системного толкования ч. 2 и ч. 3 ст. 17 УК ДНР законодатель делает различие между осуждением к «лишению свободы» и осуждением к «реальному лишению свободы». Также различно понимание терминов «лицо, ранее не отбывавшее лишения свободы», и «лицо, осужденное к реальному лишению свободы». Напрашивается вывод, что особо опасный рецидив имеет место только в случае, когда за каждое из ранее совершенных

преступлений лицо было осуждено именно к реальному лишению свободы независимо от отмены условного осуждения другим приговором.

В то же время указанная судимость должна быть учтена при определении иных видов рецидива (простого, опасного) в тех случаях, когда УК ДНР не определяет зависимость установления вида рецидива от признака «реальное лишение свободы» [2, с. 134–138]. Указанная позиция отражена в судебной практике Российской Федерации.

В ч. 4 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики установлен закрытый перечень судимостей, которые не учитываются при определении рецидива преступлений. Так, учету не подлежат судимости за преступления небольшой тяжести. В то же время, если лицо имеет судимость за совершение умышленного преступления иной категории и вновь совершает умышленное преступление даже небольшой тяжести, его действия образуют рецидив преступлений.

Учету не подлежат также судимости за преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет. Это требование закона является абсолютным вне зависимости от числа судимостей и категории преступлений. При этом момент возникновения судимости должен быть соотнесен с моментом совершения преступления. Поэтому не подлежит учету для определения рецидива судимость, возникшая после достижения лицом восемнадцатилетнего возраста, если лицо осуждено за преступление, совершенное до достижения возраста совершеннолетия.

При совершении длящихся и продолжаемых преступлений для определения рецидива будут иметь значение судимости в тех случаях, когда момент окончания преступления наступил после достижения совершеннолетия, независимо от того, что начато преступление было в несовершеннолетнем возрасте [1, с. 51].

Наличие в уголовном законодательстве рецидива преступлений совсем не означает возможность двойного учета одних и тех же обстоятельств одновременно как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания, поскольку иное противоречило бы и конституционному принципу равенства всех перед законом и судом.

В соответствии с ч. 5 ст. 17 УК Донецкой Народной Республики рецидив преступлений должен влечь более строгое наказание. Пленум Верховного Суда Донецкой Народной Республики в Постановлении указывает об особом порядке назначения лицу, в действиях которого признан рецидив, более строгого наказания в пределах санкции соответствующей статьи УК ДНР. Положение о строгости наказания при рецидиве реализуется в ст. 67 УК Донецкой Народной Республики, которой установлены правила назначения наказания при рецидиве преступлений [1, с. 52].

Однако рецидив преступлений влечет за собой также и иные негативные последствия, предусмотренные уголовным и уголовно-исполнительным законодательством. Например, ст. 57 УК Донецкой Народной Республики регулирует назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного

учреждения, определение которого напрямую зависит от отсутствия или наличия в действиях лица рецидива преступлений (один из критериев).

Решая вопрос о назначении наказания лицам, ранее привлекавшимся к уголовной ответственности и вновь совершившим преступление, суды должны руководствоваться принципом индивидуализации наказания, учитывая, что необоснованное применение мягких мер наказания к рецидивистам, упорно не желающим стать на путь исправления, не способствует достижению цели их перевоспитания [4, с. 13].

Статья 67 УК Донецкой Народной Республики предписывает, что назначая наказание при любом виде рецидива преступлений, учитываются характер и степень общественной опасности ранее совершенных преступлений, обстоятельства, в силу которых исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным, а также характер и степень общественной опасности вновь совершенных преступлений.

Следует подчеркнуть, что если указание ч. 1 ст. 67 УК об учете характера и степени общественной опасности ранее совершенных преступлений действительно обоснованно и поддерживается учеными, так как отражает специфику определения опасности рецидива преступлений и соответствует реальным возможностям суда, то в отношении двух других критериев существует научная дискуссия. Н. Н. Коротких считает, что «требование учета характера и степени общественной опасности вновь совершенных преступлений является излишним, поскольку фактически повторяет такое же требование общих начал назначения наказания». Ю. И. Бытко небезосновательно считает, что «в судебном заседании практически невозможно на уровне достоверности установить, в силу каких именно обстоятельств исправительное воздействие предыдущего наказания оказалось недостаточным» [4, с. 21].

В ч. 2 ст. 67 УК Донецкой Народной Республики указано, что срок наказания при любом виде рецидива преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса.

При этом Пленумом Верховного Суда Донецкой Народной Республики отмечено, что если одна третья часть составляет меньше минимального размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за конкретное преступление, то наказание должно быть назначено не ниже минимального размера этого вида наказания, предусмотренного Общей частью УК ДНР.

При применении ч. 2 ст. 67 УК ДНР судебная практика столкнулась с проблемой. Суть ее в следующем. При наличии в деле сразу нескольких обстоятельств, одни из которых являются смягчающими, а другие – отягчающими, возникает вопрос о способе применения правила ст. 61 УК ДНР (назначение наказания при смягчающих обстоятельствах). Некоторые ученые исходят из посылки, что в данном случае имеет место конкуренция норм. Конкуренция имеет место при наличии двух и более норм, претендующих на

регулирование какого-либо общественного отношения (в том числе и при назначении наказания) одновременно. В анализируемых ситуациях этого нет. Правило о назначении наказания по ст. 61 УК ДНР может применяться при отсутствии отягчающих обстоятельств, предусмотренных ст. 62 УК ДНР. Поэтому при рецидиве преступлений и еще одного отягчающего обстоятельства норма о наказании при смягчающих обстоятельствах в силу прямого указания закона не может применяться. Поскольку установлен рецидив, наказание следует назначать с соблюдением правил ч. 2 ст. 67 УК ДНР [4, с. 19].

Кроме того, некоторые ученые считают, что «назначение наказания за вновь совершенное преступление не имеет столь существенного значения при определении вида рецидива. Доминировать в данном случае должно прежнее наказание в виде лишения свободы, которое как раз и свидетельствует о повышенной общественной опасности личности виновного, и о том, что самое суровое наказание не оказало на него исправительного воздействия». Тем более, вопрос о виде наличия или отсутствия рецидива обсуждается в судебном заседании не после назначения наказания за вновь совершенное преступление, а до вынесения приговора [4, с. 22].

Тем не менее, на практике не редки случаи назначения за тождественные преступные деяния одинакового наказания рецидивисту и лицу, впервые совершившему преступление.

Наказание при рецидиве назначается, на первый взгляд, в установленных законодательных пределах, однако при сравнении с назначенными наказаниями за аналогичные преступления ранее не судимыми лицами, в корне не соответствует требованиям основополагающих принципов уголовного законодательства.

Во-первых, статья ст. 17 УК Донецкой Народной Республики содержит множество недочетов касательно определения признаков рецидива, которые влекут сложности правоприменения, назначение несправедливого и необоснованного наказания.

Во-вторых, правила, установленные ст. 67 УК Донецкой Народной Республики, не устанавливают, по сути, ужесточение наказания для лица, действия которого обнаруживают рецидив, в силу не учета соотношения с санкциями статей Особенной части. Например, при совершении умышленного убийства возможно судом назначить основное наказание от шести лет лишения свободы как при наличии в действиях лица рецидива преступлений, так и при совершении указанного преступления впервые, что не отвечает принципу справедливости наказания.

В-третьих, повышение опасности вида рецидива никак не сказывается на ответственности, так как наказание назначается в единых пределах [3, с. 15].

Выводы. Таким образом, в статьях 17 и 67 УК Донецкой Народной Республики имеются существенные пробелы, которые затрудняют работу правоприменителей. Указанные недочеты обусловлены несовершенством законодательного подхода в сфере установления пределов наказания за совершение преступлений при рецидиве и определения его видов. Кроме того,

в ряде случаев назначение наказания при рецидиве преступлений не соответствует принципу справедливости, что не способствует предотвращению совершения ранее судимыми лицами новых преступлений. Из-за чего криминогенная ситуация усугубляется, и возникает угроза безопасности общества. Недостатки могут быть устранены путем дачи разъяснений в соответствующем Пленуме Верховного Суда Донецкой Народной Республики.

Список литературы

1. Бриллиантов А. В., Долженкова Г. Д., Жевлаков Э. Н. Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (постатейный), 2-е издание. Том 1 / под. ред. А. В. Бриллиантова – Москва: Проспект, 2015. – 792 с.
2. Вельтмандер А. Т. Определение вида рецидива преступлений: проблемы и их решение // Социально-экономические и правовые проблемы современной России: материалы XV ежегодной студенческой конференции. – Томск, 2015. – С. 134–138.
3. Дядюн К. В. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве // Universum: Экономика и юриспруденция: электрон. научн. журн. 2014, № 4 (5). – С. 14–16.
4. Коротких Н. Н. Рецидив как вид множественности преступлений в российском уголовном праве / Н. Н. Коротких: дисс. к.ю.н. – Владивосток, 2001. – 115 с.
5. Телефанко Б.Н. Потенциал уголовного наказания и его воздействие на рецидив преступлений / Уголовная юстиция. –Томск: ООО «Издательство научно-технической литературы» - № 2(6). –С. 11-15.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации. Последняя действующая редакция с комментариями [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://stykrf.ru>

The article discusses the concept of recidivism, particularly to determine its species. Identified weaknesses in the articles of the Criminal Code of the Donetsk People's Republic of governing detect recurrence and sentencing with him .

Keywords: *recidivism, dangerous recidivism, especially dangerous recidivism, conviction, severe penalty.*

УДК 341.018

Парфиненко О. Б.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: olga_parfinenko@mail.ru

**РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТОВ САНКЦИЙ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ ИХ
ПРИМЕНЕНИЯ В МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ В
СИСТЕМЕ ООН**

Получена 23 сентября 2016; принята 30 сентября 2016.

Parfinenko O.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: olga_parfinenko@mail.ru

**THE EVOLUTION OF THE INSTITUTIONS OF SANCTIONS AND THEIR
EFFICIENCY IN INTERGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS IN THE UN
SYSTEM**

Received 23 september 2016; accepted 30 september 2016.

В статье анализируются развитие института международных санкций, понятие и особенности применения санкций межправительственными организациями системы ООН.

Ключевые слова: санкции, международные санкции, санкции межправительственных организаций системы ООН.

Актуальность темы исследования. В статье анализируются развитие института международных санкций, понятие и особенности применения санкций межправительственными организациями системы ООН. В условиях усилившегося давления международной общественности на Российскую Федерацию, остро стоит вопрос о правомерности и объеме применяемых санкций, влияния санкций на развитие института международного права.

Анализ научных исследований. Несмотря на то, что в средние века, вплоть до периода абсолютизма, не существовало стройной системы научных знаний о регулировании международных отношений, в теологических сочинениях богословов – представителей католической доктрины – уделялось значительное внимание вопросам международного права, в том числе и вопросам ответственности за нарушение международных договоров. Испанский богослов Франциско де Виттория (1492–1546 гг.) признавал, что международное право допускает применение санкций к нарушителям международно-правовых обязательств. К санкциям он относил различного рода

репрессалии (принудительные меры, применяющиеся в ответ на международное правонарушение и характеризующиеся ущемлением субъективных прав нарушителя), вплоть до вооруженных, а также войну [7].

С возникновением и развитием международного права, вопрос о санкциях постоянно находился в центре внимания правоведов-международников. Так, голландский ученый Гуго Гроций (1583–1645 гг.) к международно-правовым санкциям относил репрессалии и наиболее действенной из них считал войну [7].

Русские авторы Л. А. Камаровский, В. А. Ульяницкий, Ф. Ф. Мартенс и другие под санкциями в международном праве понимали различные виды принудительных мер, таких, как репрессалии, блокада, интервенция, война и т. д. [4].

Ответственность и санкции относятся к числу фундаментальных категорий международно-правовой науки.

Считается, что международно-правовая санкция – это нормативное определение мер, носящих характер правового принуждения, применяемых субъектами международного права к государству-правонарушителю в случае нарушения им предписаний международно-правовых норм, содержащих его правовую оценку.

Однако в работах, посвященных сложной и многоплановой проблеме международно-правовых санкций, многие ее аспекты все еще не получили должного освещения. Так до сих пор не выработано единого понятия международно-правовой санкции.

Большинство ведущих университетов мира представляли свои работы в сфере международных санкций. Данные работы, естественно, содержали свои определения «международных санкций». Так, например, в рамках Британского института по международным вопросам, наибольшее признание получило определение, относившее к санкциям все «действия, предпринимаемые членами международного сообщества против... нарушения права» [8]. То есть, в понятие санкций вкладывается весь спектр негативных для государства-правонарушителя последствий, как-то: возмещение ущерба, представление удовлетворения и принуждение к нему.

Достаточно долгий период времени существовал цивилистический подход к проблеме определения международных санкций, характеризующийся в исключительном возмещении ущерба, причиненного международными правонарушениями [11]. Некоторые ученые считали, что само возмещение ущерба уже несет в себе признаки наказания.

Данная концепция широко применялась в наше время и неоднократно подтверждалась многими международными судебными и арбитражными органами. Так, «международный суд ООН в своем известном консультативном заключении от 11 апреля 1949 года о возмещении ущерба, понесенного на службе ООН, высказал убеждение, что компетенция, рассматривающая международно-правовые санкции и ответственность в плане выполнения обязательства возмещения, является господствующей в международно-правовой доктрине и находит реальное отражение в международном праве в

качестве его принципа» [3]. Данный подход не является универсальным и всеобъемлющим. Он не включал в себя все принудительные меры, которые допускаются международным правом.

Представители позитивистского направления доктрины международного права указывали, что «под санкцией следует понимать принудительные меры, применяемые к субъекту, нарушившему предписания международно-правовых норм. Применение таких мер закреплено в международном праве (как договорах, так и в обычаях) и предпринимаются они в строго определенном порядке» [7].

В это же время, нормативисты рассматривают санкцию как часть международно-правовой нормы.

В работах профессора П. Гугенхейма можно найти определение санкции как принудительной меры для правонарушителя, но не исключается и возможность содержания и меры по возмещению ущерба.

В основном, под санкциями понимаются репрессалии, реторсии (принудительные меры, характеризующиеся не нарушением охраняемых международным правом интересов и субъективных прав государства-деликвента) и принудительные меры международных организаций. И именно санкции международных организаций, по мнению многих ученых, должны стать «санкциями международного права будущего» [9].

Итак, в настоящий момент существует огромное количество направлений и школ, которые дают свое собственное определение санкциям. И объем самих санкций достаточно отличается от подхода. Отметим, что концепция, которая ставит знак равенства между санкциями и принудительными мерами, не соответствует международно-правовой практике, так как разъединяет понятия санкции и ответственности, и сводит проблему принуждения при наступлении международно-правовой ответственности лишь к принудительным мерам, применяемым к нарушителю.

После образования ООН, в научных кругах все чаще начали использовать определение правового принуждения через понятие «правовых лишений, обременений, правового урона».

«Развитие международных организаций, – отметил специальный докладчик по вопросу об ответственности государств комиссии международного права ООН, профессор П. Аро, – привело... к допущению возможности установления между государством, являющимся виновником международного правонарушения определенного характера и определенного значения, новых правовых отношений не только с определенным потерпевшим государством, но и с организацией» [5].

«Таким образом, организация и ее члены имеют право, и даже обязанность, реагировать на неправомерное в международном плане поведение применением санкций по отношению к государству-нарушителю по коллективно принятому решению» [2].

Однозначно можно сказать, что с появлением в XX веке межправительственных организаций системы ООН и не только, международное

право вышло на новый этап развития, и если сказать словами профессора Ф. Фридмана «эволюционировало в сторону новой и более высокой стадии» [10].

Итак, если рассмотреть эволюцию международного права за последние сто лет, то можно увидеть, что институт санкций претерпел значительное изменение. Если ранее санкции применялись основными субъектами международного права – государствами к основным субъектам – государствам, то в последнее время санкции носят все больше коллективный характер и применяются, в основном, производными субъектами международного права – межправительственными организациями. Санкции межправительственных организаций носят уже более локальный и более конкретный характер. Несмотря на то, что применение санкций за последние годы, с учетом коллективности принятия решений, стало более адекватным и действенным, несовершенство международного права все еще значительно сказывается на самой процедуре применения санкций и их последствий.

Цель статьи – исследование природы международных санкций, эволюции института санкций и их влияние на международные процессы.

Изложение основного материала. Чтобы понять, эффективны ли применяемые межправительственными организациями санкции, необходимо разобраться в сущности данного вопроса.

Порядок применения санкций межправительственными организациями системы ООН определяется уставами этих организаций и их практиками.

Основным документом, регламентирующим применение санкций, является устав организации. В основном, именно в уставе прописывается возможность применения принудительных мер в отношении нарушителя международного права и порядок их применения. Именно поэтому, устав межправительственных организаций призван служить гарантией эффективности международно-правовых санкций.

Для того, чтобы понять насколько регламентирован порядок применения санкций, необходимо проанализировать уставы межправительственных организаций. Анализ показывает, что закрепленные в них положения о мерах принуждения, не всегда являются гарантией эффективности этих мер.

Каждая конкретная организация в своих учредительных документах предусматривает комплекс мер, направленных на защиту установленных положений. В связи с этим, достаточно часто в последнее время появляются попытки изменения уставов (ФАО, МОТ, ИКАО, ВОЗ), которые очень редко заканчиваются успешно. Достаточно часто странами осуществляются действия на основе обычно-правовых норм, «подразумеваемой компетенции» или отказ от применения санкций (МФК, МВФ, МБРР, МАР).

Логично предположить, что в условиях несовершенства норм, подобная ситуация может повлечь практику действий в обход уставов межправительственных организаций системы ООН, что в свою очередь, может повлечь за собой деградацию системы межправительственных организаций как таковой.

Учредительные акты некоторых межправительственных организаций не предусматривают такой меры, как исключение из организации, а говорят о лишении права и привилегий, не раскрывая конкретных форм санкций. В некоторых межправительственных организациях применение принудительных мер предусматривается лишь как реакция на невыполнение государством-членом его финансовых обязательств перед организацией.

Существует категория межправительственных организаций, которая ставит возможность применения санкций в зависимости от решения этого вопроса в Организации Объединенных Наций (ИКАО, ИМО, ЮНЕСКО). Подобное положение не позволяет им применять такие меры, когда имеет место нарушение специальных предписаний уставов самих межправительственных организаций и когда ООН некомпетентна решать вопрос о санкциях. Из этого также следует, что в тех случаях, когда правонарушение совершает государство-член межправительственных организаций, не являющийся членом ООН, он формально не может быть подвергнут применению санкций.

Другой крайностью является полная самостоятельность в применении санкций. Например, учредительные акты МАР, МБРР, МФК, МВФ относят к компетенции этих организаций применение лишь самостоятельных санкций. Такая автономия дает возможность для уклонения от выполнения рекомендаций Организации Объединенных Наций по применению санкций к государствам, виновным в совершении международных преступлений, выражающихся в нарушении императивных норм международного права.

Конечно, по своей значимости, по объему своей компетенции и важности целей ООН призвана играть главенствующую роль в системе международных организаций и быть координационным центром, в том числе и по вопросу применения санкций. Но, несмотря на главенствующую роль ООН, межправительственные организации должны иметь право на самостоятельное применение санкционных мер (за исключением вооруженных репрессалий) в пределах своей компетенции.

Исходя из этого, и основываясь на необходимости более четкой регламентации санкционной компетенции международных организаций системы ООН, в учредительных актах (уставах) было бы целесообразно:

- во-первых, обязательно закрепить право самостоятельного применения санкций, включая как меры по приостановлению прав и привилегий, вытекающих из членства в организации, так меры по исключению из международного сотрудничества по специальным вопросам, а также по исключению из международных организаций ООН. Нарушение целей и принципов, заложенных в уставе организации, нарушение обязательств членом организации (в том числе и финансовых) — должны быть основанием для применения подобных санкций;

- во-вторых, необходимо регламентировать право межправительственных организаций применять санкции во исполнение рекомендаций Генеральной Ассамблеи ООН к государствам, виновным в совершении международных

преступлений, нарушающих обязательства, вытекающие из императивных норм международного права;

- в-третьих, регламентация санкционной компетенции международных организаций ООН должна предусматривать более четкий порядок применения этих санкций, закрепляя условия начала и окончания их применения;

- в-четвертых, необходимо, по возможности, предусмотреть, что санкции международных организаций ООН за нарушение материальных норм международного права будут применяться лишь по решению высшего (пленарного) органа организации, что является дополнительной юридической гарантией правомерного и справедливого применения этих санкций при участии всех государств-членов организации.

Очень важным является определение точных критериев эффективности санкций международных организаций. Действенность санкций практически обнаруживается при реализации соответствующих уставных положений. Поэтому, полное и точное выполнение этих положений особенно важно при реализации санкций.

Недопустимым является переход функций одного органа к другому в плане принятия решения о применении санкций. А именно, передача функций от высшего органа к исполнительному.

И совсем не допустима практика «автоматического» применения санкций в международных организациях системы ООН. По факту применения санкций должно выноситься специальное постановление высшего органа международной организаций ООН, исключаящее «автоматическое» применение санкций административными органами организаций.

Наложение санкций само по себе не решает проблему. Для того, чтобы санкции имели смысл, необходимо их четкое выполнение не только должностными лицами организаций, но и всех стран-участниц. Существует позиция, согласно которой во всех межправительственных организациях необходимо создать орган (наделить полномочиями органы уже существующие в рамках организаций), уполномоченный осуществлять контроль за применением санкций и делать рекомендации по усилению их действенности.

В международной практике существуют примеры учреждения таких органов. Например, специальные органы по контролю за применением международно-правовых санкций существуют в рамках региональных организаций – Лиге Арабских государств и Африканском союзе.

К примеру, в системе органов Арабской Лиги существует облеченное широкими полномочиями координирующего и контрольно-исполнительного характера Бюро по бойкоту Израиля, созданное в соответствии с решением четырнадцатой сессии Совета Лиги Арабских государств в мае 1951 года. Бюро по бойкоту Израиля провело 72 конференции; в последней из них, проходившей в апреле 2004 г. в Дамаске, принимали участие представители девятнадцати арабских государств [1].

В рамках Африканского союза с 1978 года действует Постоянный комитет по санкциям, который был учрежден на тридцать первой сессии Совета

Министров и пятнадцатой сессии Ассамблеи глав государств и правительств Африканского союза.

Эти органы исследуют статистические и иные данные, позволяющие в целом судить о результативности предпринимаемых мер. Выявляют конкретные случаи совершения правонарушений и получают информацию о них. Доводят до сведения государств-членов данные о практике применения санкций. Рекомендуют компетентным органам этих межправительственных организаций принятие дополнительных мер, направленных на усиление санкций и т. п.

Данный пример говорит, что возможно успешное внедрение контролирующих и координационных органов в систему международных организаций. Данные органы будут способствовать с одной стороны поискам наиболее оптимальных вариантов выполнения решений международных организаций о санкциях, а с другой стороны будут держать под контролем практику реализации санкций.

Применение санкций международных организаций ООН можно считать эффективными только при наименьших издержках морального, материального и иного характера, которые неизбежны при применении правового принуждения.

Согласно устоявшейся практике применения для международного права лучшей санкцией будет такая, которая при сказании нужного давления на правительство государства-деликвента, «причиняет наименьший вред населению рассматриваемого государства» [12].

Другими словами, при применении санкций международными организациями ООН должен учитываться как характер совершенного правонарушения – применяемые меры принуждения должны быть адекватны совершенному правонарушению, – так и те последствия, которые может вызвать применение санкций.

Одной из самых спорных и сложных остается санкция в виде исключения из международного сотрудничества и из организации в целом. Исключение страны из международного сотрудничества может затормозить развитие конкретной отрасли экономики, культуры, транспорта и иных отраслей внутри страны, что пагубно скажется на жизни населения данной страны. А исключение страны-нарушителя из международной организации может ограничить международную организацию в контроле за действиями государства-нарушителя в специальной сфере сотрудничества.

Так, в докладе Генерального Директора МОТ, посвященном применению декларации о политике апартеида, проводимой ЮАР, 67 сессия Международной Конференции Труда (1981 г.) отметила, что после вынужденного выхода ЮАР из МОТ в 1964 году, это государство полностью отказалось от применения конвенций МОТ, направленных на улучшение положения трудящихся. «Постепенно принимались законодательные акты, которые усиливали основной принцип философии апартеида: «черный» человек в «белом районе» находится только для того, чтобы продать свой труд. Был ужесточен контроль за передвижением и рабочей силой и, таким образом,

усилена система контроля за перемещением. Были созданы центры по работе с африканцами, которые рассматривались как «не имеющие занятий или нежелательные граждане». Правительство практически взяло на себя неограниченные полномочия в области контроля, управления и запрещения занятости африканцев» [6].

Это один из самых ярких примеров, когда применяемые санкции не достигли желаемого результата, а только лишь усугубили положение населения страны.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что при оценке эффективности санкций международных организаций ООН следует учитывать факторы не только правового характера, но и социального, политического, морального, т. е. должна учитываться общая обстановка в мире, конкретное соотношение сил прогресса и регресса, которое оказывает серьезное влияние на эффективность санкций международных организаций ООН.

Главной целью применения санкций является достижение конкретного социального результата: прекращение правонарушения, претерпевание ответственности, которая предусматривает не только восстановление прежнего положения, удовлетворение потерпевшей стороны, но и кару «наказание» виновного субъекта, воспитание его в духе международно-правовых предписаний. Все эти цели должны быть достигнуты при наименьших моральных, политических, материальных и иных издержках.

Эффект от санкций возможен только если они содействуют законному общественному развитию, служат делу поддержания международного правопорядка.

Результативность наложения санкций возможно оценить только в контексте и при анализе определенной политической ситуации, результата, который был достигнут или не достигнут и того, насколько прогрессивно повлиял этот результат на развитие международных отношений.

Особое внимание при оценке результативности санкций нужно обратить на то, что санкции, накладываемые международными организациями системы ООН при любых обстоятельствах, являются мерами противодействия нарушениям международного правопорядка. Даже в тех случаях, когда применение санкций не приводит к желаемому оптимальному результату, они всегда оказывают давление на государство-нарушителя, и отрицательно влияют на его положение в межправительственной организации и в международном сообществе в целом.

Следует также учесть, что применение санкций имеет превентивную функцию. Применение санкций дисциплинирует страны-участницы, заставляет их в своем поведении соблюдать установленные требования и другие нормы международного права. Необратимость наказания за правонарушения является одним из основных принципов международной правовой системы.

Выводы. Санкции межправительственных организаций системы ООН обладают достаточной эффективностью. Основной задачей применения санкций является поддержка и охрана международного правопорядка и с этой задачей санкции справляются достаточно успешно. Несмотря на это

необходимо индивидуально подходить к каждому конкретному случаю, учитывать опыт при применении санкций и вносить изменения в порядок применения санкций как международными организациями, так и конкретными государствами. С учетом мировой тенденции последних лет, санкции стали играть одну из основных ролей в институте международного права. И в связи с этим, необходимо более детально и глубоко подходить к проблематике применения санкций международным сообществом. Адекватность применения санкций должна позитивно отразиться на системе международного права в целом. В вопросе применения санкций межправительственные организации должны понимать, что любое применение санкций может негативно отразиться на населении государства-правонарушителя и тогда санкции должны быть соразмерными с правонарушением.

Список литературы

1. Арабский бойкот // Академическая Вики-энциклопедия по еврейским вопросам и израильским темам. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ejwiki.org/wiki/Арабский_бойкот.
2. Аро П. Международное правонарушение государств как источник международной ответственности: третий доклад по вопросу об ответственности государств // В кн. ежегодник комиссии международного права. – Нью-Йорк. – 1972. – Т. 2. – С. 41–42.
3. Аро П. Первый доклад по вопросу об ответственности государств // Ежегодник комиссии международного права ООН. – Нью-Йорк. – 1969. – Т. 2. – С. 189–207.
4. Горовцев А. Международное право. Избранная литература: Краткая энциклопедия. – Спб.: Питер, 1909. – С. 31.
5. Кешнер М. В. Экономические санкции в современном международном праве: монография. – Москва: Проспект, 2015. – 184 с.
6. Развитие института международных правовых санкций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://otherreferats.allbest.ru/law/00032638_2.html
7. Шевчук Д. А. Международное публичное право: учебное пособие (учебник, лекции). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/yurisprudentsiya/163979/fulltext.htm
8. International sanctions. A report by group of Members of the Royal Institute of International affairs. – Oxford. – 1938. – 38 p.
9. Kunz G. L., Mitrany D. The problem of international sanctions. – Oxford. – 1925. – 36 p.
10. Leben Ch. Op. cit. – P. 363–364.
11. Reparations for injuries suffered in the services of the United Nations. – I.C.J. – Reports. – 1949. – 184 p.
12. Shermers G. Op.cot. – 717 p.

The article analyzes the evolution of the Institute of international sanctions, the concept and application of sanctions by intergovernmental organizations of the UN system.

Keywords: *sanctions, international sanctions, penalties intergovernmental organizations of the UN system.*

УДК 341.48

Рогожкин А. В.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: avrogozhkin@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ГЕНОЦИДА И ЕЕ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Получена 05 сентября 2016; принята 06 сентября 2016.

Rogozhkin A.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: avrogozhkin@mail.ru

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE CRIME OF GENOCIDE AND ITS IMPLEMENTATION IN INTERNATIONAL LAW

Received 05 september 2016; accepted 06 september 2016.

В статье анализируется преступление геноцида с точки зрения его квалификационных критериев в системе международного права. При этом отдельное внимание автор уделяет соотношению понятий «объект и объективная сторона» и «субъект и субъективная сторона» преступления геноцида в современной правоприменительной практике.

Ключевые слова: *преступление геноцида, общественная опасность, состав преступления геноцида, субъект преступления, субъективная сторона преступления, объект преступления, объективная сторона преступления.*

К преступлениям, квалифицируемым в международном праве как геноцид, уже традиционно относят «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую,

расовую, религиозную или иную исторически сложившуюся культурно-этническую группу как таковую путем:

- a) убийства членов такой группы;
- b) причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;
- c) предумышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;
- d) мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы;
- e) насильственной передачи детей из одной человеческой группы в другую» [1, с. 2].

Актуальность статьи. Исходя из вышеперечисленных признаков квалификации преступления геноцида, формулируем актуальность проблемы, вынесенной в заглавие статьи. Актуальность статьи основывается на утверждении, что в поданном списке отсутствуют указания на такие элементы состава преступления геноцида, как объект и субъект, объективная и субъективная сторона. То есть, на наш взгляд, каждая часть квалификации должна подразумевать конкретный субъект и объект и несколько расширять объективную и субъективную стороны с учетом реальных ситуаций. Особенно если учитывать то обстоятельство, что международное право в целом – право прецедентное, а ведение военных действий в различных уголках земного шара и действия военных и целых стран в отношении мирного населения порождают качественно новые прецеденты. Одновременно отмечаем, что с 1995 года со времени массового убийства боснийских мусульман боснийскими сербами в Сребренице международное правовое сообщество не озадачивало себя вниманием к новым актам геноцида, совершаемым некоторыми ведущими странами.

Цель исследования состоит в смысловом и квалификационном расширении и дополнении квалификации преступления геноцида с учетом ее интерпретации в уголовных кодексах различных стран мира. Необходимость этих дополнений диктуется еще и тем, что события на Донбассе 2014–2016 гг. демонстрируют уникальную ситуацию ведения боевых действий Вооруженными силами Украины против собственного народа, осложненными планомерным разрушением инфраструктуры населенных пунктов, продовольственной, финансовой и экономической блокадой и уничтожением мирного населения региона.

С учетом заявленной актуальности и цели исследования необходимо заметить, что квалификация преступления геноцида впервые была предложена в «Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него». Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. То есть, с 1948 года геноцид признается в ООН международным преступлением с соответствующими санкциями. Согласно Конвенции, наказуемы следующие деяния: 1) геноцид; 2) заговор с целью совершения геноцида; 3) прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида; 4) покушение на совершение геноцида; 5) соучастие в геноциде. При этом

физические лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных деяний, подлежат наказанию независимо от того, являются они правителями государств, должностными или частными лицами.

Между тем за время действия этой Конвенции в мировой правоприменительной практике как геноцид были квалифицированы:

- геноцид племен гереро (банту) и нама (готтентоты) колониальными войсками кайзеровской Германии в Германской Юго-Западной Африке на территории современной Намибии (1904–1907);

- истребление и депортация христиан – армян, понтийских греков, ассирийцев – в Османской империи в 1915–1923 годах;

- политика геноцида в отношении казаков, проводившаяся советской властью в 1919-ом и 1932–1933 годы;

- истребление евреев и цыган нацистской Германией во время Второй мировой войны;

- истребление сербов в годы Второй мировой войны фашистским хорватским режимом Павелича;

- Международная комиссия юристов заявила, что «акты геноцида были совершены в Тибете в попытке уничтожить тибетцев как религиозную группу» (август 1960);

- истребление до трех миллионов камбоджийцев режимом Пол Пота и Иенг Сари в 1975–1979 годах в Камбодже;

- истребление курдов в северном Ираке иракскими правительственными войсками (операция Анфаль 1987–1989);

- геноцид представителями племени хуту в отношении племени тутси в Руанде (1994);

- массовое убийство боснийских мусульман боснийскими сербами в Сребренице (1995).

Как видим, за скобками международных вердиктов остались долгосрочные акты геноцида США в отношении индейских племен с середины XVI по середину XIX века, аборигенов Австралии европейскими колонизаторами с конца XVIII и почти до конца XIX века. Не квалифицированы как геноцид действия японской императорской армии в отношении китайцев, филиппинцев и других народов Юго-Восточной Азии (1930–1945), ядерная бомбардировка США двух японских городов (1945).

Не наблюдается намерений надлежащей квалификации резни представителями коренных народов в отношении национальных меньшинств и русских на территориях бывших союзных республик в конце 80-ых – середине 90-ых гг. – Казахстан, Таджикистан, Азербайджан, Узбекистан, Грузия, Чечня. Пока еще не получили соответствующей оценки с точки зрения международного права бомбардировки вооруженными силами НАТО мирных жителей Югославии (1999), уничтожение езидов, христиан, туркмен, сабиев-мандеев, курдов, шиитов, суннитов и представителей других общин на территориях, контролируемых ИГИЛ-ДАИШ (с 2014).

Ждет своей очереди и оценка упомянутых нами зверств, которые характеризуют пребывание на оккупированной территории Донбасса так называемых Вооруженных Сил Украины и их нацистских батальонов, действия киевских правителей по организации экономической, финансовой и продовольственной блокады Донецкой и Луганской Народных Республик, планомерное уничтожение инфраструктурных объектов и мирного населения.

И это несмотря на то, что в законодательствах отдельных государств уголовная ответственность за геноцид предусмотрена. Например, в федеральном УК Австралии ответственность за геноцид установлена в ст. ст. 268.3–268.7. В каждой из названных статей содержатся самостоятельные составы преступления геноцида, связанного с убийством (ст. 268.3), геноцида, связанного с причинением серьезных телесных повреждений или умственного расстройства (ст. 268.4), геноцида, связанного с умышленным созданием жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение (ст. 268.5), геноцида в виде мер, рассчитанных на предотвращение деторождения (ст. 268.6), и геноцида, связанного с насильственной передачей детей (ст. 268.7) [3].

Законодатель Испании в качестве признака геноцида указал свою новеллу – «сексуальное нападение» в п. 1 ч. 3 ст. 607 УК [4, с. 101].

В ст. 71 уголовного закона Латвии к объекту геноцида относятся не только «национальная, этническая, расовая или религиозная группы», но и еще две группы – «социальная группа, группа людей определенных общих убеждений» [5, с. 126]. То есть, под это определение могут подпадать члены общественно-политических сообществ, движений, содружеств и политических партий.

Согласно статье 127 УК Республики Беларусь объектом геноцида являются как группы людей, названные в ст. II Конвенции, так и «группы, определенные на основе любого другого произвольного критерия» [6, с. 10]. То есть, законодатель или инициатор расследования вправе сам определять, по каким признакам квалифицировать потерпевшую сторону – от гендерных до идеологических.

Уголовный кодекс Республики Польша вводит еще две категории жертв геноцида: «политические группы и группы с определенным мировоззрением» (статья 118, пар. 1) [7, с. 18].

По законодательству Российской Федерации геноцид – преступление против мира и безопасности и человечества, предусмотренное ст. 357 Уголовного кодекса РФ. Статья гласит, что «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, – наказываются лишением свободы на срок

от двенадцати до двадцати лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью» [8, с. 252].

Таким образом, в мировой правоприменительной практике очевидна тенденция к расширительному толкованию как самого преступления геноцида, так и его объекта, субъекта и других квалификационных признаков. Что, конечно же, может быть вызвано различными причинами в различных государствах, но что демонстрирует необходимость модернизации Конвенции в указанных нами частях.

Разнообразны в различных государствах санкции уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за геноцид. В УК некоторых стран основной состав геноцида содержит абсолютно определенную санкцию – пожизненное лишение свободы. Например, во Франции, Австрии, и Австралии.

Большинство стран в составе преступления геноцида использует альтернативную санкцию – лишение свободы на определенный срок или пожизненное лишение свободы. Сроки лишения свободы, предусмотренные в национальных УК за геноцид, различны. Так, в Азербайджане он составляет от 10 до 15 лет, в Армении и Болгарии от 12 до 15 лет, в Грузии от 8 до 20 лет, в Испании от 15 до 20 лет, в Казахстане от 10 до 20 лет, в Латвии от 3 до 20 лет, в Литве от 5 до 20 лет и т. д. В некоторых странах за совершение геноцида санкция предусматривает возможность применения смертной казни – Албания, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, отдельные штаты США, Таджикистан, Донецкая Народная Республика.

Несмотря на такое обилие законодательных констатаций, признание факта геноцида и его квалификация в международном праве сами по себе являются проблематичными. Почти во всех случаях субъекты преступления геноцида – от отдельных физических лиц до целых государств – не признают инкриминируемые им преступные деяния. В подавляющем большинстве геноцид признается только потерпевшей стороной или третьими сторонами.

Например, для Армении действия турок в 1915–1923 годах – безусловный акт геноцида. Турция как правопреемница Османской империи категорически против самого факта уничтожения 1,5 миллиона человек. И это несмотря на то, что с 1965 года, когда состоялось признание геноцида армян Уругваем (20.04.1965), парламенты более 30 стран его признали и осудили. Помимо отдельных государств, геноцид армян признали такие международные организации, как Совет Европы (1998, 2001), Европарламент (1987, 2000, 2002, 2005), Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств (1987), Всемирный совет церквей (1983), Парламентская коалиция стран Южной Америки – Mercosur (2007), Парламент Латинской Америки – Parlantino (2015).

В Соединенных Штатах 44 из 50 штатов официально признали и осудили геноцид армян. И объявили 24 апреля Днем памяти жертв геноцида армянского народа. Примечательно, что с конца 1970-х каждый год 24 апреля президенты США выступают с телеобращениями к армянам Америки. Но на федеральном уровне только в последнее двадцатилетие голосование по признанию геноцида

армян в Конгрессе США неоднократно отменялось. То по просьбе 43-го президента США республиканца Джорджа Буша-младшего, который перед избранием на президентский пост письменно обещал признать геноцид армян. То его преемником – 44-ым президентом демократом Бараком Обамой, который клятвенно обещал признать геноцид, но своего обещания так и не сдержал.

14 апреля 1995 года Государственная Дума Российской Федерации единогласно приняла Заявление «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915–1920 годах». В 2015 году Госдума приняла заявление в связи со столетием геноцида армян в Османской империи.

Этот отдельный случай с геноцидом армян характерен и в целом для такого процесса, как имплементация норм международного права о геноциде в уголовных кодексах различных стран. Несмотря на то, что нормы о геноциде помимо Конвенции 1948 года были закреплены и в Римском статуте Международного уголовного суда (МУС) 1998 года [2], некоторые государства ни тот, ни другой документ не одобрили и не ратифицировали. Так, Статут МУС по состоянию на февраль 2015 года подписали представители 139 из более чем 250 стран мира. И только 123 государства его ратифицировали. Россия подписала Римский статут 13 сентября 2000 года, но до настоящего времени (2016) не ратифицировала его. Правительство США хотя и подписало Римский статут в 2000 году, но через год засомневалось в полезности этого шага. А через два – в 2002 году и вовсе отозвало свою подпись.

Проблемность имплементации норм международного уголовного права в первую очередь объясняется тем, что все государства позиционируют свое национальное законодательство в качестве нерушимого основания собственного суверенитета. И по этой причине очень ревностно относятся к любому влиянию извне, пускай и со стороны международного права. В этом деле национальные суды руководствуются, прежде всего, нормами своего внутригосударственного права.

Так, в случае с США их 42-ой президент Билл Клинтон, подписывая документ, объяснил, что США не собираются ратифицировать Римский статут, пока полностью не ознакомятся с принципами и содержанием работы Международного уголовного суда. Администрация 43-го президента Джорджа Буша-младшего под предлогом защиты своих военнослужащих полностью отказалась от участия в Римском статуте, назвав его документом, нарушающим национальные интересы и суверенитет США. И в 2002 году инициировала принятие специального Закона о защите американского персонала за рубежом. Этот закон разрешал применять военную силу «для освобождения любого американского гражданина либо граждан из числа союзников США, задержанных на территории какого-нибудь государства по ордеру МУС». Одновременно Соединенные Штаты заключили ряд двусторонних соглашений со странами, в которых обязали тех не выдавать американских граждан по подозрению Международному уголовному суду. В случае нарушения этих

соглашений США грозили прекратить военную помощь и любую другую поддержку. И МУС это воспринял как должное.

Несмотря на обозначенные нами сложности и проблемы в части квалификации преступления геноцида и имплементации его составляющих в национальные правовые системы, Конвенция 1948 года и Статут МУС до сегодняшнего дня являются важнейшими и единственными источниками международного уголовного права. Законодатели многих государств при имплементации просто копируют соответствующие статьи Конвенции и Статута в своих УК. Так поступили практически все бывшие советские и народные республики: Грузия, Армения, Азербайджан, Белоруссия, Болгария и др.

Но специфические условия становления государственности принудили некоторые государства значительно расширить состав преступления геноцида. Например, законодатель Федеративной Республики Германии дополнил свою систему уголовного права качественно новым законодательным актом под названием Международный уголовный кодекс ФРГ. Германия стала участником Конвенции 1948 года 24 ноября 1954-го и имплементировала свои обязательства, предусмотрев в п. 220а УК ответственность за данное преступление. Отличие по сравнению с конвенционной нормой касалось такого объекта, как «этническая группа», которое в п. 220а было сформулировано как «отличающаяся своими особенностями определенная группа» [9, с. 507].

УК ФРГ расширяет и поле правовой ответственности, формулируя п. 6 своего УК как «Деяния, совершаемые за границей против правовых благ, охраняемых международными соглашениями». То есть, законодатель Германии распространяет действие своих законов на иностранных граждан. И это, по мнению немецкого законодателя, никак не нарушает суверенитет других государств. Поскольку со всей немецкой прямоотой п. 1 МУК ФРГ гласит: «Настоящий Закон применяется ко всем указанным в нем уголовно-наказуемым деяниям против международного права, к указанным в нем преступлениям также тогда, когда деяние было совершено за границей и не имеет отношения к территории страны» [9, с 5].

Эти новеллы с точки зрения нацистского прошлого Германии оправданы. И мировое сообщество в целом их приняло с пониманием. Но расширение полномочий национального кодекса вызвало противодействие руководства таких стран, как Израиль и Соединенные Штаты Америки. Их аргументы: в части преследования и наказания за геноцид «Германия распространяет свою юрисдикцию на весь мир». Она «навязывает другим странам свои нормы, направленные на то, чтобы не учитывать место совершения преступления геноцида, гражданство международных преступников, государственную принадлежность жертв» и т. д. Вывод – Федеративная Республика Германии в сфере международного уголовного права хочет узурпировать функцию мирового полицейского.

И все же, несмотря на отмеченные противоречия, уголовные кодексы подавляющего большинства стран мира демонстрируют не только адекватное восприятие международно-правовых норм о геноциде, но и стремление к их

расширенным определениям и толкованиям с учетом уровня правосознания национальных сообществ, национальных традиций в области права, принадлежности к конкретным правовым семьям и закономерностей национального законодательства.

Исходя из проведенного анализа, далеко не исчерпывающего, следует констатировать:

1. Объект преступления геноцида, исходя из современных реалий, в международном праве определяется сужено – только как «национальная, этническая, расовая или религиозная группа». В уголовном законодательстве ряда государств отмечаются тенденции к его расширению. Учитывая эти тенденции, данное определение должно охватывать «социальную группу, группу людей определенных общих убеждений» (УК Латвии), «политические группы и группы с определенным мировоззрением» (УК Польши), «группы, определенные на основе любого другого произвольного критерия» (УК Беларуси). И в конечном виде понятие объекта геноцида в международном праве должно охватывать «расовую, национальную, этническую, религиозную, социальную, политическую, культурную, половую и любую другую человеческую группу, характеризующуюся общностью территории, языка и культуры».

2. Объективная сторона преступления геноцида указывает на традиционные формулировки преступлений, совершаемых против личности: лишение жизни – «убийство членов группы», «иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы», «умышленное создание мер и осуществление мероприятий, направленных на неминуемую гибель людей», вред здоровью – «причинение тяжкого вреда здоровью», против семьи – «насильственное воспрепятствование деторождению», «принудительная передача детей», «принятие соответствующих мер, ограничивающих или препятствующих рождению детей, среди членов этой группы», «отобрание детей помимо воли родителей и передача их представителям другой группы, в другие семьи или детские учреждения», насильственные переселения – «принудительное перемещение всей или части группы из мест постоянного и обособленного проживания в другие регионы государства или за его пределы (депортация)». Исходя из тенденций в национальных кодексах, целесообразно дополнить субъективную сторону определениями «насильственных действий сексуального характера» (УК Испании), «принудительное перемещение членов такой группы за пределы государства или определенного региона (депортация)» (новелла автора).

3. Субъект преступления геноцида подразумевает исключительно физических лиц, поскольку сформулирован так: «Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или частными лицами». Но все-таки, исходя из сложившихся реалий, ответственность за геноцид в современных условиях не может ограничиваться отдельными лицами. События на

территориях бывшей Югославии, на Севере Африки, на Ближнем Востоке и на Украине понуждают международное правовое сообщество к тому, чтобы расширить субъект преступления геноцида до отдельных государств, уничтожающих собственный или другие народы.

4. Субъективная сторона преступления геноцида и в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, и в Римском статуте Международного Уголовного Суда сосредоточивается на определении вины как формы умысла. И здесь необходимо помнить, что в контексте уголовного права умышленная форма вины предполагает осознание виновным сущности совершаемого деяния, предвидение его последствий и наличие воли, направленной к его совершению. Поэтому расширенную трактовку субъективной стороны преступления геноцида мы предлагаем в следующем варианте:

«Под геноцидом следует понимать умышленные действия физических лиц, вооруженных формирований и институтов государственной власти, направленные на уничтожение полностью или частично какой-либо расовой, национальной, этнической, религиозной, социальной, политической, культурной, половой и характеризующейся любой иной принадлежностью человеческой группы, включая общность автохтонной территории ее долговременного компактного проживания, языка и культуры».

Выводы. Исходя из рассмотренных нами квалификаций и прецедентов, подпадающих под определение преступления геноцида в международном гуманитарном праве, действия отдельных физических лиц, вооруженных формирований и институтов государственной власти Украины в отношении жителей Донбасса на протяжении 2014–2016 годов можно квалифицировать как геноцид по нижеперечисленным признакам.

1. По объекту преступления – общественные отношения, направленные на обеспечение существования народа Донбасса как этнонациональной и социальной общности, его сосуществование на автохтонной территории долговременного компактного проживания. В качестве дополнительного объекта – жизнь и здоровье этого народа.

2. По объективной стороне преступления – действия, направленные на полное или частичное уничтожение народа Донбасса нижеперечисленными способами:

- убийство членов группы;
- причинение тяжкого вреда здоровью членам группы;
- насильственное воспрепятствование деторождению (ограничение или прекращение процессов рождения детей среди членов такой группы);
- принудительная передача детей от членов группы другим лицам;
- насильственное переселение из одной местности в другую;
- умышленное создание таких жизненных условий, которые должны привести к физическому уничтожению членов группы.

При этом преступное деяние носит продолжаемый характер, то есть состоит из ряда тождественных действий, направленных на достижение единой цели.

3. По субъекту преступления – физическое вменяемое лицо или физические вменяемые лица, включая руководителей и членов вооруженных формирований и институтов государственной власти Украины.

4. По субъективной стороне преступления – вина в форме прямого умысла и специальная цель как полное или частичное уничтожение национальной, этнической, социальной, политической, культурной и характеризующейся любой иной принадлежностью человеческой группы, включая общность автохтонной территории долговременного компактного проживания, языка и культуры.

Список литературы

1. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml.
2. Rome Statute of the International Criminal Court. – Text of the Rome Statute circulated as document A/CONF. 183/9 of 17 July 1998 and corrected by process-verbaux of 10 November 1998, 12 July 1999, 30 November 1999, 8 May 2000, 17 January 2001 and 16 January 2002. The Statute entered into force on 1 July 2002. – 88 p.
3. Уголовный кодекс Австралии. / Науч. ред. и пер. с англ. И. Д. Козочкина, Е. Н. Трикоз. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 386 с.
4. Уголовный кодекс Испании / Пер. с исп. В. П. Зыряновой, Л. Г. Шнайдер. – М.: Издательство Зерцало, 1998. – 110 с.
5. Уголовный кодекс Латвийской Республики. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 313 с.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 474 с.
7. Уголовный кодекс Республики Польша – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 234 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации. – Издательство: Эксмо-Пресс, 2016. – 256 с.
9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 524 с.

In the article analyzes the crime of genocide from the point of view of its qualification criteria in the system of international law. The special attention is paid to the relation of the object and the objective side and the subject and the subjective side of the crime of genocide in the modern legal practice.

Keywords: *the crime of genocide, public danger, the perpetrator, components of crime, the crime subject, the subjective aspect of the crime, the crime object, the objective side of the crime.*

УДК 341.223

Руденко П. В.

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донецкий национальный
университет», г. Донецк
e-mail: piter1904@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА РАЗВИТИЯ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Получена 26 сентября 2016; принята 30 сентября 2016.

Rudenko P.

State educational establishment of higher
professional education « Donetsk National
University», Donetsk
e-mail: piter1904@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL DEVELOPMENT PARADIGM DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC

Received 26 september 2016; accepted 30 september 2016.

В статье анализируется правовой статус Донецкой Народной Республики в системе международного права. При этом отдельное внимание автор уделяет институту признания вновь созданных государств и его современной правоприменительной практике.

Ключевые слова: *институт признания, государственный терроризм, терроризм, поддерживаемый государством, непризнанные государства, частично признанные государства.*

Актуальность исследования формулируем, исходя из правовой ситуации, сложившейся в течение 2014–2016 годов на юго-востоке, по крайней мере, *de jure* единой страны под названием Украина. Эта ситуация обозначила несколько ключевых проблем, которые не решались украинскими властями на протяжении всего периода так называемой независимости. Среди них выделяем проблему искажения национальной истории и менталитета, во многом спровоцировавшей проблему этнонациональной самоидентификации, которая, в свою очередь, актуализировала проблему государственного статуса русского языка. Что породило проблему государственно-правовых отношений

центральных и региональных властных структур, проблему взаимоотношения церковных конфессий, проблему героизации бойцов ОУН-УПА и дискриминации ветеранов Великой Отечественной войны, а также массу других проблем культурно-цивилизационного, идеологического, политического, морального и правового характера; проблем, расколовших государственное образование под названием Украина, и вовлекших его народ в братоубийственную войну. При этом особую актуализацию приобрела проблема признания двух новых государственных образований, оформившихся вследствие агрессивных действий со стороны киевских властей на территории Донбасса.

Основываясь на этой проблематике, определяем **цель** исследования в международно-правовом обосновании статуса ДНР и ЛНР как таких образований, которые имеют все необходимые и прописанные в международном праве атрибуты полноценных государств.

Агрессия бойцов националистических батальонов против жителей Донбасса, поддержанная киевскими властями, усиленная подразделениями Вооруженных Сил Украины и легитимизированная под названием антитеррористической операции, спровоцировала массовое народное неповиновение в регионе, формирование народного ополчения и вооруженное противостояние тем действиям режима, которые в международном праве квалифицируются как государственный терроризм [7].

Узурпировав государственную власть в результате военного переворота и узаконив нацификацию, киевский политикум утратил и свою народность, и свою легитимность. Поскольку в процессе становления новых властных институтов – президентского, парламентского, исполнительного и судебного – были нарушены конституционные нормы, прописанные в разделах 4, 5, 6, 9, 11 Основного Закона Украины, устанавливающие законодательно-процессуальный порядок их формирования, функционирования и легитимной смены [4].

Тот же киевский политикум, начиная с февраля 2014 года, грубо нарушил и нормы международного права. В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах [6] и Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. (в обоих пактах – статья 1) закреплено: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права они свободно устанавливают свой политический статус и свободно обеспечивают свое экономическое, социальное и культурное развитие... Все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава ООН поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право» [5]. В Декларации о принципах международного права от 24 октября 1970 г. значится: «В силу принципа равноправия и самоопределения народов, закрепленного в Уставе ООН, все народы имеют право свободно определять без вмешательства извне свой политический статус и осуществлять свое экономическое, социальное и культурное развитие, и каждое государство обязано уважать это право в соответствии с положениями Устава» [1]. В этой

же Декларации указывается, что способами осуществления права на самоопределение могут быть «создание суверенного и независимого государства, свободное присоединение к независимому государству или объединение с ним, или установление любого другого политического статуса» [1]. Аналогичные принципы закреплены в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе – Хельсинкском Заключительном акте 1975 года, Итоговом документе Венской встречи 1986 года, документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 года и других международно-правовых актах.

Грубое нарушение Конституции и норм международного права, а приход к власти в результате переворота и является таковым, предоставило регионам право потребовать изменения форм государственного устройства и государственного правления. То есть, реализации тех норм международного права, которые обеспечивают защищенность территорий от диктата, карательных акций и геноцида со стороны центральных властей. Под угрозой государственного терроризма были созданы Донецкая и Луганская Народные Республики.

На справедливые требования уважения своих прав, защиты от геноцида через федерализацию страны и придания русскому языку статуса второго государственного, на требование уважения к истории своего народа и памяти своих предков киевская клика ответила бомбардировками Славянска, Луганска, Донецка, Горловки и других мирных поселений; захватом несогласных территорий, уничтожением жителей городов и сел, не подчинившихся государственной нацистской идеологии – государственным военным насилием против гражданских лиц, что в рамках международного права и квалифицируется как государственный терроризм и терроризм, поддерживаемый государством.

Чтобы не быть голословными, приведем положения Женевской конференции по вопросу терроризма 1987 года, принявшей декларацию «The Geneva Declaration on Terrorism» [7], которая определяет как государственный терроризм следующее:

1) *police state practices against its own people to dominate through fear by surveillance, disruption of group meetings, control of the news media, beatings, torture, false and mass arrests, false charges and rumors, show trials, killings, summary executions and capital punishment.* Практики полицейского государства, направленные против своих граждан: негласная слежка, разгон собраний, контроль за медиановостями, избиения, пытки, неправомерные и массовые аресты, фальсифицированные обвинения, показательные суды, убийства, всеобщие экзекуции и подавления.

2) *the introduction or transportation of nuclear weapons by a state into or through the territory or territorial waters of other states or into international waters.* Доставка государством ядерного оружия на территорию других государств, в их территориальные воды или в международные воды.

3) *military exercise maneuvers or war games conducted by one state in the vicinity of another state for the purpose of threatening the political independence or territorial integrity of that other state (e.g., in Honduras, in Korea, in the Gulf of Sirte).* Военные маневры и учения, проводящиеся вблизи границ другого государства и представляющие угрозу его независимости и территориальной целостности (в Гондурасе, в Корее, в заливе Сирт).

4) *the armed attack by the military forces of a state on targets that put at risk the civilian population residing in another state (e.g., the bombings of Benghazi, Tripoli and Tunis, Druze villages in Lebanon and Kurdish villages).* Атака вооруженными силами государства целей, которая представляет угрозу для гражданского населения, живущего в другом государстве (бомбардировка Бенгази, Триполи и Туниса, деревень друзов в Ливане и курдских деревень).

5) *the creation and support of armed mercenary forces by a state for the purpose of subverting the sovereignty of another state (e.g., against Nicaragua).* Создание и поддержка вооруженных отрядов наемников с целью уничтожения суверенитета другого государства (против Никарагуа).

6) *assassinations, assassination attempts, and plots directed by a state towards the officials of other states, or national liberation movements, whether carried out by military strike, special forces units or covert operations by «intelligence forces» or their third party agents (e.g., the CIA against Nicaraguan politicians, the Qadhafi family, Yasser Arafat).* Убийства и попытки убийств государственных деятелей других государств или подавление национально-освободительных движений, направляемые государством вне зависимости от того, выполняются ли они с помощью военного удара, специальных операций или найма агентов (ЦРУ против политиков Никарагуа, семьи Кадафи, Ясира Арафата).

7) *covert operations by the «intelligence» or other forces of a state which are intended to destabilize or subvert another state, national liberation movements, or the international peace movement (e.g., the bombing of the Rainbow Warrior).* Тайные операции разведывательных или других государственных сил, направленные на дестабилизацию или подчинение другого государства, национально-освободительного движения или международного мирного движения (пример: подрыв Rainbow Warrior – суден green peace).

8) *disinformation campaigns by a state, whether intended to destabilize another state or to build public support for economic, political or military force or intimidation directed against another state.* Кампании по дезинформации, направленные на дестабилизацию других государств.

9) *arms sales which support the continuation of regional wars and retard the search for political solutions to international disputes.* Продажа оружия, поддерживающая продолжение региональных войн и задерживающая политическое решение конфликтов.

10) *the abrogation of civil rights, civil liberties, constitutional protections and the rule of law under the pretext of alleged counter-terrorism.* Отмена гражданских прав и свобод, положений конституции и законов под предлогом противодействия терроризму.

11) *the development, testing and deployment of nuclear and space-weapons systems that in all circumstances increase the probability of genocide and ecocide, while condemning the poor to continued misery and all humanity to a state of perennial fear.* Разработка, испытание и развертывание ядерного и космического оружия, повышающего вероятность геноцида и экоцида, обрекающее бедных на продолжающуюся нищету и все человечество на постоянный страх.

Как видим, кроме пунктов 2 и 11, большая половина этих положений аналогична ситуации, сложившейся на Донбассе: практики полицейского государства, убийства и попытки убийств государственных деятелей, создание и поддержка вооруженных отрядов наемников, продажа оружия, поддерживающая продолжение региональных войн и задерживающая политическое решение конфликтов, отмена гражданских прав и свобод, положений конституции и законов под предлогом противодействия терроризму и прочее.

Согласованную позицию мирового сообщества, обозначившую, что ДНР и ЛНР – часть Украины, выразили участники минского процесса. Позицию, обязывавшую республики, хотя и на особых условиях, вернуться в конституционное пространство Украины. Сложность была только одна – к моменту заключения минских соглашений Киев уже успел повоевать в Донбассе, уже погибли тысячи людей, были разрушены города и предприятия, тысячи взяли в руки оружие. Между Киевом и ДНР-ЛНР, помимо изначально существовавшей идеологической пропасти, «легли» кровь, недоверие и ненависть. Для того чтобы начать преодоление последствий гражданского конфликта, минские соглашения предусматривали [3]:

- прекращение огня;
- отвод тяжелых вооружений;
- постепенное разведение войск с двух сторон;
- обмен пленными в формате «всех на всех»;
- амнистия всем участникам боевых действий;
- снятие экономической блокады Донбасса;
- возобновление его бюджетного финансирования;
- восстановление разрушенного за счет Киева [3].

Только затем должен был начаться конституционный процесс и только на последнем этапе – после предоставления полных, абсолютно устраивающих Донбасс гарантий безопасности, Киев мог получить возможность участия в идущих в регионе политических процессах. А также формально, за счет инкорпорирования силовых структур ДНР-ЛНР в общеукраинские, получить контроль над границей. Это была бы не победа одной из сторон, но компромисс, позволявший формально сохранить территориальную целостность Украины по состоянию на начало апреля 2014 года, то есть без Крыма [3].

Украинским властям давали возможность выйти из состояния гражданского конфликта без территориальных потерь за счет уменьшения веса центральной власти, передачи основных полномочий в регионы и установления совместного контроля над административными единицами, рычагами

управления и внешней политикой со стороны прозападных и пророссийских сил [3].

При этом все, кто незаконно взял в руки оружие с обеих сторон, могли не опасаться уголовного преследования. Исключение составляли преступления против человечности и военные преступления, поскольку они подлежат международному уголовному разбирательству [3]. Но постепенно каждое вновь созданное государство наработало свою правовую систему, и вдруг выяснилось, что при очень сильном желании реализовать даже только экономические интеграционные инициативы не так просто. Слишком много появилось противоречащих друг другу частных и корпоративных интересов. То есть, как только республики создали новые политические, военные, финансовые и экономические структуры, оторванные от Украины и ориентированные на Россию, возникло огромное количество интересов, для которых восстановление украинской власти, даже на основе конфедеративных отношений, стало неприемлемым. Так, республики Донбасса помимо воли Киева из самопровозглашенных государств стали непризнанными.

Казалось бы, разница в одном слове – «самопровозглашенные» и «непризнанные». Но она очень существенна для международно-правовой легитимации.

До тех пор, пока республики только отбивались от добровольческих батальонов, продолжая сохранять украинскую административную вертикаль, украинские паспорта и другие документы, украинскую финансовую систему и т. п., они фактически являлись частью Украины, не признающей легитимность киевской власти. То есть, при доброй воле власть в Киеве, даже при учете реальной способности ДНР и ЛНР отстаивать свои права и добиться признания своей легитимности в украинском правовом пространстве, пусть и за счет серьезных уступок, превращала независимые республики в автономные области Украины.

Ситуация, тупиковая для Украины и перспективная для Донбасса, могла бы разрешиться с выигрышем обеих сторон, если бы было реализовано предложение Президента Российской Федерации по урегулированию военного противостояния. Но его неоднозначно восприняли как в республиках, так и в Украине. Нам представляется, что в процессе переговоров стороны стали рассматривать минские договоренности не в таком одномерном формате, как в их начале. В процессе переговоров обсуждение минских соглашений превратилось в дискуссионную площадку разрешения более широких проблем между Россией и Западом, русским и западным миром, а не только как внутриукраинская проблема отношений территорий и центра после киевского переворота.

Минский формат при посредничестве Российской Федерации, Германии и Франции был и остается попыткой вернуть Киев, прежде всего, в правовое поле через внесение изменений в Конституцию по части основных прав и полномочий региона и его граждан. Но на деле получилось, что минский процесс только назван процессом. А по сути, этот документ есть приостановка

и замораживание русской весны со стороны России, а также невозможность дипломатического признания Луганской и Донецкой Народных Республик до тех пор, пока действует соглашение.

При этом ни России, ни Германии, ни Франции, ни США, ни всем им вместе взятым не удастся и не удастся сломить упорство украинских политиков. Они справедливо считают, что пока власть на Украине, хотя бы номинально, в их руках, никакие серьезные санкции со стороны стран-гарантов им не грозят. Если же они власть потеряют, то могут лишиться не только активов, но и жизни.

Все требования западных партнеров начать хотя бы имитацию выполнения мирного процесса игнорируются. Все многократно перенесенные сроки начала конституционных изменений прошли. В позиции Киева не меняется ничего и не изменится. Уровень интеллектуального ресурса режима постоянно снижается и не позволяет не только искать оптимальный выход из двух – плохой и очень плохой ситуации, но даже предвидеть катастрофические результаты собственного бездействия.

По словам президента Центра системного анализа и прогнозирования Ростислава Ищенко «нельзя сказать, чтобы минский план был легким в реализации. Вряд ли территориальную целостность Украины удалось бы сохранить, но вариант чехословацкого развода был явно предпочтительнее, чем югославский» [3].

Украинское руководство и СМИ, неадекватно оценивая происходящее и рассчитывая на безоговорочную поддержку Запада, а также на скорый крах России, развернули кампанию дискредитации минских соглашений. Они были преподнесены украинскому обществу как военная хитрость, позволившая выиграть время и лучше подготовиться к войне на уничтожение населения Донбасса. Практически любой сторонник выполнения соглашений объявлялся предателем. Год такой пропаганды закрыл для Киева возможность изменения позиции. Власть теперь не в состоянии объяснить народу, зачем он, народ, так страдал.

Так Киев загнал себя и в другую ловушку. Даже если абстрагироваться от того факта, что военные действия малой интенсивности, включая обстрелы жилых кварталов городов Донбасса, все это время продолжались, а значит пропасть ненависти Донбасса к Украине не уменьшалась, а росла. Надо учесть, что Донбасс просто не мог жить в условиях полной экономической блокады. Уже к осени 2014 года на территориях ДНР и ЛНР разразилась гуманитарная катастрофа, снять остроту которой позволили только массированные гуманитарные поставки из России. Но для уменьшения последствий блокады ДНР и ЛНР необходимо было восстанавливать собственную экономику.

Точно так же необходимо было воссоздавать административную вертикаль, реанимировать коммунальные службы, восстанавливать работу больниц, школ и вузов. Необходимо было регистрировать рождения и смерти, выдавать пенсии, дипломы, аттестаты и паспорта [3].

При условии, что Украина начала бы выполнение Минска, все эти процессы происходили бы в ее правовом поле и с ее участием. Но Киев категорически отказался от такого подхода, рассчитывая, что в ДНР и ЛНР население не выдержит трудностей и останется в убивающей его Украине [3].

В результате, республики вынуждены были фактически интегрироваться в рублевую зону. Их внешняя торговля, в том числе и с Украиной, также осуществляется через Россию. Они не смогли добиться выдачи российских паспортов, но начали выдавать собственные документы, по факту признаваемые Россией. За последний год Донбасс постепенно технически ушел от Украины дальше, чем в результате военных действий. И каждый новый шаг увеличивал количество трудностей по его реинтеграции в украинское правовое пространство [3].

Отказ Киева от реализации мирного плана привел к созданию новой, оторванной от Украины, государственной системы. Фактически произошло то же самое, что с республиками СССР после распада Союза. В первые годы политические и экономические системы новых государств почти не отличались. Поначалу люди и границ-то не замечали, и гражданство можно было поменять, просто переехав из города в город. Казалось, что достаточно простого политического решения, и на следующий день вновь возродится единая страна.

Что принесло вооруженное противостояние сторонам, и что минский процесс дал республикам? Во-первых, политическую субъектность, во-вторых, дипломатическую победу, т. к. подписанная Киевом политическая часть договоренностей предполагает и изменение территориального устройства, и изменение политического режима. В-третьих, уменьшение интенсивности обстрелов и боевых действий. В-четвертых, успешное государственное строительство. В-пятых, возможность восстанавливать разрушенное и вести социально-экономическое строительство. В-шестых, ДНР и ЛНР – это ориентир для других территорий Украины и возможность их самореализации. И, наконец, в-седьмых, – все тот же статус непризнанных государственных образований и со стороны Западного мира, и со стороны Российской Федерации [3].

Сам по себе этот статус в системе современного международного права не является изоляционистским. Непризнанные государства – это всего-навсего общее название тех регионов, которые провозгласили себя суверенными государствами и обладают следующими признаками государственности:

- наличие названия, указываемое как официальное;
- атрибуты – государственные символы;
- население;
- контроль над территорией;
- система управления, включая руководство, органы власти, очень часто – собственные вооруженные силы;

- система права, включая конституцию и другие кодифицированные юридические документы, принятые выборным государственным законодательным органом.

Сам статус «непризнанности» не прописан и не кодифицирован в международном праве, но в практике международных отношений это понятие употребляется и означает, что такие государства не имеют дипломатического признания со стороны государств-членов ООН, а их территория, как правило, расценивается государствами-членами ООН как находящаяся под суверенитетом одного или нескольких государств-членов ООН.

К таким государствам международно-правовая практика относит: Нагорно-Карабахскую Республику, Приднестровскую Молдавскую Республику, Республику Гагаузия, Республику Сербская Краина, Республику Сербская, Сомалиленд на северо-западе Сомали, Вазиристан (Пакистан), Государство Шан (Мьянма) и другие. Подобных государств в мире всего около 30-ти, если учитывать и частично признанные государства, например, Китайская Республика на острове Тайвань. И, конечно же – Донецкая и Луганская Народные Республики.

Исходя из вышеизложенного и учитывая внутри- и внешнеполитические реалии, которые сложились на сегодня, **выводы** исследования сводятся к тому, что и Донецкая, и Луганская Народные Республики могут позиционировать себя в рамках международного сообщества как такие государственные образования, которые имеют все необходимые и прописанные в международном праве атрибуты полноценных государств:

1. Наличие учредительных (организационных) документов, в которых изложены цель создания и задачи государства: конституция, военная доктрина, система законодательства.

2. Управление и планирование: публичная власть (глава государства и правительства, парламент, суд), нормирование жизни общества (система права), государственная (политическая и внешнеполитическая) деятельность, хозяйственная деятельность (экономика), денежная система, налоговые сборы, государственная казна.

3. Собственность (ресурсы).

4. Территория.

5. Население.

6. Наличие подчиненных организаций: правоохранные органы, вооруженные силы, республиканские и местные административные организации.

7. Наличие государственного языка или языков.

8. Суверенитет (способность государства выступать в международно-правовом поле как признанный другими государствами субъект).

9. Гражданство.

10. Государственные символы – герб, флаг и гимн.

Таким образом, все правовые основания для того, чтобы относительно Народных Республик Донбасса заработал международно-правовой институт признания – есть. И на этих основаниях ДНР и ЛНР могут и должны:

- доказывать необходимость неукоснительного соблюдения права этнонационального сообщества Донбасса на самоопределение с опорой на следующие основополагающие документы: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах и Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.; Хельсинкский Заключительный акт 1975 года; Итоговый документ Венской встречи 1986 года; документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1990 г. и другие международно-правовые акты;

- добиваться квалификации действий Украины в отношении ДНР и ЛНР как государственного терроризма и терроризма, поддерживаемого государством в соответствии с положениями Женевской конференции по вопросу терроризма 1987 года и женевскими конвенциями: Женевская конвенция (I) об улучшении участи раненых и больных в армиях; Женевская конвенция (III) об обращении с военнопленными; Женевская конвенция (IV) о защите гражданского населения во время войны;

- рассматривать минские соглашения как многомерную площадку разрешения более широких проблем между Россией и Западом, а не только как внутриукраинскую проблему отношения территорий и центра, возникшую после киевского переворота 2013–2014 гг.;

- доказывать, что саботируя минский процесс, Украина закрывает возможность возвращения ДНР и ЛНР в единое государственно-правовое пространство в качестве федеративной или автономной административной единицы;

- инициировать вопрос о строгом соблюдении Киевом не только минских договоренностей, но и так называемого Большого договора о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной 1998 года. Либо ставить вопрос о его денонсации и тем поставить под сомнение легитимность включения правительством Советской России Донбасса и Новороссии в состав СССР в 1924 году.

Напомним, что согласно «Договору о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» 1998 года обе страны до сих пор гарантируют гражданам другой страны права и свободы на тех же основаниях и в таком же объеме, что и своим собственным гражданам, кроме случаев, установленных национальным законодательством государств или их международными договорами. Каждая из стран защищает в установленном порядке права своих граждан, проживающих на территории другой страны, в соответствии с обязательствами по документам Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе и других общепризнанных принципов и норм международного права, договоренностей в рамках Содружества Независимых Государств, участником которого Украина уже не является.

При этом и Украина, и Россия обязывались принимать на своей территории необходимые меры, включая принятие соответствующих законодательных актов для предотвращения и пресечения любых действий, представляющих собой подстрекательство к насилию или насилие, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной нетерпимости.

Список литературы

1. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles
2. Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной. Ратифицирован Федеральным законом РФ от 2 марта 1999 года № 42-ФЗ. (Текст документа сверен по: «Бюллетень международных договоров» – № 7. – июль 1999 года).
3. Ищенко Р. И преступление, и ошибка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://politinform.su/politika/politika-novost-dnya/52626-i-prestuplenie-i-oshibka-rischenko.html>
4. Конституція України: офіц. текст. (прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 р. із змінами, внесеними Законом України від 8 грудня 2004 р.: станом на 1 січня 2006 р.). – К.: Мін-во Юстиції України, 2006. – 124 с.
5. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon
6. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon
7. The Geneva Declaration on terrorism. – UN General Assembly Doc. – A/42/307. – Geneva, 29 May, 1987. – Annex.

In the article author does the analysis of legal status of Donetsk Republic of People's in the system of international law. Separate attention author concentrate to the institute of confession of the new states and his modern legal practice.

Keywords: *institute of confession, state terrorism, terrorism supported by the state, unrecognized states, partly confessed states.*

УДК 343.985.2

Степанов Ю. В.

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая академия»,
г. Донецк
e-mail: 1_sy@mail.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ТАКТИКИ ДОКУМЕНТИРОВАНИЯ
ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОМПЬЮТЕРНЫХ СЕТЯХ И
СЕТЯХ ЭЛЕКТРОСВЯЗИ**

Получена 10 сентября 2016; принята 15 сентября 2016.

Stepanov Yu.

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: 1_sy@mail.ru

**THE ORETICAL BASICS OF TACTICS DOCUMENT CRIMINAL
ACTIVITIES IN COMPUTER NETWORKS AND
TELECOMMUNICATIONS NETWORKS**

Received 10 september 2016; accepted 15 september 2016.

В статье анализируются вопросы теоретических основ документирования преступной деятельности в компьютерных сетях и сетях электросвязи. Рассматривается подход к проблеме со стороны теоретических основ.

Ключевые слова: тактика документирования, компьютерные сети.

Актуальность темы. Современные информационные технологии существенно меняют не только структуру экономики, но и образ жизни, образ мышления людей, механизмы функционирования общественных институтов, институтов государственной власти. Сейчас первое место по значимости влияния на такие изменения, несомненно, занимают технологии компьютерных сетей и сетей электросвязи.

Несмотря на рост сферы компьютерных сетей и сетей электросвязи, подавляющее большинство технологических достижений в этой области, к сожалению, не используется для противодействия современной преступности. Такое утверждение позволяет констатировать, что правоохранительные органы, в частности оперативные подразделения, в некоторых оперативно-тактических ситуациях не имеют адекватных возможностей для качественного и

эффективного документирования преступной деятельности в рассматриваемой сфере.

Цель и задачи исследования. Цель заключается в разработке предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование организации и тактики документирования подразделениями полиции ДНР преступлений в компьютерных сетях и сетях электросвязи.

Объектом исследования являются общественные отношения, связанные с организацией и тактикой производства оперативной разработки преступной деятельности в компьютерных сетях и сетях электросвязи подразделениями полиции ДНР.

Предметом исследования выступают организация и тактика документирования подразделениями полиции ДНР преступлений в компьютерных сетях и сетях электросвязи.

Методы исследования выбраны с учетом специфики объекта, предмета.

Учитывая потенциально безграничное количество оперативно-тактических ситуаций, а также многочисленность факторов влияния на них, условий, обстоятельств и возможностей ОРД (оперативно-розыскной деятельности) при принятии тактических решений, дальнейшее изложение материала работы требует рационализации. Решение этой методической задачи мы считаем целесообразным из-за образования теоретико-методической модели тактических рекомендаций, требует тщательного исследования теоретических основ тактики как одной из ключевых институтов теории ОРД.

Тактика в широком смысле – это определение методов, путей, средств и форм борьбы, наиболее соответствующим конкретным обстоятельствам в данный момент и обеспечивающих стратегический успех (в переносном – приемы, средства достижения какой-то цели, линия поведения кого-то).

Анализ научных исследований. Много ученых используют словарное определение понятия «тактика», подчеркивая тем самым его значение как общенаучной категории. Так В. М. Аتماжитов указывает, что это понятие имеет два значения:

- во-первых, это искусство ведения дела, осуществления какой-либо деятельности;
- во-вторых, – совокупность средств, методов, приемов того или иного вида деятельности [1, с. 30].

Оперативно-розыскная тактика, по мнению Я. Ю. Кондратьева, является системой научных положений и разработанных на их основе рекомендаций по проведению комплекса мероприятий (действий, операций, комбинаций и т. п.) субъектов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемых на основании законов и подзаконных актов с учетом особенностей криминогенной ситуации, направленных на решение задач оперативных подразделений. Ранее исследователь рассматривал тактику ОРД как искусство противодействия криминальной среде, систему целесообразных приемов, действий в различных условиях реализации задач борьбы с преступностью.

Криминалисты и исследователи теории ОРД предложили немало вариантов понятий этого срока, тщательно исследовали его соотношение с родственными понятиями (разведка, методика), подчеркивая те или иные признаки в зависимости от предмета своего исследования.

Как отмечает В. С. Овчинский, оперативно-розыскная тактика по своему содержанию предусматривает: мышление оперативного работника, содержащее оценку оперативно-тактической ситуации; криминального происшествия или угрозы его наступления, сил, качеств и поведения противной стороны, собственных сил, средств и других возможностей; мышления, определяющего образ действия, линию поведения, которое выбирает как непосредственно работник, так и по его заданию (поручению) агенты или другие лица для достижения конкретных целей ОРД [10, с. 274].

Авторы учебника по общей части ОРД ОВД указывают на существование условного разделения оперативно-розыскной тактики на две взаимосвязанные составляющие общую и специальную. Общая тактика преимущественным образом разрабатывает приемы и способы обеспечения форм оперативно-розыскной деятельности, предотвращения, пресечения преступлений, розыска преступников и безвести пропавших лиц, поиска и фиксации оперативно-розыскной информации, осуществления агентурной разработки. Специальная тактика состоит из системы рекомендаций, способов, приемов изучения и анализа конкретной оперативной обстановки (ситуации); обеспечение оперативной разработки агентурой; проведения оперативных комбинаций в процессе внутри камерной разработки задержанных и арестованных; применение специальных средств ОРД (снятия информации с каналов связи, осуществление аудио-видеоконтроля, проверки почтово-телеграфной корреспонденции и т. п.); документирования и реализации материалов оперативной разработки, легализации оперативно-розыскной информации.

Такой подход корреспондируется с методикой исследования понятия и структуры тактики криминалистики, значительно более длительное время развивает эту категорию. Исследуя соотношение оперативно-розыскной и криминалистической тактики, А. Р. Белкин отмечает, что понимание содержания понятия «оперативно-розыскная тактика» не наблюдается, оно имеет различные трактовки [2, с. 57]. Несмотря на то, что существование самостоятельной отрасли знаний – теории ОРД – сейчас уже практически не оспаривается, указывает А. Р. Белкин, отдельные ее разделы иногда по-прежнему включаются в содержание криминалистики. Так, например, И. Н. Лузгин методы проведения ОРМ (оперативно-розыскные мероприятия) причислял к криминалистическим методам. Г. Зуйков, М. П. Шаламов, В. А. Коновалова и др. утверждали, что криминалистическая тактика включает учение о способах и приемах осуществления не только следственных действий, но и ОРМ [8, с. 15]. Опираясь на общее определение криминалистической тактики, предложенное Р. С. Белкиным, Е. Д. Лукьянчиков определил тактику в оперативно-розыскной деятельности как способ действий или линию поведения

лица, для решения конкретной задачи, используя оперативно-розыскные средства в определенном порядке или определенной ею совокупности [9, с. 25].

Отдельные исследователи обратили внимание на присутствие тактических аспектов в понятии «разведка». Так А. П. Снигерёв в докторской диссертации отмечает необходимость проведения двух видов разведки: стратегической и тактической. Поддерживая его мнение, Л. И. Листа конкретизирует: стратегическая разведка – это непрерывный, длительный процесс поиска информации, осуществляемый надежно законспирированными и внедренными в криминогенную среду негласными сотрудниками, изменения, происходящие в организованной преступности и противоправной деятельности лидеров, активных участников ОПГ и их коррумпированных связей; тактическая разведка – это ограниченный по времени поиск информации, которая представляет оперативный интерес о криминогенной среде, разрабатываемых коррумпированных связях, осуществляемый негласными и оперативными сотрудниками.

В одной из своих работ А. В. Дулов впервые обратился к проблеме разработки тактических операций как системы следственных действий в расследовании преступлений.

Я. Баев отмечает, что отдельные тактические задачи расследования не могут быть решены проведением только одной или несколькими следственными действиями даже с использованием в их рамках всех соответствующих тактических приемов, а требуют сложного комплексного подхода к решению задачи, поставленной перед субъектом исследования преступления. Л. Я. Драпкин также указывает, что проведение тактических операций, а тем более их комплекса, существенно оптимизирует процесс расследования. По его убеждению это прекрасно понимает руководство ФБР США, которое усиленно внедряет в практику борьбы с мафией, так называемую тактику ударных групп, фактически представляет собой сочетание давно известных в криминалистике рекомендаций по эффективности тактических операций и расследования преступлений следственно-оперативными органами.

А. Ю. Булукулов справедливо отметил, что в практической деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью, тактические операции проводились и раньше, но из-за отсутствия должной теоретической разработки и соответствующих рекомендаций следователи и оперативные работники органов внутренних дел осуществляли их, опираясь только на собственный опыт, опыт своих коллег или ограниченные сведения, содержащиеся в криминалистической литературе [4, с. 166].

Как категорию криминалистической тактики С. Ф. Здравовко определяет тактическую операцию таким образом: это система одноименных или разноименных, процессуальных или непроцессуальных действий и мероприятий (следственных, оперативно-розыскных, организационных), которые направлены на решение промежуточной задачи расследования, объединенные единым планом и единым замыслом, характеризуются

избирательностью и ситуационной обусловленностью и выполняются под руководством правомочных должностных лиц.

Отдельные юристы считают, что сам термин «тактическая операция» не отражает всей сути понятия, которое рассматривается и заменяет его термином «тактическая комбинация», которая охватывает, по их мнению, определенное сочетание тактических приемов и следственных действий, преследующих цель решения конкретной задачи расследования и обусловлены этой целью и следственной ситуацией.

Анализируя дискуссионные вопросы относительно понятий «тактическая комбинация» и «операция», В. Е. Ткалич также поддерживает точку зрения о том, что они являются самостоятельными категориями и предлагает авторское видение этих понятий: тактическая комбинация – это признанная обстоятельствами дела эффективная совокупность тактических приемов или следственных действий, которая проводится с целью изменения следственной ситуации, поведения или позиции подозреваемых, обвиняемых и других лиц и создает благоприятные условия для выполнения конкретной задачи расследования; тактическая операция – это система процессуальных и непроцессуальных действий и мероприятий (следственных и оперативно-розыскных, организационных), тактических комбинаций с использованием информационных технологий, которая обусловлена ситуационной необходимостью взаимодействия должностных лиц различных служб правоохранительных органов и направлена на выполнение промежуточной задачи расследования [14, с. 12].

Всецело поддерживая тезис о самостоятельности указанных категорий заметим, что в оперативно-розыскной практике ОРД утвердилось понятие «оперативная комбинация», что почти тождественно содержанию с криминалистическим термином «тактическая комбинация». Под названием «оперативная комбинация» она разрабатывалась исследователями и теории ОРД. Так, А. С. Вандышев, Е. О. Дидоренко, В. Самойлов определяют оперативную комбинацию как совокупность действий, которые подтверждают легенду и создают благоприятные условия для осуществления оперативно-розыскных мероприятий.

В. Самойлов определяет оперативную комбинацию как способ решения оперативно-тактических задач тактическим приемом, который облегчает их решение при неблагоприятных условиях. Это способ, основанный на искусственном создании благоприятных условий для решения поставленной задачи [12, с. 15].

А. А. Михайличенко придерживается мнения, что оперативная комбинация – это не только способ решения оперативных задач, не только создание условий для проведения оперативно-розыскных мероприятий, но и неотъемлемый элемент оперативно-розыскной тактики, который включает в себя сочетание тактических приемов, методов, смоделированных оперативным работником с учетом оперативной обстановки, сложившихся различных

способов выполнения, применение которых, по его мнению, способствует решению поставленной задачи.

В отличие от криминалистики, вопрос о структуре оперативной комбинации в теории и практике ОРД стоит более четко, хотя и имеет отдельные разногласия классификационного порядка. Так, Е. О. Дидоренко, И. П. Козаченко, Я. Ю. Кондратьев и другие ученые разделяют оперативную комбинацию на элементы:

- легендирование;
- инсценировки;
- материальное подкрепление.

Возвращаясь к рассмотрению проблемных общетеоретических вопросов тактики, заметим, что в теоретическом и практическом аспекте для организации и тактики документирования важным также является вопрос о разграничении таких категорий, как «оперативно-розыскное мероприятие» и «оперативно-тактическая операция» или «оперативно-розыскная операция», а также их соотношение с термином «оперативная разработка».

Д. В. Гребельский и И. Е. Ложкин определяют оперативно-розыскную операцию как систему (совокупность) оперативно-розыскных и других служебных мероприятий, которые осуществляются централизованно по скоординированному плану в короткий промежуток времени при максимальном использовании сил и средств на соответствующем направлении борьбы с преступностью [7, с. 12].

Ученые среди других оперативно-розыскных операций выделяют специальное комплексное осуществление административных, оперативно-технических и управленческих действий, объединенных единым замыслом и планом, согласованным между собой по времени, месту и целям проведения оперативно-розыскных и других предусмотренных законодательством мероприятий, основанных на использовании гласных и негласных сил, средств, методов и мероприятий ОРД, направленных на предупреждение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений, а также решения сложных оперативно-тактических задач в борьбе с преступностью.

М. Г. Богуславский считает, что термин «операция» приемлем для определения любых комбинационных действий, где сочетаются оперативно-розыскные, административно-правовые, уголовно-процессуальные меры, а также применяются элементы конспирации работников оперативных подразделений и агентуры. Рассматривая понятие оперативно-розыскных операций по борьбе с организованными преступными группами корыстно-насильственного направления, автор трактует этот термин как систему взаимосвязанных по цели, времени и месту оперативно-розыскных мероприятий, которые осуществляются по единому плану, управляются из единого центра и направлены на решения задач борьбы с организованными преступными группами корыстно-насильственного направления [3, с. 131].

По определению А. Ю. Шумилова, оперативно-розыскная операция вообще считается «высшей организационной формой оперативно-розыскной

деятельности». Нетрудно заметить, что в таком варианте понятие оперативно-розыскной операции по уровню абстракции совпадает с понятием «оперативная разработка», что не может не вызвать возражений.

Причиной такого смешивания содержания терминов, по нашему убеждению, служит сложность соблюдения четких классификационных оснований на уровне больших по объему понятий – «организации» и «тактики». Центральным объектом воздействия и организации, и тактики документирования являются ОРМ (оперативно-розыскные мероприятия). Но организация направляет свое влияние на обеспечение деятельности, отвечая на вопрос «за счет чего, каких ресурсов?» осуществлять ОРМ. Тактика же обусловлена необходимостью ответа на вопрос «каким образом?» осуществлять ОРМ. Итак, необходимость выделения в теории ОРД термина «оперативно-розыскная операция» обусловлена потребностями организационного характера, а именно – для отграничения между собой различных по объему расхода ресурсов понятий «действие», «мероприятие», «операция». Выделение же в теории ОРД термина «оперативная разработка» обусловлено потребностями тактического характера – как абстрактного способа решения отдельных задач ОРД, которые иным образом решить невозможно или крайне сложно.

Занимая ключевое место среди фундаментальных понятий теории ОРД, вопрос интерпретации термина «оперативно-розыскное мероприятие» также остается дискуссионным. Рассмотрению понятия ОРМ как предмета научного исследования посвящен ряд научных работ зарубежных специалистов в области ОРД, криминалистики и уголовного процесса, которые предлагают более 30 вариантов его доктринального толкования и др.

В результате монографического исследования рассматриваемого понятия И. В. Сервецкий и Г. А. Якименко предложили определять понятие ОРМ следующим образом: «Оперативно-розыскное мероприятие – это совокупность действий специально уполномоченных законом субъектов оперативно-розыскной деятельности, осуществляемых с соблюдением регламентированных законом оснований и условий, отвечающих нормам морали и нравственности и непосредственно направленные на реализацию целей и задач оперативно-розыскной деятельности» [13, С.45–46].

В. Ю. Голубовский определяет оперативно-розыскные мероприятия как – совокупность объединенных единым замыслом действий, оперативных работников и других лиц участвующих в оперативно-розыскной деятельности, направленных на решение задач в конкретной оперативно-розыскной ситуации [6].

Более содержательное по количеству признаков понятия ОРМ предложил С. И. Захарцев: это составная часть оперативно-розыскной деятельности, сведения об организации и тактике которой составляют государственную тайну, и представляющие собой совокупность действий специально уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, которые осуществляются с соблюдением регламентированных законом оснований и условий, отвечая нормам морали, и которые непосредственно направлены на решение целей и задач оперативно-розыскной деятельности.

А. Ю. Шумиловым течение разного времени предложено несколько вариантов определения этого термина:

- ОРМ – это совокупность отдельных оперативно-розыскных действий, объединенных целью защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств и направленных на решение задач ОРД;

- ОРМ – это общественно значимые умышленно полезные действия, предусмотренные Федеральным Законом, оперативно-розыскные активные действия (действие, мероприятие или операция), с помощью которых осуществляется оперативно-розыскная деятельность;

- ОРМ – это совокупность отдельных оперативно-розыскных действий, решений и средств, объединенных целью оперативно-розыскной деятельности (защиты от преступных посягательств определенных объектов) и направленных на решение конкретной задачи оперативно-розыскной деятельности, предусмотренной законом;

- ОРМ – это методы получения фактической информации, необходимой для принятия решений в оперативно-розыскной деятельности (по конкретному делу оперативного учета, сигнале, в оперативно-проверочной работе и т. п.).

Заметим, что в большинстве вариантов трактовки термина «оперативно-розыскное мероприятие» ученые не учитывают его ключевой, по нашему убеждению, признак – негласный характер. Исключением есть предложения К. В. Антонова, М. А. Погорецкая, В. С. Кубарева. Так, К. В. Антонов и В. С. Кубарев включают этот признак непосредственно в понятие ОРД. М. А. Погорецкий применяет указанный признак в понятии ОРМ, понимая под ним совокупность согласованных, взаимосвязанных и объединенных между собой общей целью и задачами действий уполномоченных законом «Об ОРД» субъектов, осуществляются преимущественно негласно путем использования оперативных сил, средств, методов и форм. За исключением словосочетания «и форм», мы считаем это понятие вполне пригодным для использования в нашей работе.

Проведенный анализ понятийно-категориального аппарата науки ОРД способствует обоснованной разработке теоретико-методической модели тактических рекомендаций по документированию оперативными подразделениями ГСБЭП преступной деятельности в компьютерных сетях и сетях электросвязи.

Прежде всего, тактика документирования преступной деятельности, в том числе и в рассматриваемой сфере, основывается на оперативно-тактической ситуации, определяет исходные предпосылки и обстоятельства принятия рационального тактического решения. Так, рассматривая природу оперативно-розыскной ситуации, В. Самойлов указывает, что:

- изучение и оценка оперативно-розыскной ситуации является первичным элементом структуры оперативно-розыскной тактики;

- основное назначение данного элемента оперативно-розыскной тактики – создание условий для нахождения правильного тактического решения;

- оперативно-розыскная ситуация содержит совокупность данных об уголовном событии и условии, в которых необходимо найти решение для осуществления оперативно-розыскного мероприятия и обеспечить его реализацию;

- элементами оперативно-розыскной ситуации являются: оперативно-тактическая характеристика на определенный момент определенной уголовной или криминогенной ситуации; характеристика условий, в которых оказывается это событие; характеристика реальных возможностей оперативного работника по принятию необходимых мер для решения задачи, которая возникла [11, с. 23].

В то же время, теория оперативно-розыскного документирования заранее вооружает оперуполномоченного знаниями о направлениях документирования, то есть ориентиры производства ОРМ, но еще до ознакомления с оперативно-тактической ситуацией. Наиболее устойчивая в теории ОРД классификация направлений оперативно-розыскного документирования предусматривает следующие:

- установление лиц, которые осведомлены о преступной деятельности фигурантов оперативной разработки;

- выявление и обеспечение сохранности предметов и документов, которые использовались для совершения преступления;

- фиксация преступных действий лиц, которые разрабатываются.

Ключевым вопросом, на который можно уверенно опираться в исследовании благодаря его непротиворечивости и достаточной определенности, есть признанная классификация способов решения задач оперативной разработки. Как отмечает А. Ф. Пристав, эти способы бывают весьма разнообразными и многочисленными и зависят от условий, складывающихся в том или ином деле. При всей своей внешней схожести эти условия все же никогда не бывают абсолютно идентичными, они сугубо индивидуальны. Однако все многообразие способов решения задач агентурной (оперативной) разработки исследователь разделил на две группы:

1) когда используются благоприятные условия, сложившиеся естественно;

2) когда благоприятные условия создаются искусственно (оперативная комбинация) [5, с. 17].

Учитывая состояние противоборства, безусловно, присущую всем оперативно-тактическим ситуациям раскрытия замаскированных преступлений, оперативно-розыскная практика выработала адекватные способы нейтрализации реальному или потенциальному противодействию фигурантов оперативной разработки. В их основу положено легендирование как необходимый элемент любой оперативной комбинации.

Легендирование предусматривает подготовку и сообщение вымышленных сведений с целью дезинформации разрабатываемых лиц и побуждение их к прогнозируемому поведению и действию, тактически выгодных субъекту ОРД.

По результатам анализа оперативно-тактической ситуации, который включает изучение передуголовной или послеуголовной ситуации; характеристики условий, в которых оказывается это событие; характеристики реальных программно-технических, агентурных и иных возможностей оперативного работника по принятию необходимых мер, принимается оперативно-тактическое решение и определяется комплекс ОРМ и агентурных мероприятий, осуществление которых позволит рационально и эффективно выполнить задачу оперативной разработки.

Вывод. Таким образом, теоретико-методическая модель тактических рекомендаций по документированию оперативными подразделениями ГСБЭП преступной деятельности в компьютерных сетях и сетях электросвязи, на наш взгляд, должна включать следующие компоненты:

1. Ситуационная цель и задачи, ее конкретизирующие.
2. Типичные оперативно-тактические ситуации.
3. Типичные обстоятельства, способствующие выполнению задач которые складываются естественным образом.
4. Типичные оперативные комбинации.
5. Средства для легендирования.
6. Комплекс целесообразных ОРМ.
7. Агентурное обеспечение документирования.

Список литературы

1. Аتماжитов В. М. Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений / В. М. Аتماжитов. – М.: Акад. МВД СССР, 1981. – 79 с.
2. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: Норма, 2005. – 528 с.
3. Богуславський М. Г. Організація і тактика оперативної розробки організованих злочинних груп корисливо-насиленницького спрямування (за матеріалами підрозділів ГУБОЗ МВС України): дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук: спец. 21.07.04. – Дніпропетровськ., 2007. – 236 с.
4. Булулуков О. Ю. Тактическая операция «Личность преступника» в расследовании убийств при отсутствии трупа. / Проблеми законності : респ. міжвідом. наук. зб. / Відп. ред. В. Я. Тацій. – Харків: Нац. юрид. акад. України, – 2001. – Вип. 49. – С. 166–174.
5. Возный А. Ф. Основные положения оперативной разработки: обзорная лекция. – К.: КВШ МВД СССР, 1973. – 40 с.
6. Голубовский В. Ю. Оперативно-розыскная деятельность: Словарь-справочник. - М.-СПб., 2001. – 179 с.
7. Гребельский Д. В., Ложкин И.Е. Некоторые вопросы теории и практики проведения операций / Вестник штабной работы, 1974. – № 15. – С. 5–12.

8. Коновалова В. Е. Теоретические проблемы следственной тактики (познавательная функция логики и психологии в следственной тактике): дис. на соискание учен. степ. докт. юрид. наук : спец. 12.00.08. – Х., 1966. – 663 с.
9. Лук'янчиков Є. Д. Інформаційне забезпечення розслідування злочинів (правові і тактико-криміналістичні аспекти) : дис. на здобуття наук. ступеня докт. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Кримінальний процес і криміналістика; судова експертиза». – К., 2005. – 429 с.
10. Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. – М.: Инфра-М, 2000. – 367 с.
11. Самойлов В. Г. Документирование по делам оперативной разработки: учебное пособие. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1978. – 140 с.
12. Селиванов Н. А. Советская криминалистика: система понятий / Н. А. Селиванов. – М.: Юрид. лит, 1982. – 152 с.
13. Сервецький І. В. Якименко І. В. Теорія оперативно-розшукових заходів: монографія. – К.: «ДП Друкарня МВС України», 2006 – 239 с.
14. Ткаліч В. Є. Тактика використання інформаційних технологій і засобів масової інформації при розкритті і розслідуванні злочинів, вчинених організованими злочинними угрупованнями: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. юрид. наук.: спец. 12.00.09 «Кримінальний процес та криміналістика; судова експертиза». – Одеса, 2008. – 20 с.

The article analyzes the issues of the theoretical foundations of documenting criminal activity on computer networks and telecommunication networks. An approach to a problem with the part of the theoretical foundations.

Keywords: tactics documentation, computer networks.

УДК 341.1

**Субботин Вл. Н.
Маринец Р. А.**

Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования «Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: wladislaw_subbotin@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОРПОРАЦИЙ (ТНК)

Получена 14 сентября 2016; принята 21 сентября 2016.

**Subbotin Wl.
Marinets R.**

State educational establishment of higher
professional education «Donbass law
academy», Donetsk
e-mail: wladislaw_subbotin@mail.ru

INTERNATIONAL LEGAL STATUS OF MULTINATIONAL CORPORATIONS (MC)

Received 14 september 2016; accepted 21 september 2016.

В статье рассмотрены основные подходы к выработке международно-правового статуса транснациональных корпораций, рассматриваются результаты такой международной деятельности, выделяются главные проблемы современных ТНК.

Ключевые слова: транснациональные корпорации, правовой статус, международно-правовое регулирование, современные проблемы.

Актуальность темы. В современных условиях политического и экономического развития государств особое значение приобретает деятельность транснациональных корпораций (далее – ТНК), которые оказывают существенное влияние на ситуацию в мире. В силу этого особенно необходимо выработать принципы и подходы правового регулирования деятельности ТНК. Следует также отметить, что ТНК, созданные на постсоветском пространстве, в настоящее время находятся на начальной стадии развития. Этим обусловлена слабая степень их отраслевой и географической специализации, что порождает существенный риск их поглощения корпорациями, созданными существенно раньше. Все это обуславливает актуальность научной проблемы правового регулирования деятельности ТНК, а также формирования правовых пределов их влияния на современную экономику. Следует отметить, что в современной юридической и политической науке многие аспекты регулирования деятельности ТНК до настоящего

времени остаются дискуссионными. Среди них – правосубъектность ТНК, соотношение политического и хозяйственного влияния государств и ТНК, влияние ТНК на международные отношения и т. д. Вместе с тем, существуют разные оценки современных тенденций глобализации хозяйственной жизни и их влияния на другие социально-политические процессы в мире. Так, известный философ и культуролог С. Лем отмечал, что в литературе наиболее часто получают отражение экономические, информационные и социологические составляющие отмеченных тенденций. Оценивая масштабы глобализационных процессов, польский мыслитель предлагает сравнивать их с новым Великим переселением народов [3, с. 64]. По нашему мнению, подобное влияние демографических и социологических процессов на глобализацию является одним из важнейших факторов, приведших к формированию и развитию ТНК.

Степень разработанности научной проблемы. Проблемам исследования теории и практики деятельности транснациональных корпораций посвящено значительное количество работ юристов, политологов, историков и экономистов. Наиболее значительными из них, на наш взгляд, являются труды таких авторов, как С. А. Афонцев, С. А. Бартенев, А. С. Булатов, Л. Д. Градобитова, В. М. Грибанич, Р. С. Гринберг, М. Г. Делягин, С. И. Долгов, Р. И. Зименков, В. Л. Иноземцев, Т. М. Исаченко, В. М. Колесов, Н. Н. Косолапов, Н. Н. Ливенцев, А. Г. Мовсесян, М. Н. Осьмовой, Я. Ш. Паппэ, В. Е. Рыбалкин, Н. А. Симония, В. Б. Супян, Р. И. Хасбулатов, Ю. А. Щербанин, В. Д. Щетинин, А. А. Яковлев и др. При этом основное внимание в работах отмеченных авторов уделяется влиянию глобализационных процессов на становление и развитие ТНК России и других государств ближнего зарубежья, их влияние на современные политико-экономические тенденции.

Целью данной статьи является попытка раскрыть сущность ТНК, определить формы, виды, последствия деятельности ТНК.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи:

- определить сущность и юридическую природу ТНК;
- проанализировать причины возникновения ТНК как феномена современного глобализованного мира и их эволюцию;
- рассмотреть организационную структуру, виды, а также формы ТНК;
- рассмотреть главные аспекты деятельности крупнейших ТНК;
- проанализировать правовые и политические последствия деятельности ТНК;
- рассмотреть различные методы и формы государственного и международно-правового регулирования деятельности ТНК.

Основной материал. Международная хозяйственная деятельность осуществляется при активном участии транснациональных корпораций. Их деятельность является одним из объектов правового регулирования. Выработка подходов и реализация подобного регулирования пережила сложную эволюцию, при этом развитие подходов к правовой регламентации деятельности ТНК продолжается.

Так, первой попыткой создания правил работы ТНК считается разработка и принятие в 1937 г. Кодекса стандартов рекламной деятельности в рамках деятельности Международной торговой палаты. Однако целенаправленное правовое регулирование правил поведения ТНК на мировом и региональных рынках стало в полной мере осуществляться лишь после формирования системы Организации Объединенных Наций. Международная Организация Труда, Комиссия ООН по ТНК и Организация Международного Сотрудничества практически одновременно во второй половине семидесятых годов осуществили попытки кодификации правил поведения ТНК. Данные правила разрабатывались на основе национальных (США, страны Европы, развивающиеся государства) подходов к регулированию хозяйственной и политической деятельности ТНК. Выработка международных стандартов деятельности ТНК была продолжена в последующие десятилетия. Исчерпывающего международно-правового, регионального или национального нормативно-правового акта, регулирующего все аспекты деятельности ТНК до настоящего времени не создано [1, с. 101].

Следует отметить, что в разработке правовой регламентации деятельности ТНК, начиная с 90-х гг. прошлого столетия, активное участие приняли сами корпорации, ведущие хозяйственную деятельность в двух или более государствах. Важной вехой правового регулирования деятельности ТНК было принятие под эгидой Международной организации труда в 1977 г. Трехсторонней декларации принципов, касающихся мультинациональных предприятий. Следует отметить, что общеупотребимое наименование данного международного нормативно-правового акта отсутствует, в международно-правовой практике чаще всего употребляется термин Декларация для многонациональных предприятий (на английском языке – Multinationals Enterprises Declaration).

Большая работа по правовому регламентированию деятельности ТНК была предпринята в рамках Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД).

Таким образом, международно-правовая регламентация различных аспектов деятельности ТНК реализуется с помощью целого комплекса международных нормативных актов.

В связи с этим была предпринята попытка выработки общепринятой дефиниции ТНК, которая была бы приемлема для большинства стран мира и самих многонациональных корпораций. В качестве основных критериев к определению ТНК современное международное право выделяет, во-первых, количество стран, где ведется экономическая деятельность; во-вторых, количество государств происхождения активов корпорации, под которой чаще всего понимается доля зарубежных активов [4, с. 78].

В первую очередь международно-правовые документы подчеркивают важность и значительную роль многонациональных субъектов хозяйственной деятельности в современной международной экономике и хозяйственной жизни отдельных стран. При этом выделяются государства базирования и

принимающие страны. По нашему мнению, это влечет определенное неравенство в оценке деятельности ТНК для конкретных государств.

Важными аспектами международно-правовой регламентации деятельности ТНК признаются:

- 1) обеспечение занятости населения и сокращение уровня безработицы, включая равенство возможностей в гендерном и возрастном аспектах, обеспечение безопасности;
- 2) реализация программ подготовки кадров, охватывающей стандарты квалификации персонала;
- 3) социальные стандарты, касающиеся охраны труда, пенсионного и иных видов обеспечения;
- 4) культуру разрешения производственных конфликтов;
- 5) исключение принудительного труда детей и подростков [6, с. 202].

Правовой режим деятельности ТНК также включает целый ряд стандартов, касающихся соблюдения национального и международного законодательства о труде, взятых на себя социальных и экономических обязательств, исключения недобросовестной конкуренции.

Вместе с тем, следует учитывать, что современные ТНК не всегда последовательно проводят интересы мирового сообщества и отдельных государств, даже в том случае, если именно в данной стране проводится хозяйственная деятельность той или иной корпорации. С одной стороны, государства, принимающие участие в международной хозяйственной деятельности, вынуждены следовать стандартам стран, являющихся лидерами в мировой экономике, всесторонне учитывать их интересы в различных областях с тем, чтобы хоть в какой-то мере отстаивать собственные национальные приоритеты. Данное обстоятельство, с нашей точки зрения, в полной мере учитывают ТНК, которые лоббируя собственные позиции в законодательных органах ведущих стран, в известной мере заставляют остальные государства осуществлять выгодные им действия. С другой стороны, современные ТНК часто избирают для размещения головных офисов небольшие государства и оффшорные зоны, что позволяет им отыскивать определенные лазейки в национальном законодательстве и проводить собственную политику без учета интересов стран и народов мира. Как справедливо, по нашему мнению, отмечает уже упоминавшийся Д. Л. Лысенко, «подразделения ТНК, представляющие собой, как правило, отдельные юридические лица, являются субъектами национального права тех государств, где они находятся» [5, с. 112].

В некоторых случаях ТНК молчаливо одобряют установление правительствами стран-лидеров дискриминационных режимов для тех или иных государств, что делает их весьма удобным инструментом проведения международной политики. Примером может служить уход с российского авторынка брендов Opel и Chevrolet, входящих в состав ТНК General Motors, реализованный под надуманным предлогом в 2015 г. [7]. Данный шаг вызвал целый ряд серьезных проблем с гарантийным и постгарантийным обслуживанием автотехники для российских владельцев и в полной мере, с

нашей точки зрения, может рассматриваться как нарушение основополагающих принципов свободы торговли.

Сказанное позволяет говорить о накоплении целого ряда негативных тенденций в деятельности ТНК, которые в целом ряде случаев начинают преобладать.

Подчеркнем, что некоторые аспекты хозяйственной деятельности ТНК, в том числе и проблемные, оказываются на стыке нескольких отраслей современного международного права. Так, относительное удешевление транспортирования на околоземную орбиту грузов и, самой главное, реализация пилотируемых орбитальных полетов на первый взгляд должны привести к постепенному исчезновению монополии государства на проведение космической деятельности. Одной из характерных черт в данной сфере является космический туризм, под которым предлагается понимать оплачиваемые из частных средств полеты в космос или на околоземную орбиту в развлекательных или научно-исследовательских целях. Сама идея космического туризма впервые была затронута в публицистических материалах целого ряда зарубежных предпринимателей, которые начали регулярно выходить в свет, начиная 1967 году. В данных материалах впервые была сделана попытка обосновать идею коммерциализации космоса. Однако в то время она не получила поддержки. В число первых частных компаний, созданных для осуществления негосударственных космических полетов, вошли несколько субъектов предпринимательской деятельности, претендующих на статус транснациональных корпораций. Так, Blue Origin – аэрокосмическая компания, расположенная в 40 км к северу от города Ван-Хорн, округ Калберсон, штат Техас, США, была создана в 2000 году для космического туризма основателем Amazon.com Джеффри Безосом и находится на территории его ранчо. Также отметим Space Exploration Technologies Corporation (SpaceX) – американскую компанию, производитель космической техники со штаб-квартирой в городе Хоторн, Калифорния, США, она была основана в 2002 году. Virgin Galactic – компания, входящая в Virgin Group и планировавшая осуществлять, начиная с 2012 года, туристические суборбитальные космические полеты и запуски коммерческих искусственных спутников. В будущем компания планировала предложить своим клиентам и орбитальные полеты.

Таким образом, космический туризм начал активно развиваться в конце XX века. В 1986 году на Международном конгрессе астронавтики (International Astronautical Congress) был представлен доклад на тему «Вероятные экономические последствия развития космического туризма» (Potential Economic Implications of the Development of Space Tourism), который вызвал массу обсуждений не только в научных, но и бизнес кругах [2].

В данной связи поставим вопрос об ответственности отдельных корпораций за возможное нанесение экологического и иного ущерба, включая ущерб жизни и здоровью, в результате реализации тех или иных космических программ. Как известно, современное международное космическое право

называет основным субъектом космической деятельности именно государства, поскольку они способны возместить или компенсировать такой ущерб. Отдельная, даже весьма крупная, корпорация может не располагать для этого необходимыми возможностями или денежными средствами. Страхование рисков, вытекающих из подобного рода деятельности, также представляется нам проблематичным ввиду большого масштаба задействуемых сумм.

Выводы. Для современной мировой политической жизни и экономики характерны процессы глобализации и транснационализации, осуществляемые сравнительно быстрыми темпами. В них одной из главных движущих сил выступают так называемые транснациональные корпорации (ТНК), представляющие собой субъекты хозяйственной деятельности, состоящие из головной (родительской, материнской) компании и одного или более зарубежных филиалов. Правовой статус ТНК в современном мире остается одной из серьезных проблем, несмотря на довольно длительные попытки его определения и фиксации на международно-правовом уровне, начавшиеся еще в 1937 г., когда был создан первый Кодекс поведения ТНК. В итоге были разработаны стандарты в области трудовой деятельности, охраны труда, экологии и корпоративной этики. В тоже время, ТНК, используя имеющиеся у них рычаги влияния на государственную и международную политику, проводят деятельность сугубо в свои интересах, либо в определенной степени помогают крупным государствам реализовывать свои геополитические интересы.

Вместе с тем, в научной литературе практически отсутствуют обобщающие работы, посвященные правоохранительной деятельности современных ТНК, правовой регламентации создания частных вооруженных подразделений и принципов их взаимодействия с государственными органами. Данные аспекты могут быть направлениями дальнейших научных разработок в области исследования правового статуса транснациональных корпораций.

Список литературы

1. Додонов В. Н. Право международной торговли: Слов.-справ. / Под ред. Б. И. Пугинского. – М.: Славия, 1997. – 297 с.
2. Космический туризм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/55166>
3. Лем С. Глобальная глобализация. // Химия и жизнь. – 2015. – № 9. – С. 64–65.
4. Лысенко Д. Л. Регламентация деятельности транснациональных корпораций на универсальном уровне. / дис. ... канд. юрид наук. – М., 2003. – 188 с.
5. Лысенко Д. Л. Регламентация деятельности транснациональных корпораций на универсальном уровне. / дис. ... канд. юрид наук. – М., 2003. – 188 с.
6. Рязанцев С. В., Ткаченко М. Ф. Мировой рынок труда и международная миграция. – М.: Экономика. 2010. – 303 с.
7. GM объявила об уходе Opel с российского рынка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.forbes.ru/news/283083-gm-obyavila-ob-ukhode-opel-i-chevrolet-s-rossiiskogo-rynka>

In the article the basic going is considered near making of mezhdunarodno-pravovogo status of multinational corporations, the results of such international activity are examined, the main problems of modern TNK are selected.

Keywords: multinational corporations, legal status, international-law adjusting, issues of the day.

УДК 343.914

**Хлыстова Н. Б.
Богославец Т. С.**

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

ПРОФИЛАКТИКА ЖЕНСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Получена 15 сентября 2016; принята 22 сентября 2016.

**Khlystova N.
Bogoslavets T.**

State educational establishment of
higher professional education « Donbass
law academy», Donetsk
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

PREVENTION OF FEMALE CRIME

Received 15 september 2016; accepted 22 september 2016.

Статья посвящена обоснованию необходимости построения профилактической работы органов внутренних дел с учетом неблагоприятных тенденций женской преступности и ее тесной связью с социальными факторами и взаимодействием с такими институтами как семья, учебные заведения, трудовые коллективы, женское движение, церковь, средства массовой информации. Представляется целесообразным в составе территориальных местных органов внутренних дел иметь инспектора по работе с женщинами, который координировал бы предупредительную деятельность.

Ключевые слова: личность преступника, женщина-преступник, предупреждение преступлений, профилактика, уровни профилактики.

Актуальность проблемы. Успешное предупреждение преступности предполагает предварительный глубокий анализ всех ее составных частей,

современных тенденций и процессов и, конечно, причин. Не менее важно знать, в чем конкретно состоит негативное влияние того или иного явления преступности на общество и его основные институты. В настоящее время имеется большая необходимость в изучении женской преступности, какие источники питают данный вид преступности в целом, в чем причины преступного поведения женщин, ради чего они допускают подобные действия. Это необходимо в связи с интенсивным ростом данного вида преступности в нашем государстве. Женская преступность является показателем нравственного здоровья общества, его духовности, отношения к базовым общечеловеческим ценностям.

Цель исследования. За последние 10 лет ежегодное совершение женщинами наиболее опасных посягательств – умышленных убийств, тяжких телесных повреждений, хулиганских действий и некоторых других – возросло почти вдвое. Наблюдается тенденция криминализации молодых женщин и девушек, в том числе несовершеннолетних. Угрожающие размеры приобретает проституция и транснациональная торговля женщинами. Поэтому важным и своевременным является изучение описанного явления в современных условиях развития общества.

Изложение основного материала. Наиболее перспективными направлениями борьбы с преступностью в наших условиях являются, во-первых, продуманная социальная политика, ориентированная на человека, его нужды и интересы. Во-вторых, создание и развитие на современном уровне системы предупреждения преступлений. Заложенные в нашей стране основы и сложившаяся затем система предупреждения преступности в период разрушения тоталитаризма были, по существу, ликвидированы. Многими же западноевропейскими и азиатскими странами положительный опыт в этом направлении был с успехом воспринят и модернизирован. В первую очередь забота общественности и государства должна касаться безнадзорных, «трудных», «запущенных» детей и подростков, а также определенных групп взрослого населения (женщины, безработные, мигранты, алкоголики, наркоманы).

Третьим направлением является рациональная уголовная политика. Угроза уголовного наказания, несомненно, имеет сдерживающее значение, хотя ее и не следует переоценивать. Эффективная уголовная политика должна предусматривать дифференцированный подход к преступникам с учетом тяжести содеянного и личности виновного, в связи с чем уголовное законодательство должно поддерживать разумный баланс более строгих и более мягких мер. В-четвертых, необходима коренная перестройка пенитенциарной системы, которая должна соответствовать европейским и мировым стандартам и служить адаптации заключенного к нормальным условиям человеческой жизни. Неотъемлемым элементом должна стать система ресоциализации после освобождения из мест заключения. В современных условиях есть только отдельные элементы этой системы (например, административный надзор), но целостного института, обеспечивающего адаптацию освобожденного к условиям нормальной жизни на воле, пока не

существует. Наконец пятое направление – это широкое и последовательное использование научных рекомендаций в сфере борьбы с преступностью. Давно поднимается вопрос об обеспечении криминологической экспертизы подготавливаемых проектов новых законов. Не секрет, что многие из них способствуют не улучшению, а ухудшению криминальной ситуации (к примеру, в финансовой, таможенной, банковской сферах) и невольно создают условия, благоприятствующие мошенникам, взяточникам, деятелям организованной преступности [7, с. 197–198].

Мировой опыт показывает, что эффективность применения жестких мер воздействия на преступность всегда недолговечна: если первичный успех не закреплялся целой системой иных мер воздействия, кривая преступности вновь ползла вверх. Поэтому акценты в антикриминальной политике развитых государств были перенесены на преступность, развитие мер социальной превенции [6, с. 230–231]. Место концепции наказания ныне занимает подход, объединяющий в себе как специфические формы обращения с преступником (предупреждение, наказание и последующая ресоциализация), так и формы и методы воздействия на причины и условия преступности.

Предупреждение преступлений выступает в качестве определенной области социального планирования и управления. Нами под предупреждением преступности понимается система мер, предпринимаемых обществом для того, чтобы сдерживать рост преступности и снизить, по возможности, ее уровень посредством устранения ее причин и способствующих условий, а также путем предотвращения и пресечения конкретных преступлений. Таким образом, цель предупредительной деятельности заключается в том, чтобы путем соответствующего воздействия на криминогенные объекты добиваться снижения преступности до минимума, доступного для данного общества в данный период времени.

Предупредительная деятельность протекает в виде профилактики, предотвращения и пресечения. Профилактика – это деятельность по устранению, нейтрализации или ослаблению факторов, порождающих преступность или способствующих ей. В зависимости от того, на какие негативные явления и процессы направлены профилактические меры, в отечественной криминологии выделяют такие виды профилактики, как: упреждение, ограничение, устранение и защита. Профилактика упреждения охватывает деятельность различных субъектов борьбы с преступностью, направленную на предупреждение возникновения криминогенных явлений и процессов в общественной жизни путем заблаговременного информирования об общественно опасных явлениях, могущих возникнуть и непосредственно или опосредованно детерминировать те или иные проявления. Она включает широкий комплекс социально-экономических, идеологических, политических, правовых, демографических и иных мероприятий.

Предотвращение преступлений представляет собой систему действий, направленных на воспрепятствование осуществлению преступного намерения

конкретного лица до начала посягательства на стадиях обнаружения умысла либо подготовки к преступлению.

Пресечение, заключающееся в действиях, направленных на прекращение уже начавшейся преступной деятельности и предотвращение преступного результата, в отличие от профилактики и предотвращения преступлений, не освобождает от уголовной ответственности за покушение на преступление или даже за оконченное преступное посягательство.

Субъекты предупредительной деятельности – это юридические и физические лица, выполняющие эту работу. Они делятся на специализированные и неспециализированные в зависимости от того места, которое в их функциональных обязанностях занимает борьба с преступностью [4].

Большинство отечественных учебных и монографических изданий по уровню предупредительной деятельности выделяют три группы мер – общесоциальное, специально-криминологическое и индивидуальное предупреждение преступлений (занимающее особое место и представляющее собой конкретизацию общесоциальных и специально-криминологических мер в отношении конкретного лица).

Общесоциальное предупреждение преступности связывается с наиболее значимыми и долговременными видами социальной деятельности, способствующими созданию таких позитивных условий в обществе, которые снижают степень действия криминогенных факторов. Речь идет не о прямом, а косвенном воздействии на криминогенную среду. В наших условиях необходима разработка продуманной социальной политики, ориентированной на человека, его нужды и интересы с целью преодоления экономического и социального кризисов, сокращения разрыва между богатыми и бедными слоями населения, возвращения людям уверенности в завтрашнем дне, снижения уровня конфликтности в быту, на производстве, в политической системе.

Общесоциальное предупреждение женской преступности заключается в:

- совершенствовании законодательства и практики его применения в плане гуманности и милосердия к женщинам, совершившим преступление;
- усилении социальной поддержки безработных женщин (увеличении материальной помощи, содействии их профессиональной переподготовке, создании дополнительных рабочих мест для женщин);
- улучшении бытовых условий жизни людей, укреплении семьи, улучшении условий труда женщин, с тем, чтобы загруженность на работе не мешала уходу за детьми или полноценному отдыху;
- воспитании женского, а не мужского типа поведения;
- организационном и материальном содействии развитию доступных большинству женщин форм проведения досуга;
- проведении культурно-воспитательных мероприятий, направленных на повышения этической, трудовой, эстетической и правовой культуры населения и др.

Однако поскольку указанные проблемы лежат в сфере экономических, правовых и социальных отношений государства, данная деятельность выходит за пределы криминологии.

Специально-криминологические меры предупреждения женской преступности сводятся к:

- выявлению и устранению обстоятельств, способствующих совершению женщинами агрессивных посягательств на жизнь, здоровье, достоинство, а также имущественных преступлений;
- оздоровлению ситуации и обстановки в отдельных микрорайонах и социальных группах (пьяницы, наркоманки, проститутки), наиболее пораженных асоциальными проявлениями;
- обеспечению эффективной деятельности подразделений органов внутренних дел по предотвращению и пресечению преступлений;
- достижению целей, стоящих перед системой уголовной юстиции;
- пропаганде правовых знаний среди женской части населения.

Работниками государственной службы по борьбе с экономическими преступлениями выявляется и пресекается преступная деятельность воровок, мошенниц с финансовыми ресурсами, а также женщин, совершающих хищения в крупных и особо крупных размерах на объектах хозяйствования всех форм собственности, повинных в злоупотреблениях в бюджетной сфере либо в подделке или сбыте поддельных денег. Помимо этого, ними проводится работа по борьбе с таким весьма распространенным среди женщин экономическим преступлением, как фальсификация спиртных напитков и продуктов питания. Кроме выявления и пресечения экономических преступлений, в задачи ГСБЭП входит анализ и прогнозирование развития криминогенных процессов в экономике и своевременное информирование об этих тенденциях органов государственной исполнительной власти.

Весьма важным является участок профилактической работы, выполняемый отделами по обеспечению общественного порядка, отделами участковых инспекторов милиции, отделами паспортной, регистрационной и миграционной работы, отделениями разрешительной системы и карантинной службы, входящими в Управление административной службы милиции. Они обеспечивают охрану общественного порядка, предупреждают и пресекают правонарушения на улицах, в домовладениях и в иных общественных местах. Кроме того, в их задачу входит обеспечение постоянной работы с населением и общественными формированиями, оказание гражданам необходимой правовой помощи и проведение разъяснительной работы по вопросам профилактики нарушений; организация работы по соблюдению паспортного режима, правил проживания и перемещения иностранных граждан и лиц без гражданства; выдача разрешение на выезд и въезд; контроль за соблюдением правил приобретения и использования огнестрельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и средств самозащиты. Их профилактическое значение очевидно.

Большая часть обязанностей участковых инспекторов милиции связана с предупреждением преступности на подведомственных административных

участках. В частности, участковый инспектор выявляет и учитывает женщин, подлежащих учету (ранее судимых, подлежащих постановке на профилактический учет, а также поднадзорных и осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы). Кроме того, учитываются наркоманки, алкоголички, проститутки и иные. При необходимости в установленном порядке он оформляет документы для суда о принятии решения о принудительном лечении этих лиц. Борьба с самогонованием, особенно в сельской местности – важное направление предупредительной деятельности участкового инспектора [5].

Знание людей, проживающих на территории участка, позволяет выявлять и путем проведения индивидуально-профилактической работы вовремя ликвидировать «очаги» семейно-бытовых конфликтов с целью недопущения совершения женщинами преступлений против родственников и соседей. Учитывая специфику женской преступности, диссертанту представляется целесообразным в службах участковых инспекторов выделить специально подготовленных инспекторов по предупреждению женской преступности.

Кроме того, в последнее время значительное внимание стало уделяться введению специальной подготовки сотрудников органов внутренних дел для предупреждения проявлений насилия в семье [1].

Важная роль при этом отводится воспитательно-трудовым колониям, в которых отбывают наказание девушки в возрасте от 14 до 18 лет. С женщинами, лишенными свободы, проводится социальная и воспитательная работа, направленная на профилактику преступлений, в дальнейшем, на воспитание положительного отношения к труду, точного исполнения законов и уважительного отношения к собственности, на повышение культурного уровня. Участие осужденных в профилактических мероприятиях поощряется и учитывается при определении степени их исправления. Данная работа может проводиться более дифференцированно, не только с учетом вида учреждения по исполнению наказаний, установленного в нем режима, но и особенностей различных категорий осужденных, а также последних изменений в уголовно-исполнительном законодательстве.

Важную роль в пропаганде правовых знаний среди женской части населения играют средства массовой информации. Печать, радио, телевидение и другие средства массового воздействия позволяют правоохранительным органам подключиться к системе сложных социальных связей в обществе и, благодаря этому, активно влиять на сокращение сферы негативного воздействия на личность. По данным некоторых исследований, для 84,2 % опрошенных средства массовой информации являются главным источником получения сведений о праве и правоохранительной деятельности [3, с. 138].

Однако эта функция средств массовой информации в настоящее время еще далека от совершенства. В этой связи практический интерес могут представлять материалы криминологических прикладных исследований при использовании их в специализированных изданиях по вопросам действующего законодательства, а также в рубриках региональной печати и радиовещания.

Криминологическая же осведомленность населения предполагает постоянное ознакомление населения с количественно-качественными характеристиками, наиболее распространенными в данной местности, регионе преступлений, в целях: побуждения населения к положительному активному поведению; улучшения взаимодействия и координации в профилактике преступности.

Сущностью индивидуальной профилактики является определение круга лиц, от которых можно ожидать совершения преступлений; выявление источников и условий неблагоприятного воздействия на них; индивидуальное прогнозирование преступного поведения; применение предусмотренных законом мер, обеспечивающих активно-корректирующее воздействие.

Недостаточная эффективность данного направления обусловлена, в частности, отсутствием четко действующей системы выявления лиц, склонных к совершению преступлений, в результате чего многие из тех, кто нуждается в профилактическом воздействии, остаются вне сферы влияния органов внутренних дел. В индивидуально-профилактической деятельности имеет место и другая крайность, когда в установленном порядке берутся на учет граждане, чье поведение, образ жизни не дают веских оснований для предположений о возможности совершения ими преступлений.

Объективные признаки криминогенного сочетания особенностей личности, микросреды и ситуации, которые связаны с возможностью их преступной реализации, А. П. Закалюком было предложено именовать криминологическими основаниями индивидуальной профилактики преступлений. В зависимости от наличия правовых и криминологических оснований, А. Я. Зырянов предложил выделять следующие группы лиц индивидуально-профилактического воздействия:

1. Лица, склонные к совершению преступлений и состоящие на учете в милиции в силу своевременной распознанности их антиобщественной направленности. При формировании этого массива происходит совпадение криминологических и правовых оснований для постановки на учет.

2. Лица, не склонные к совершению преступлений, но состоящие на учете в милиции по формальным признакам. Например, лицо, освободившееся из мест лишения свободы, должно быть поставлено на учет независимо от того, представляет оно или нет, и в какой степени, опасность для общества. В данном случае имеют место правовые основания для постановки на учет, но отсутствуют криминологические.

3. Лица, не склонные к совершению преступлений, но состоящие на учете в результате каких-либо неточностей, ошибок или даже определенных нарушений со стороны отдельных работников милиции. Другими словами, в этом случае отсутствуют и правовые и криминологические основания для постановки на учет.

4. Лица, склонные к совершению преступлений, но не состоящие на учете в милиции из-за того, что внешне не проявляют своей антиобщественной направленности. В данном случае нет правовых оснований для постановки на

учет, а наличие криминологических не распознано. Отсутствие внешних проявлений антиобщественной направленности крайне затрудняет выявление этих лиц, но не снимает самого факта их существования;

5. Лица, склонные к совершению преступлений, но не состоящие на учете в милиции по недосмотру последней, в результате упущений в ее работе. Здесь налицо и правовые, и криминологические основания для постановки на учет, но ни те, ни другие либо не выявлены, либо не приняты во внимание [2, с. 12].

Индивидуальная профилактика преступлений – одна из стадий профилактической работы, максимально удаленная от преступления и минимально от источников, порождающих эту форму отклоняющегося поведения. Под данным видом профилактики подразумевается деятельность государственных органов и общественных организаций по устранению обстоятельств, способствующих возникновению дезадаптивного и отклоняющегося допреступного поведения, по перестройке и коррекции поведения личности и ее ориентации с целью предотвращения прогнозируемой возможности возникновения криминогенных элементов мотивации либо их коррекции.

Содержание индивидуального предупреждения преступлений и, в частности, преступлений, совершаемых женщинами, заключается:

- в выявлении источников и каналов отрицательного воздействия на конкретных лиц в период, когда у них еще не сформировалось существенное искажение ценностных ориентаций и мотивации их поведения;

- в воспрепятствовании негативным влияниям еще до того, когда под их действием сознание человека будет поражено асоциальными взглядами и на их основе возникнут и укрепятся преступные мотивы;

- в осуществлении предупредительно-воспитательных мер в отношении девушек, в поведении которых обнаруживаются опасные тенденции к совершению любых преступных проявлений. К ним относятся индивидуальные воспитательные мероприятия, установление опеки и попечительства, направление в общеобразовательные школы и профессиональные училища социальной реабилитации несовершеннолетних, оказание медицинской помощи в центрах медико-социальной реабилитации;

- в применении к девушкам, допускающим правонарушения, гражданско-правовых, административных и принудительных мер воспитательного характера;

- в реализации оперативно-розыскной информации о женщинах, подготавливающих или замысливающих преступление, с целью принятия необходимых мер для склонения к отказу от доведения преступления до конца, недопущению наступления вредных последствий;

- в наблюдении за поведением определенных категорий женщин (осужденных условно и др.) с целью предупреждения совершения правонарушений;

- в контроле за соблюдением женщинами, освобожденными из мест лишения свободы, норм, установленных с целью недопущения с их стороны повторных преступлений;

Наиболее существенной причиной преступного поведения несовершеннолетних девушек являются недостатки воспитания. В связи с этим ранняя профилактика связывается, прежде всего, с педагогизацией различных сфер воздействия на подростков, обеспечением или восстановлением нормальных условий их жизни и воспитания.

Однако воздействие на человека в процессе общения лишь в психологическом плане, без его диалектической связи с воздействием в социологическом плане, является неэффективным. Психологическое воздействие «запускает» механизм регуляции поведения людей, а социологическое – механизм детерминации поведения людей. Невозможно изменить модус личности одним лишь психологическим воздействием на человека путем передачи тех или иных психических образов с помощью подражания, внушения, убеждения без социологического воздействия.

Выводы. С учетом данного положения на современном этапе развития прикладных отраслей психологии и психиатрии в основном сформулированы принципы, на которых должны строиться коррекционные программы. В отношении лиц, совершивших правонарушения, и отличающихся наличием асоциальных личностных установок, коррекционные программы должны основываться на следующих принципах:

1. Обращение к личности правонарушителя, в первую очередь, к положительным ее качествам; активное вовлечение в процесс перестройки мотивационной сферы.

2. Разносторонность воздействий, направленных на разные сферы деятельности личности (семья, досуг, работа и т. д.) с целью изменить отношение к себе, к своему прошлому и к своему микросоциальному окружению.

3. Единство биологических (медикаментозное лечение при наличии алкоголизма, физиотерапия и т. д.) и психосоциальных (психотерапия, трудовая терапия) воздействий.

4. Последовательность и поэтапность прилагаемых усилий, воздействий и проводимых мероприятий [8, с. 22].

Вышесказанное дает возможность составить общее представление об имеющихся в криминологической практике методах и способах воздействия на правонарушительниц в целях коррекции их поведения. Данный аспект представляет значительный научно-практический интерес, поскольку личность женщины-преступницы как объекта криминологической профилактики является центральным звеном при разработке и составлении программ предупреждения преступности, отвечающим требованиям современного общества.

Весьма важным является вопрос ресоциализации женщин в общество после отбытия наказания, более конкретному рассмотрению которого посвящен следующий раздел.

Список литературы

1. Бандурка О. М., Мартиненко О. А. Питання корекції окремих видів деструктивної поведінки // Вісник Університету внутрішніх справ. – 1997. – № 2. – С. 213–217.
2. Закалюк А. П. Общественное воздействие и предупреждение правонарушений. – К., 1975. – 263 с.
3. Зарипов З. С. Правовой механизм профилактики правонарушений. – Ташкент, 1990. – 155 с.
4. Зелинский А. Ф. Криминальная психология. Научно-практическое издание. – К., 1999. – 240 с.
5. Зелінський А., Машуба М. Підлітковий вандалізм // Право України. – 1994. – № 11–12. – С. 40–43.
6. Иншаков С. М. Зарубежная криминология. – М., 1997. – 383 с.
7. Кудрявцев В. Н. Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования: Учеб. Пособие. – М., 1998. – 216 с.
8. Ривман Д. В. Виктимологические факторы и профилактика преступлений. – Л., 2008. – С. 22.

The article is devoted to justification of the need to build preventive work of the internal Affairs bodies taking into account the adverse trends in women's crime and its close connection with social factors and interact with such institutions as the family, educational institutions, labor groups, women's movement, the Church, the media. It seems appropriate as a part of territorial local bodies of internal Affairs to have the inspector on work with women, which would coordinate preventive activities.

Keywords: *the identity of the offender, female offender, crime prevention, levels of prevention.*

УДК 343.5

Хлыстова Н. Б.
Будяков Д. В.

Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Донбасская юридическая
академия», г. Донецк
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

ОСНОВНЫЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛЬСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА

Получена 15 сентября 2016; принята 22 сентября 2016.

Khlystova N.
Budiakov D.

State educational establishment of
higher professional education «Donbass
law academy», Donetsk
e-mail: dua.ug.pravo@gmail.com

THE MAIN CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DOMESTIC VIOLENT OFFENDER

Received 15 september 2016; accepted 22 september 2016.

Статья посвящена криминологической характеристике основных специфических социально-демографических, нравственных и социально значимых биопсихологических характеристик и состояний, которые характеризуют личность как преступную.

Ключевые слова: личность преступника, семейно-бытовая преступность, насильственная преступность, моральность, нравственность, деградация.

Актуальность проблемы. Негативные последствия реформирования политических, идеологических, экономических, социальных основ общества в наиболее сконцентрированном виде проявляются в семейно-бытовой сфере. Эта сфера достаточно специфическая. Здесь происходит ретрансляция объективной реальности и формируется проекция вероятного будущего важнейших общественных институтов, поскольку семейно-бытовая сфера отражает внутреннее состояние общества.

Указанная специфическая сфера общественных отношений продолжает находиться в кризисном состоянии, что стало благоприятной средой для развития и распространения социальной дезорганизации и паразитизма, алкоголизации и деморализации, насильственной субкультуры и антиобщественных установок определенной части населения. Консерватизм,

ограниченность социального контроля, неформальный характер взаимоотношений существенно облегчили протекание названных процессов.

Приведенные и ряд других факторов способствовали ухудшению морально-психологического микроклимата в данной среде и усилению семейно-бытовой конфликтности в ее наиболее криминогенных формах. Последнее отразилось на ухудшении криминогенной ситуации в семейно-бытовой сфере.

Изложение основного материала. Сфера семьи и быта чрезвычайно сложная и многоаспектная. Она характеризуется социальной изоляцией и замкнутостью. Здесь преобладают неформальные отношения, которые регламентируются в основном нормами морали, обычаями, традициями, а потому действие правовых норм существенно ограничивается.

В течение довольно длительного времени семья и быт исследовались многими общественными и правовыми науками – философией, социологией, психологией, криминологией, гражданским и семейным правом. Каждая из них имеет свой предмет, специфику, направленность исследования, свою методику и технику, что требует углубленного изучения того или иного аспекта рассматриваемой сферы.

Однако семейно-бытовая сфера в течение последних лет приобрела устойчивые криминогенные признаки. Она теряет свою защитную роль для населения, превращается в общественно-опасную среду.

Между членами семейно-бытовой микрогруппы все чаще возникают криминогенные конфликты, что нередко приводит к совершению тяжких насильственных преступлений против личности. В связи с этим возникает необходимость раскрыть понятие этих преступлений, руководствуясь которым можно будет очертить их круг, дать криминологическую характеристику, раскрыть специфику.

Последнее позволит исследовать природу конфликта, лежащего в их основе, выявить детерминанты, изучить личность преступника и потерпевшего, выяснить мотивацию и роль предшествующих им жизненных ситуаций, разработать конкретные предупредительные меры.

Под личностью семейно-бытового насильственного преступника необходимо мы будем понимать совокупность специфических социально-демографических, нравственных и социально значимых биопсихологических характеристик и состояний, проявившихся в совершении насильственного преступления против жизни и здоровья личности в семейно-бытовой сфере.

Важным элементом социально-демографической характеристики личности преступника выступает ее возраст. Как показало наше исследование, наиболее высокая криминальная активность отмечается у преступников в возрасте 30–40 лет (29,3 %, 29,7 %, 37,5 % соответственно) и 25–29 лет (26,7 %, 19,3 %, 24,1 %) случаев.

Следует отметить, что наши результаты в целом подтверждают как результаты криминологических исследований, которые были проведены значительно раньше, еще в 1979 г. [8, с. 29], так и данные более современных

исследований (2000 г.) в Украине [7, с. 84]. Исходя из этого, следует отметить, что возрастные показатели преступников на протяжении длительного времени остаются стабильными. Учитывая это, считаем необходимым рассмотреть основные социально-психические характеристики названных выше двух возрастных групп.

Возраст 30–40 лет принято называть периодом жизненной зрелости. Большинство преступников этого возраста переживали глубокий жизненный кризис. Кризисные явления зрелости имеют общую природу – кардинальные изменения в образе жизни и деятельности человека сочетаются с критическим накоплением негативного жизненного опыта [6, с. 51].

Безработица, появление неограниченного свободного времени, ослабление или полное отсутствие семейных обязательств и социального контроля способствовали втягиванию этих лиц в бытовое пьянство, что, как правило, выливалось в многочисленные ссоры, драки с членами семейно-бытовой микрогруппы, а также нередко приводило к совершению различного рода правонарушений.

Негативные эмоции, которые оставались в наследство от систематических конфликтов с окружающими, порождают повышенную возбудимость, тревожность, акцентуации характера, осложняющих врожденные и приобретенные аномалии психики, ослабляют контроль над собственным поведением, что в целом повышает криминогенность указанной возрастной группы.

Существенное значение имеют данные о социальном положении и роде занятий лиц к совершению преступления. Полученные нами результаты свидетельствуют о том, что в основном семейно-бытовые преступники не занимались общественно-полезным трудом (трудоспособные, но временно неработающие и безработные) – около 68 %. Для сравнения: по данным российского криминолога С. М. Абельцева (2000 г.), этот показатель достигает 70 % [1, с. 137].

Доминирование среди преступников неработающих объясняется тем, что большинство из них имели невысокий образовательный уровень, о чем говорилось ранее, а потому работали на неквалифицированных или малоквалифицированных работах в сфере промышленности и сельского хозяйства. Систематические нарушения трудовой дисциплины не позволяли этим лицам надолго задерживаться на рабочем месте, а потому они всегда были первоочередными кандидатами на увольнение, что особенно актуально в условиях упадка производства и сокращения штата работников. Незанятость в производстве ведет к расширению границ бездеятельного периода, которая используется для удовлетворения примитивных потребностей в выпивке, развлечениях, дебоше и тому подобное. Кроме того, бездействие формирует привычку к потребительскому образу жизни в кругу «единомышленников», с выплескиванием время от времени негативных эмоций на близких и родных, которые выступают противниками такого поведения [5, с.192].

Рассмотрение морально-психологической характеристики личности преступника начнем с анализа их морального облика и состояния физического и психического здоровья. Прежде всего, необходимо отметить, что около половины виновных злоупотребляли спиртными напитками, около 3 % – наркоманы. По нашим наблюдениям, главным лейтмотивом большинства семейно-бытовых конфликтов является злоупотребление преступником, кстати, нередко совместно с потенциальной жертвой, спиртными напитками.

Повышенное внимание криминологов всегда привлекает выявление у преступников психических аномалий. Под последними следует понимать все расстройства психической деятельности, не достигшие психопатического уровня и не исключают вменяемости, однако приводят к изменениям личности и порождающих отклонения в поведении [4, с. 8].

По результатам нашего исследования у около трети преступников судебно-психиатрическими и судебно-психологическими экспертами выявлены разного рода психопатологии в пределах вменяемости. Невменяемыми признаны около 4 % виновных. Для сравнения: по данным разных авторов, доля лиц с психическими аномалиями среди преступников колеблется от 30 до 68 % [2, с. 4].

По нашему мнению, при построении типологии семейно-бытовых насильственных преступников за основу необходимо взять такой признак как направленность поведения виновных в семейно-бытовом конфликте. Подобный выбор обусловлен тем, что именно в данном критерии находят свое отражение наиболее значимые характеристики личности преступника: возраст, социальный статус, образовательный, культурный и нравственный уровень, потребности и ценностные ориентации, образ жизни, особенности психики, эмоционально-волевые качества, общественная опасность, мотивация поступков и так далее. Все эти свойства в диалектическом единстве продуцируют различные варианты поведения при непосредственном конфликтном взаимодействии, а также оказывают существенное влияние на выбор способа разрешения семейно-бытового конфликта.

Следовательно, исходя из направленности допреступного поведения в семейно-бытовом конфликте, который выливается в дальнейшем в совершение тяжких насильственных преступлений против жизни и здоровья личности, всех семейно-бытовых насильственных преступников мы разделяем на следующие типы: алкоголико-импульсивный, отчаянно-решительный, деспотически-тиранический, деградированно-неустойчивый.

Алкоголико-импульсивный тип – это преступник, преимущественно мужского пола, в возрасте 30–40 лет, может быть как женатым так и разведенным, со средним образованием, неработающий. Отличается низким культурным уровнем, нередко аморальностью, доминированием деформированных, духовно обедневших потребностей.

К таким потребностям можно отнести стремление к превосходству над окружающими, употребление спиртных напитков, примитивные развлечения, удовлетворение сексуальных влечений. Часто ранее судимые (в основном за

кражи и хулиганство). Общепризнанными ценностями у таких преступников есть: выпивка и закуска, ведение празднично-разгульного образа жизни в компаниях себе подобных лиц, «легкие» деньги, добываемые путем растрат, растративание имущества и мелких краж, случайные половые контакты. Характерной особенностью этого типа является злоупотребление спиртными напитками. С течением времени оно приводит к глубинным психическим расстройствам, появлению или осложнению разного рода психических аномалий. В результате порождается импульсивная направленность поведения при решении конфликтных ситуаций.

Отчаянно-решительный тип – это преимущественно женщины, хотя нередко могут быть и мужчины 14–29 лет, в большинстве случаев замужем (женат). Диапазон образования чрезвычайно широк – от начального до высшего, в основном работающая (работающий). Отличается определенным интеллектуальным и культурным уровнем.

В силу определенных психологических особенностей такие преступники в своем поведении руководствуются больше чувствами, интуицией, нередко амбициями. Для них признанными ценностями являются высокие чувства (любовь, дружба), большое внимание уделяют мечтам о счастливой семье, материальном благосостоянии, карьере, признании, уважении, благодарности. В связи с этим внутрисемейные и межличностные отношения для них имеют ведущее значение.

Характерными особенностями данного типа выступают их эмоционально-волевые качества: обидчивость, влиятельность, мечтательность, ревнивость, страх, злопамятность, решимость, ненависть, мстительность. Указанные черты по сути и формируют направленность агрессивного поведения в семейно-бытовых конфликтах. Решающую роль в перерастании состояния отчаяния виновных в стойкую решимость на совершение тяжкого преступления играет виктимное поведение потерпевшего.

Исследованием установлено две основные формы такого поведения. В одних случаях потерпевшие длительное время издевались над будущими преступниками, подвергали физическим наказаниям, ограничивали в правах, обижали близких и родных лиц, угрожали физической расправой. А в других – пили, изменяли, позорили виновных, не выполняли родительских и супружеских обязанностей, не могли или не желали материально обеспечивать семью. Однако при этом требовали привилегированного к себе отношения как к главе семьи.

Отмеченные обстоятельства провоцировали многочисленные конфликты, драки, которые воспринимались потенциальными преступниками как личная трагедия, крушение, злая судьба, а потому погружали их в состояние отчаяния. Находясь в таком состоянии, преступники некоторое время колебались, поскольку верили, что их обидчик опомнится и прекратит причинять им тяжкие духовные и физические страдания.

Иногда проходят годы, пока преступник поймет, что так будет всегда. И тогда уязвленные амбиции и самолюбие, униженные честь и достоинство,

перенесенные страдания и издевательства мгновенно актуализируются и порождают стойкую решимость на жестокую месть обидчику за все плохое.

Однако в отличие от других типов преступников, этот тип не отличается бездумными, импульсивными поступками. Они в основном готовятся к посягательству, нередко выжидают удобный случай, когда пострадавший находится в беспомощном состоянии и не может оказать достойное сопротивление, а потому такие преступления больше походят на жестокую казнь.

Так, например, Б. была осуждена за умышленное убийство к семи годам лишения свободы. Убийство мужа она совершила при следующих обстоятельствах. Б., 27 лет, замужем, со средне-специальным образованием, работает агрономом. На протяжении 6 лет состояла в браке с потерпевшим С. За это время между ними систематически возникали конфликты, в ходе которых потерпевший неоднократно применял физическую силу в отношении Б., угрожал убийством.

При таких обстоятельствах Б. неоднократно вынуждена была спасаться бегством из дома, скрываться с ребенком у соседей и знакомых, пыталась покончить жизнь самоубийством. В день преступления потерпевший пришел домой, как всегда, в нетрезвом состоянии, устроил очередную ссору, которая переросла в драку, в ходе которой Б. вынуждена была спасаться бегством из города. Однако в тот момент для себя она твердо решила лишить жизни обидчика. С целью реализации задуманного, Б. подыскала веревку, наточила топор и стала ждать, когда потерпевший, который в это время дополнительно употреблял спиртные напитки, уснет.

Дождавшись, она зашла в дом, завязала веревкой потерпевшему руки и нанесла ему несколько ударов лезвием топора по голове, от чего тот скончался на месте. На суде свою вину признала полностью, и пояснила «...лучше раз отсидеть, чем всю жизнь страдать» [4]. Данный тип преступников составляет около 15 % от их общей массы.

Деспотически-тиранический тип – как правило, это преступники-мужчины, 31–50 лет, женатые, с базовым средним образованием, преимущественно неработающие. Интеллектуальный и культурный уровни ограниченные, склонные к злоупотреблению спиртными напитками. Нередко имеют психические аномалии (хронический алкоголизм, остатки черепно-мозговых травм) и прежние судимости. Отличаются преобладанием искаженных потребностей в стремлении к насилию над ближайшим окружением, самоутверждения и самовозвышения.

Для данного типа преступников присущи такие эмоционально-волевые черты, как: грубость, сварливость, ревнивость, жестокость, язвительность, садизм, злопамятность и прочее. Характерной особенностью таких лиц является удовлетворение отмеченных ранее потребностей за счет пренебрежения свободой и правами потерпевших, что достигается путем их угнетения и истязания.

Стоит добавить, что в качестве пострадавших обычно выступают члены семьи, которые совместно проживали с осужденными. Именно этих лиц преступники систематически травили, оскорбляли, шантажировали, игнорировали, наносили побои, лишали пищи, свободы, жилья. По нашим наблюдениям, преступники этого типа, как правило, имели неограниченную власть и авторитет «хозяина» лишь в пределах семьи, поскольку в других социальных сферах и группах они были явными неудачниками и аутсайдерами. Думаем, что тиранические проявления членов семьи можно рассматривать как результат вымещение глубокого неудовлетворения виновных самими собой, заниженным социальным статусом, недостижимости желанных целей, на ближайших лиц, которые всегда рядом и в лице которых они склонны видеть причину всех своих поражений и неудач.

Показательно, что во время неформальных бесед с преступниками этого типа, отбывающих наказание в местах лишения свободы, выяснилось, что они расценивают факты применения физического и психического насилия в отношении потерпевших имели место еще задолго до преступного посягательства, как естественный способ внутрисемейного воспитания, исключительным правом применения которого наделены все мужчины.

Вот типичный пример рассматриваемого типа преступников. 48-летний Ш. был осужден за убийство своей жены, которое совершил при следующих обстоятельствах. Осужденный Ш., неработающий, имеет базовое среднее образование, хронический алкоголик, на протяжении около 10 лет систематически издевался над потерпевшей, причем по любому поводу (невкусный обед, некачественно убранная квартира, неухоженный ребенок и т. д.). Когда потерпевшая решилась расторгнуть брак с осужденным и уехала к родителям в село, Ш. начал настаивать, чтобы она вернулась и забрала некоторые личные вещи, которые остались у него.

В день преступления потерпевшая приехала к Ш. за вещами, однако отдавать их не спешил, а устроил очередную ссору, в ходе которой обвинял потерпевшую в изломанной жизни и умолял вернуться. Получив категорический отказ, Ш. сначала жестоко избил потерпевшую, а потом ее задушил [2]. Данный тип семейно-бытовых насильственных преступников является наиболее распространенным – около 40 % от всех осужденных.

Деградированно-неустойчивый тип – это, как правило, мужчины от 50 лет и старше. Чаще разведенные или вдовцы, с начальным (несколько классов) или базовым средним образованием, неработающие, нередко представители люмпенизированной части населения.

У них отмечается чрезвычайно скудный культурный и интеллектуальный уровень, примитивные потребности и извращенные ценности, распад личности и потеря человеческого облика. Ведущую внимание они уделяют удовлетворению витальных потребностей в выпивке, еде, сне, жилище, развлечениях, общении, ассоциирующихся с материальным и духовным благосостоянием и комфортом. Значительная часть из них больны хроническими (соматическими) заболеваниями (туберкулез, дерматологические

болезни и тому подобное). Довольно распространены среди них и психические аномалии (олигофрения, эпилепсия, шизофрения и др.).

Почти все преступники, которые были признаны соответствующими экспертизами неподсудными, – представители этого типа. Характерной особенностью преступников этой категории являются: психическая и физическая деградация, алкоголизация, потеря общественно-полезных связей, снижение жизненной активности. Кроме этого, аморализм, социальная отчужденность, антисанитария, общение в основном с себе подобными лицами, враждебно-неприязненное отношение к другим людям.

Ведение паразитического образа жизни сопровождалось административными правонарушениями, которые не представляют собой большой общественной опасности. Они легко находят нелепый повод для конфликтов, направленность поведения в которых, как правило, определяется условиями конкретной жизненной ситуации. В связи с этим их действия во многом носят непредсказуемый характер.

Так, например, 52-летний К. разведенный, с базовым средним образованием, неработающий, был осужден за умышленное тяжкое телесное повреждение, повлекшее смерть потерпевшему на 5 лет лишения свободы. Как усматривается из материалов уголовного дела, К. и Б. давние друзья и соседи, около года проживали совместно, злоупотребляли спиртными напитками, периодически нарушали общественный порядок и правила общежития.

На этой почве между ними возникали периодические столкновения, которые нередко сопровождались взаимными драками. В день преступления осужденный и потерпевший всю ночь совместно употребляли самогон, что был куплен на совместные средства, а также ссорились, когда потерпевший пытался себе больше налить спиртного, чем осужденному. Утром К. обнаружил, что Б. тайно от него допил остатки самогона, который они взаимно договорились оставить на потом, и, кроме того, произвел в постель естественные потребности. Такое развитие событий сильно разгневало К., в результате чего он начал наносить удары руками и ногами потерпевшему по различным частям тела. От полученных повреждений потерпевший вскоре скончался [3].

Представителей данного типа преступников меньше – около 10%.

Выводы. Подводя итог, отметим, что перечисленные нами четыре типа преступников иногда проявляются не в чистом виде, а в определенном сочетании, поскольку индивидуальные социально-психологические особенности преступников невозможно четко очертить пределами лишь одного из названных типов. В то же время приведенная выше типология преступников дает их основные криминологические характеристики, позволяет проследить генезис становления отдельных типов виновных, раскрывает направленность их поведения в семейно-бытовых конфликтах.

Список литературы

1. Абельцев С. Н. Личность преступника и проблемы криминального насилия. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. Закон и право, 2000. – 207 с.
2. Архивное дело Московского районного суда г. Харькова № 1–220, 2013 г.
3. Архивное уголовное дело Московского районного суда г. Харькова № 1–275, 2011 г.
4. Архивное уголовное дело Ореховского районного суда Запорожской области № 1–136, 2000 г.
5. Головкін Б. М. Соціально-психологічний портрет особи сімейно-побутового злочинця // Вісн. Запорізького юрид. ін-ту. – 2001. – № 1. – С. 189–198.
6. Донченко Е. А., Титаренко Т. М. Личность: конфликт, гармония. – 2-е изд., доп. – К.: Политиздат Украины, 2013. – 175 с.
7. Крижна Л. В. Попереження злочинів, що вчиняються у сфері сімейно-побутових відносин: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – К., 2012. – 215 с.
8. Соотак Я. Я. Преступления, совершаемые на почве конфликтов между супругами: Дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Тарту, 1979. – 197 с.

The article is devoted to the criminological characteristics of the main specific socio-demographic, moral and social bio-psychological characteristics and attitudes that characterize a person as a criminal.

Keywords: *personality of a criminal; domestic crime, violent crime, the morality, the degradation.*

УДК 343.148; 343.985

Шумаев Д. Г.

Донецкий государственный
университет управления, г. Донецк
e-mail: moiseev.alex@i.ua

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРАВОЗАЩИТНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Получена 06 сентября 2016; принята 12 сентября 2016.

Shumaev D.

Donetsk State University of Management,
Donetsk
e-mail: moiseev.alex@i.ua

THE USE OF SPECIAL KNOWLEDGE OF THE HUMAN RIGHTS SOCIAL ORGANIZATION

Received 06 september 2016; accepted 12 september 2016.

Рассмотрена возможность использования специальных знаний правозащитной общественной организацией в преступлениях, которые имеют массовый характер. Подтверждена целесообразность привлечения эксперта в процессе документирования доказательств военных преступлений. Установлено, что правозащитная общественная организация выполняет функцию привлечения специальных знаний при документировании преступлений, имеющих признак массовости. Сформулированы критерии привлечения эксперта.

Ключевые слова: *специальные знания, правозащитная общественная организация, критерии привлечения эксперта, военные преступления, международная судебная юрисдикция.*

Актуальность темы исследования. В настоящее время на территории Донецкой Народной Республики производятся артиллерийские обстрелы жилых кварталов и другие военные преступления. Они подпадают под юрисдикцию международных судебных инстанций. Общественные организации осуществляют документирование военных преступлений с целью передачи материалов в Международный уголовный суд. Собранные общественностью материалы требуют проверки по критериям достоверности и объективности. Для этой цели применяют специальные знания, процессуальной формой которых является судебная экспертиза.

Теоретическая актуальность темы исследования состоит в том, что возможность привлечения эксперта правозащитной общественной организацией не была предметом изучения в условиях преступлений, которые

имеют массовый характер. Практическая актуальность заключается в том, что выяснение критериев привлечения эксперта в процессе документирования доказательств правозащитной общественной организацией окажет содействие для передачи этих фактов в международную судебную юрисдикцию.

Анализ научных публикаций. Различные аспекты назначения судебных экспертиз исследованы в работах Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина, В. Ф. Зудина, А. В. Ищенко, В. Я. Колдина, И. Я. Фойницкого, В. Ю. Шепитько и других. Однако назначение судебной экспертизы общественной организацией не исследовано в научной литературе.

Целью статьи является конкретизация критериев привлечения эксперта правозащитной общественной организации в случае документирования преступлений массового характера.

Изложение основного материала. В науке ученые-криминалисты определяют криминалистическую информацию как систематизированные данные о людях, трупах, способах и средствах совершения преступления, похищенных вещах, следах и вещественных доказательствах, а также других объектах, имеющих значение для расследования преступлений [22]. С учетом интересов практики виды учетов, содержащих криминалистическую информацию, постоянно расширяются. Из определения следует, что в криминалистическую информацию входят также доказательства, используемые в процессе доказывания.

Е. Г. Коваленко выделяет и анализирует такие элементы доказывания: выявление доказательств, сбор доказательств, закрепление доказательств, исследование и проверку доказательств, оценку доказательств [9, с. 93–94]. Мы поддерживаем ученых-процессуалистов, которые считают начальным этапом процесса доказывания сбор доказательств [11, с. 78]. В таком ракурсе понимает доказательства и С. В. Познышев. Он указывает, что уголовно-судебными доказательствами должны признаваться те факты, которые с соблюдением установленных законом правил введения в уголовный процесс являются основаниями для получения информации о свойствах события и являются предметом судебного исследования [17, с. 51]. По мнению А. Я. Вышинского, судебные доказательства – это обычные факты, любые явления, которые происходят в повседневной жизни, а судебными доказательствами они являются только потому, что они входят в сферу судебного процесса, становятся средством для установления объективной истины [4, с. 146]. Ученый И. Я. Фойницкий разделяет понятие доказательства на два значения. Во-первых, доказательством являются данные, полученные от участников процесса, с помощью которых можно сделать соответствующие выводы. Например, из показаний свидетеля мы можем узнать о факте причинения смерти обвиняемым – это доказывание материалом (*Factum Probans*), с помощью которого заинтересованное лицо должно найти сведения об обстоятельствах совершения противоправного деяния (*Factum Probandum*). Во-вторых, доказыванием является сам мыслительный процесс соответствующего субъекта, в процессе которого обстоятельство устанавливается и соотносится с

известными обстоятельствами (*Demonstratio, Probatio*) [21, с. 162]. Известный процессуалист Л. Н. Лобойко отмечает, что ученые много работали над поиском и описанием неотъемлемых признаков доказательств, следствием чего стало определение следующих признаков понятия «доказательство»: 1) принадлежность, 2) допустимость, 3) достоверность, 4) достаточность (по совокупности доказательств). Под допустимостью доказательств он понимает дозволение для органа или должностного лица, ведущего уголовный процесс с учетом положений процессуального права, использовать их в качестве доказательств [12, с. 121].

Учитывая, что доказательству характерны критерии допустимости, достоверности и достаточности, мы поддерживаем так называемое единое понятие доказательства, сторонники которого утверждают, что фактические данные и их источники объединены в одно понятие двумя его необходимыми элементами, а доказательством следует считать единство сведений и их источников, которые находятся в соотношении формы и содержания [7, с. 110; 23, с. 11–12].

Оценка доказательства с точки зрения его достоверности – наиболее сложный элемент оценки доказательств, и поэтому в любом деле, где обсуждается вопрос об обоснованности приговора или другого судебного акта, с неизбежностью обсуждается проблема достоверности доказательств [14, с. 106].

Предварительным условием оценки доказательств с точки зрения достоверности является установление его относимости и допустимости. Достоверность состоит в прямой связи с результатами проверки доказательств и определяется как соответствие доказательства объективным фактам исследуемого события. Вполне справедливо в теории доказательств отмечается, что достоверность – это форма существования истины [9].

Оценка достоверности доказательств включает анализ всего процесса его формирования: условий восприятия, запечатления, передачи и фиксации сведений, сообщенных допрошенным лицом; условий появления, сохранения и копирования материальных следов; хода экспертного исследования и правильности его отображения в заключении; происхождения и состояния документов, предоставленных следователю, суду [14, с. 106–108].

Специфические пути определения достоверности доказательств использует вышестоящий суд:

- а) проверку доброкачественности источников доказательств на основании данных, имеющихся в деле;
- б) проверку категоричности, последовательности и логичности сведений, содержащихся в показаниях, заключениях, документах;
- в) анализ соответствия данных, содержащихся в показаниях, заключениях и документах, другим доказательствам по делу [2].

При выяснении достоверности доказательств вышестоящий суд может сделать следующие выводы: 1) доказательства достоверны, 2) доказательства недостоверны, 3) доказательства сомнительны [10].

Н. А. Якубович указывал, что в соответствии с правилами оценки доказательство должно иметь свойства допустимости и достоверности, а все доказательства в совокупности должны обладать свойством достаточности для решения вопроса относительно подозреваемого и установления его вины в совершении уголовного преступления [26, с. 114–120]. Как правильно отметил Н. А. Погорецкий, фактические данные, сведения о фактах (обстоятельства преступления) представляют собой основу для получения доказательств. Однако они становятся доказательствами не автоматически, даже при условии получения их из установленных законом источников, в соответствии с определенной уголовно-процессуальным законом для каждого из них видов формы, а только после признания их доказательствами лицом, в производстве которого находится уголовное дело. Именно с этого момента совокупность фактических данных и их источников приобретает статус доказательства по уголовному делу [16, с. 309].

Отметим, что не любые достоверные сведения об определенных фактах могут признаваться доказательствами. Признание определенных сведений доказательствами по делу обуславливается: 1) источником их происхождения; 2) способом их получения и фиксации; 3) правовым статусом лица, получившего соответствующие сведения; 4) законодательным определением процессуального порядка получения таких сведений [1, с. 10].

Действительно, не будут признаваться доказательством фактические данные, которые хотя и имеют значение для дела, но не наделены соответствующей процессуальной формой. И наоборот, если должным образом полученные показания свидетеля, заключения эксперта не будут содержать сведений, относящихся к делу, они не могут служить доказательствами. Именно единство содержания и формы (фактических данных и их источников) дает правильное представление о сущности доказательств [8, с. 275].

Так, М. Л. Шифман по этому поводу отмечает, что для того, чтобы факт как объективная реальность, которая имеет отношение к делу, мог быть использован в целях правосудия, нужно, чтобы этот факт стал доказательством в уголовно-процессуальном смысле, то есть необходимо выявить этот факт, процессуально его закрепить [25]. В. М. Тертышник считает, что допустимость доказательств означает правовую пригодность их для использования в уголовном процессе в качестве аргументов в доказывании; а именно, что: 1) фактические данные как доказательства, полученные а) уполномоченным на то субъектом; б) из известного, проверенного, но не запрещенного законом источника, в) в установленном законом порядке с соблюдением процессуальной формы, которая гарантирует защиту прав и законных интересов граждан; 2) фактические данные и сам процесс их получения надлежащим образом закреплены и удостоверены; 3) собранные доказательства и другие материалы уголовного дела в целом позволяют осуществить проверку достоверности и законности получения фактических данных [20, с. 288].

Другую правовую природу носит представление доказательств гражданами, предприятиями, учреждениями и организациями. Руководители

предприятий, учреждений и организаций, подавая доказательства, выступают должностными лицами, выполняющими возложенную на них законом обязанность – сообщать органам досудебного расследования и суда о совершенном преступлении, подавать им соответствующие предметы и документы. Что касается представления доказательств гражданами, не участвующих в деле, то этим они выполняют свой моральный, гражданский долг – способствовать органам государства в борьбе с преступностью [11, с. 80].

Так, в условиях совершения преступлений, которые имеют характер массовости (геноцид, военные преступления, преступления против человечности), становится актуальной проблема передачи фактов в международную судебную юрисдикцию. Факты совершения данных преступлений вносят граждане. Данные факты противоречивы. Также непонятен правовой статус собранных материалов. Мы поддерживаем мнение ученого А. И. Гришина, что «доказательством может быть то, что проверено, вероятность чего в связи с этим достаточно высока и не вызывает сомнений» [6, с. 17–26]. Из этого следует отметить, что любая информация о преступлении должна быть систематизирована, прежде чем предстать перед судебной инстанцией. По нашему мнению, обращение общественности к специальным знаниям позволит повысить степень достоверности документируемых материалов. Учитывая массовый характер преступлений, совершаемых на территории Донбасса, подчеркнем основную цель деятельности правозащитной общественной организации – привлечение специальных знаний при документировании преступлений, имеющих признак массовости. Привлекая судебных экспертов к исследованию полученного массива фактов и сведений, она повышает их достоверность и делает их пригодными для предоставления в судебные органы международной юрисдикции.

Эксперт привлекается для проведения судебной экспертизы в случае необходимости применения специальных знаний, которые понимают как совокупность знаний в отдельной отрасли науки, техники, искусства или ремесла [24 с. 207]. Согласно с мнением Г. И. Грамовича, который под специальными знаниями считает «научные знания, умения и навыки в определенной области человеческой деятельности (исключая знания в области материального и процессуального права), полученные в результате целенаправленной подготовки и опыта работы, которые используются с целью сбора доказательственной и ориентирующей информации о преступном деянии, а также способствуют разработке технических средств и приемов работы с доказательствами и установления существенных обстоятельств, имеющих значение для дела» [5, с. 12]. Делаем **вывод**, что при привлечении судебного эксперта правозащитной общественной организацией необходимо учитывать наличие у эксперта соответствующей квалификации для производства экспертных исследований.

В науке существуют различные понятия компетенции эксперта. В словаре судебного эксперта она определяется как степень владения теорией и

методиками экспертизы определенного вида, способность (субъективная возможность) осведомленного лица решать поставленные вопросы, относящиеся к предмету экспертизы. Компетентность эксперта определяется его образованием, специальной подготовкой, опытом в решении аналогичных задач, индивидуальной способностью к эвристическому мышлению.

Компетенция же эксперта определяется как массив специальных знаний из области теории экспертизы (рода, вида, подвида) и методик, обеспечивает решение всех возможных вопросов, касающихся данной экспертизы. Компетенция эксперта – это предел (лимит), к которому стремится каждый эксперт. Объемом знаний, определяющих компетенцию, должен обладать каждый эксперт [15, с. 160].

Е. Р. Росинская, уточняя данные понятия, отмечает, что различают объективную компетенцию, то есть объем знаний, которыми должен обладать эксперт, и субъективную компетенцию – степень, в которой конкретный эксперт владеет этими знаниями. Субъективная компетенция эксперта определяется его образовательным уровнем, специальной экспертной подготовкой, стажем экспертной работы и т. п. [18, с. 88]. Следовательно, если эксперт является компетентным при проведении определенных видов экспертных исследований, то это говорит о его профессионализме. Таким образом, правозащитная общественная организация должна при привлечении эксперта учитывать его профессионализм, в плане содержания поставленных перед ним задач исследования результатов документирования преступлений данного вида.

Следует отметить, что следовая картина массовых преступлений очень разнообразна и изменчива. Так, при осмотре мест обстрела военных преступлений в городе Горловке мы наблюдали большое число разрушений, которые видоизменялись как от природных факторов, так и в результате спасательных и восстановительных работ. Экспертами для определения направления обстрела применялись нестандартные подходы, применялись методы картографии и геодезии. Таким образом, необходимым оказался научно-исследовательский подход для решения нестандартных задач на месте происшествия.

Обратимся к моральной стороне деятельности общественных организаций по документированию военных преступлений. Как отмечает П. Яременко, морально-духовных качеств насчитывается всего несколько десятков, включая как добродетели – высоконравственные свойства человека, так и пороки – аморальные качества. Морально-духовные качества отражают этические обязательства и этические нормы поведения человека [27, с.108]. В этическом словаре морально-духовное качество определяется как черта личности, сформированная в результате интериоризации нравственной нормы или принципа, и независимо от конкретных условий устойчиво реализуется в повседневной деятельности и поведении человека [19]. В. А. Блюмкин подчеркивает, что высокие морально-духовные качества обусловлены моральной направленностью личности, включая цели, мотивы, ценностные

ориентации, убеждения, идеалы, склонности соблюдения соответствующих моральных норм [3, с. 13]. Мы поддерживаем ученых, которые определяют морально-духовные качества человека как внутреннюю необходимость личности выполнять моральные требования, определенным образом мотивируют социальную и профессиональную деятельность, побуждают к систематическим действиям в соответствии со своими этическими установками и моральными требованиями общества [13, с. 175].

Отметим, что при выезде на места военных преступлений мы сталкивались со свидетелями обстрелов. Пережитые обстоятельства накладывают существенный отпечаток на объективность передаваемой ими информации. Полагаем, что привлекая экспертов для документирования преступлений массового характера, следует учитывать их высокие моральные качества.

В данной категории преступлений решающим становится своевременность проведенного документирования, а значит и наличие реальной возможности задействовать эксперта в определенный период. Таким образом, критерий доступности эксперта является существенным в деятельности правозащитной общественной организации при документировании преступлений.

Формулируем **выводы**: 1) правозащитная общественная организация выполняет функцию привлечения специальных знаний при документировании преступлений, имеющих признак массовости; 2) критериями привлечения эксперта правозащитной общественной организацией являются наличие соответствующей квалификации эксперта, профессионализм эксперта, опыт научно-исследовательской работы эксперта, высокие моральные качества эксперта, его доступность для участия в документировании.

Список литературы

1. Андрушко П. П. Поняття доказів у кримінальному судочинстві, їх достовірності, належності та допустимості / П. П. Андрушко // Адвокат: науковий журн. – 2011. – № 5. – С. 9–18.
2. Арсеньев В. Д. Доказывание фактических обстоятельств дела в отдельных стадиях советского уголовного процесса / В. Д. Арсеньев // Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1969. – Т. 45. – С. 3–196.
3. Блюмкин В. А. О понятии морали. Что такое мораль. / В. А. Блюмкин. – М.: Философское общ-во СССР, Ин-т философии АН СССР, Общ-во «Знание», 1988. – 80 с.
4. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве: учебное пособие / А. Я. Вышинский. – М.: Госюриздат, 1950. – 308 с.

5. Грамович Г. И. Тактика использования специальных знаний в раскрытии и расследовании преступлений: учеб. пособие / Г. И. Грамович. – Минск: МВД СССР, 1987. – 196 с.
6. Гришин А. И. О сущности доказательств в состязательном уголовном процессе / А. И. Гришин // Проблемы реализации судебной реформы в Российской Федерации. Сборник научных статей. – Изд-во Саратов. юрид. ин-та МВД РФ 2001. – Вып. 2: Ч. 1. – С. 17–26.
7. Дорохов В. Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе / В. Я. Дорохов // Советское государство и право. – 1964. – № 9. – С. 108–117.
8. Жовтан П. В. Щодо визначення поняття доказу у кримінальному процесі / П. В. Жовтан // Наукові записки Львівського університету бізнесу та права. – 2013. – Вип. 11. – С. 275–279.
9. Коваленко Є. Г. Теорія доказів у кримінальному процесі України: підручник / Є. Г. Коваленко. – К.: Юрінком Інтер, 2006. – 632 с.
10. Копьева А. Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде / А. Н. Копьева. – Иркутск, 1990. – 192 с.
11. Крушинський С. А. Поняття та місце подання доказів у структурі кримінально-процесуального доказування / С. А. Крушинський // Вісник Академії адвокатури України. – 2009. – № 3(16). – С. 77–83.
12. Лобойко Л. М. Кримінально-процесуальне право: підручник / Л. М. Лобойко. – К.: Істина, 2005. – 456 с.
13. Мірошніченко Д. В. Морально духовні якості як показник вихованості сучасної університетської молоді / Д. В. Мірошніченко // Духовність особистості. – 2012. – № 5(22). – С. 169–177.
14. Перетятко Н. М. Оценка достоверности доказательств / Н. М. Перетятко // Судебная экспертиза. – 2007. – № 2. – С. 106–110.
15. Пилипенко Г. М. Оцінка компетентності експерта / Г. М. Пилипенко // Правничий часопис Донецького університету. – 2013. – № 2. – С. 159–164.
16. Погорецький М. А. Функціональне призначення оперативно-розшукової діяльності у кримінальному процесі: монографія / М. А. Погорецький – Х.: Арсіс, ЛТД, 2007. – 576 с.
17. Познышев С. В. Доказательства в уголовном процессе / С. В. Познышев. – М.-Л.: Гос. издательство, 1929. – 192 с.
18. Росинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. – М.: Норма, 2005. – 656 с.
19. Словарь по этике / С. С. Аверинцев и др.; под ред. А. А. Гусейнова, И. С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 447 с.
20. Тертишник В. М. Кримінально-процесуальне право: підручн. / В. М. Тертишник. – Вид. 4-те, доповн. і переробл. – К.: А.С.К., 2003. – 1120 с.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: учебное пособие / И. Я. Фойницкий. – СПб.: Альфа, 1996. – Т. 2. – 607 с.

22. Чернышов В. Н. Технично-криміналістическе забезпечення слідства: учебное пособие / В. Н. Чернышов, Э. В. Сысоев., А. В. Селезнев, А. В. Терехов. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. – 80 с.
23. Шейфер С. А. Понятие доказательства по уголовному делу в свете теории отражения / С. А. Шейфер // Проблемы криминалистики и доказывания при расследовании преступлений // Межвузовский тематический сборник. – Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1990. – С. 11–12.
24. Шепітько В. Ю. Криміналістика. Енциклопедичний словник (українсько-російський і російсько-український) / В. Ю. Шепітько ; за ред. В. Я. Тація. – Х.: Право, 2001. – 560 с.
25. Шифман М. Л. Основные вопросы теории советского доказательственного права / М. Л. Шифман. – М.: МГУ, 1956.
26. Якубович Н. А. Понятие доказывания в советском уголовном процессе / Н. А. Якубович // Советское государство и право. – 1965. – № 7. – С. 114–120.
27. Яременко П. С. Морально-духовне виховання сучасної молоді / П. С. Яременко – К.: Лібра, 2010. – 167 с.

The possibility of the use of special knowledge of the human rights social organization in the crimes of mass proportions has been considered. The expediency of expert engaging in documenting of military crimes evidence has been confirmed. It has been found that the human rights social organization discharges the function of special knowledge engaging in documenting of crimes, which are massive. The criteria of expert engaging have been formulated.

Keywords: *special knowledge; human rights social organization; criteria of expert engaging; military crimes; international court jurisdiction.*

НАШИ АВТОРЫ

Алимов Р. С. – заведующий кафедрой административного права и административной деятельности ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

Богославец Т. С. – магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Броварь А. В. – заведующий кафедрой международного права и государственно-правовых дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», доктор исторических наук, доцент.

Будяков Д. В. – магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Варивода Т. А. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Ганзера Р. А. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Дорофеев С. Э. – магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Ермакова М. И. – магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Комаров В. А. – заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Коноваленко А. В. – начальник отдела организации взаимодействия с Народным Советом, органами государственной власти и местного самоуправления Аппарата Совета Министров Донецкой Народной Республики.

Лебедева Н. В. – магистрант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Мамона Т. М. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Маринец Р. А. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Мироненко С. Ю. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Нарыжный Н. А. – директор департамента Международного права и сотрудничества Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

Никольская О. В. – доцент кафедры ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук

Новиков И. А. – главный специалист отдела Государственного реестра нормативных правовых актов Департамента регистрации нормативных правовых актов Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

Окрокова А. И. – помощник Макеевского межрайонного прокурора Донецкой Народной Республики.

Парфиненко О.Б. – старший преподаватель кафедры международного права и государственно-правовых дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Рогожкин А. В. – декан международно-правового факультета ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат филологических наук, доцент.

Руденко П. В. – магистрант ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет».

Степанов Ю. В. – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Субботин В. Н. – доцент кафедры международного права и государственно-правовых дисциплин ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия», кандидат юридических наук.

Филоненко О. Н. – директор Департамента государственной регистрации нормативных правовых актов Министерства юстиции Донецкой Народной Республики.

Финкина А. П. – аспирант ГОУ ВПО «Донбасская юридическая академия».

Хлыстова Н. Б. – кандидат юридических наук, доктор философии.

Шамов А. С. – и. о. заместителя Министра юстиции Донецкой Народной Республики.

Шумаев Д. Г. – ассистент кафедры административного права Донецкого государственного университета управления.

